КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
Кафедра международной журналистики

ПОД БЕЗДОННЫМ КУПОЛОМ АЗИИ

Книга для чтения с удовольствием

Часть 1

Бишкек 2010

УДК 821(082)
П 44

Идея докт. филол. наук, профессора *А.С. Кацева*
Технический подбор материалов *И.А. Шалевой*

Рецензенты: *И.В. Деева,* канд. филол. наук,
Б.Т. Койчуев, доцент

Рекомендовано к изданию кафедрой международной журналистики
и НТС КРСУ

П 44 ПОД БЕЗДОННЫМ КУПОЛОМ АЗИИ. Книга для чтения с удовольствием: В 3-х ч. Ч. 1. / Сост. А.С. Кацев – авт. пред., прим., Н.Л. Слободянюк – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2010. – 197 с.

«Под бездонным куполом Азии» – уникальный сборник, в который вошли наиболее яркие произведения Кыргызской литературы от фольклора до наших дней. Наряду с литературными произведениями в книге широко представлена публицистика, посвященная Кыргызстану. В сборник вошли произведения кыргызстанских и зарубежных авторов.

Хрестоматия адресована как преподавателям и студентам – филологам, журналистам, так и всем не равнодушным к Кыргызской литературе.

© Составители А.С. Кацев,
Н.Л. Слободянюк, 2010
© КРСУ, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5
Слово – душа народа
Пословицы, поговорки, изречения 7
Народные приметы 8
Бытовые песни 9
Обрядовые песни 13
Трудовые песни 18
Киргизские народные сказки
Мудрая девушка 20
Жээренче-Чечен и Карачач 23
Ум, Счастье, Богатство 26
Манас. *Эпизод* 28
Рождение богатыря 28
О киргизском эпосе «Манас» 48
Изречения мудрецов
Калыгул 50
Токтогул 53
Курманджан – датка 56
Солнце взойдет – зной такой 56
Сорока летит в Кары-Ой 57
Из дивана стихов Зыйнат 57
Состязание алайской царицы в айтыше с поэтом Амирбском 57
Плач «кошок» царицы Курманджан в час казни младшего сына Кымчыбека 58
Слово об авторе 59
Токтогул Сатылганов
Алымкан 60
Здравствуй мать! 61
Назидания 63
Бренный мир 65
Слово об авторе 68
Тоголок Молдо
Детская песенка 69
Плач женщины о павшей корове 69
О собаке, которая хотела сшить себе халат – доолдай 70
Волк и Лиса 71
Лиса и Журавль 74
Осел и Соловей 76
Я был его учеником. *Воспоминание* 78

Слово об авторе 82
Алымкул Усенбаев
Человек и Тигр. *Легенда* 82
Воробей. *Басня* 88
Сорока – зазнайка. *Басня* 88
Мой великий учитель. *Воспоминание* 89
Слово об авторе 97
Калык Акиев
Голодный волк. *Сказка* 97
Детство мое. *Воспоминание* 109
Как рождаются песни. *Воспоминание* 112
Слово об авторе 116
Касым Тыныстанов
Той, с кем разлучен 117
Разлука 119
Зима 120
Перу 121
Гробница Манаса 121
Спроси-ка, друг мой, спроси! 123
Джаныл Мырза. *Поэма* 125
Десять лет борьбы за новый алфавит в Киргизии. *Сжатый исторический очерк* 143
Слово об авторе 152
Касымалы Баялинов
Ажар. *Повесть* 153
Интернационализм великого поэта. *Статья* 161
Слово об авторе 166
Аалы Токомбаев
Тайна мелодии. *Рассказ* 167
О времени, о себе. *Статья* 180
Диалог о нестареющей молодости. *Интервью* 182
Слово об авторе 186
Примечание 188

ПРЕДИСЛОВИЕ

Киргизская художественная словесность богата традициями – устной, насчитывающей столетия, и письменной, возрожденной и бурно развивающейся в XX веке. Воссоздавая жизнь и опыт народа, киргизская словесность прошла несколько этапов в границах национального и преодолевающего эти границы бытования. Отсюда и связь с фольклором письменной литературы, то декларируемая, то существующая своеобразным фоном, то вновь мощно заявляющая о себе.

Полилингвизм как символ культурных процессов второй половины XX века мощно повлиял на формирование нового художественного знания. И если в первой половине прошлого столетия наблюдается влияние сопредельных литератур на киргизскую письменную, то во второй половине века, особенно во второй его трети, ощутимо воздействие киргизской на многонациональную советскую литературу. За отдельными писательскими именами и названиями произведений прослеживаются общие тенденции, характеризующие словесное творчество в целом.

На киргизской литературе (под этим термином подразумевается вся литература, созданная на территории нашей страны (прим. – А.К.) – печать советской общности, поэтому сегодня в одном временном ряду стоят как произведения, пришедшие к читателю сразу после их написания, так и книги по идеологическим и нравственно-моральным параметрам на десятилетия выведенные из историко-культурного контекста. Последние оказались как отдельными книгами «печатаемых писателей», так и целостным творчеством авторов различных политических и художественных взглядов. Каждый этап развития литературы в XX веке вносил свои коррективы в публикацию и переиздания тех или других произведений.

Сегодня среди множества книг, делимых даже не по территориально-временному принципу (опубликованные в границах отечества или за рубежом, в 20-е, 30-е гг. и т.д.), немало тех, которые остались в своем периоде и не прошли своеобразный экзамен на время. Причем, это касается не столько официальной – альтернативной литератур, сколько их эстетического потенциала.

И никакая конъюнктура (политическая и пр.) не делает произведения интересными следующим поколениям читателей.

Киргизская художественная словесность существует не только в оригинальном виде, но и в переводах на различные языки. Причем, численность читателей переведенных вариантов превышает обращающихся к оригиналу. Феномен художественного перевода в том, что он дитя двух культур, переводимой и переводящей. Русский язык в этом случае выступает в двух ипостасях: и как вариативный, и как язык – посредник. Отсюда широкая география произведений, которые благодаря русскому языку получили «зарубежную прописку» и одновременно творчество зарубежных авторов, посредством русского языка заговорившее по-киргизски.

Художественная словесность – исконно составная часть жизни киргизов. Кочевая культура была чрезвычайно разнообразна. Образное слово в ней занимало достойное место. Кочевника

в пути сопровождала песня. Отсюда уникальность эпических сказаний, среди которых особое место занимает героический эпос, своим многострочным контекстом воссоздающий эстетику, обычаи, этику, верования киргизов. Устная афористическая поэзия разнообразна и разножанрова. Незакрепленность на письме требовала лаконичности и образной глубины, которые делали ее запоминающейся. Отсюда множество пословиц и поговорок, существующих и как составная часть других произведений, и самостоятельно выражающих наблюдательность и мудрость народа.

Во все времена существует проблема «жизненного» потенциала произведения. Почему одни из них интересны читателям (слушателям) разных эпох, разных социальных слоев и культурного уровня, разного возраста и менталитета. А другие и выражающие, и отображающие существенное и необходимое умирают сразу после появления?!

Эта загадка сопровождает творчество с момента его рождения.

Делая (именно делая!) не только составляя, не только отбирая произведения, подбирая переводы книги, которую Вы держите в руках, ее составители определили основополагающий критерий – насколько то или иное произведение интересно современному читателю. Поэтому прежде чем попасть под обложку, каждое произведение и на языке оригинала, и в переводе «проверялось на читателе».

Хочется надеяться, что реакция тех, кто определил «вхождение» произведений в книгу и Ваше читательское восприятие совпадут.

Книга не претендует на всеобъемлемость представления киргизской художественной словесности, и вопрос: «А почему не вошел тот или другой автор, то или другое произведение, ведь они сыграли значительную роль в определенной эпохе?» как ни странно, заключает в себе ответ – они остались жить в той эпохе или же перевод этих произведений на русский язык, на наш взгляд, устарел.

Книга эта представляет собой своеобразную мозаику киргизской словесности, дающую целостное представление о бессмертии художественного слова не по «табели о рангах» авторов, а по «чувству боли в сердце каждого из авторов».

Образ «Под бездонным куполом Азии» принадлежит поэту, лауреату Нобелевской премии Иосифу Бродскому, разноязычное творчество которого во многом повлияло на судьбу культуры второй половины XX века,. думается, как нельзя лучше объединяет в единое целое произведения фольклора и литературы, которые сегодня, как и тогда, когда были созданы, с удовольствием воспринимаются читателем.

Подход к отбору произведений прост – их эстетическая ценность. Думается, вообще эстетика определяет и разделяет мир, т.к. все мировые катаклизмы в обществе в основе своей имеют различную эстетику, отсюда и непримиримые конфликты – революции, войны, религиозная нетерпимость и т.п.

Художественное Слово самоценно, поэтому припадем к нему, как в жаркий день припадаем к прохладе родника.

В книгу помимо киргизского устного поэтического творчества и произведений киргизских литераторов, созданных в разных жанрах, от публицистики до рассказов и повестей, включены и произведения о Киргизии, авторов, для которых наша страна стала важным эстетико-географическим открытием, ибо как сказал С. Есенин: «Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстоянье».

Открыв эту книгу и прочитав ее, Вы сделаете первый шаг к пониманию многогранного явления «киргизская художественная словесность». Знания убивают предрассудки.

Счастливого путешествия, переживайте вместе с героями, радуйтесь и огорчайтесь, и пусть Вам повезет.

А.С. Кацев

СЛОВО –ДУША НАРОДА

ПОСЛОВИЦЫ, ПОГОВОРКИ, ИЗРЕЧЕНИЯ

Народ, родивший героя, не умрет.
Повинную голову меч не сечет.
У кого есть старик, у того есть и счастье.
Кожа змеи – красива, зубы –яд.
Работай как раб, ешь как бай.
Не воруй, полагая, что не увидят.
Где есть люди, там лиса с голоду не издохнет.
Дом с детьми – базар (оживленный), дом без детей – кладбище (тихий, скучный).
Понадобится, так и тополь свалится.
Земля человека не обсчитывает, она полностью оплачивает вложенный в нее труд.
Нужное слово даже сноха скажет.
Если ты молодец, будь настойчив, в слове будь тверд.
Из одного проса каши не получится.
У заходящего солнца есть занимающаяся утренняя заря.
Когда у тебя есть конь, познавай землю; пока у тебя есть отец – познай народ.
Если явился хозяин, отдай его кобылу; с чужого коня среди грязи – долой.
Если у тебя есть умение – собери юрту.
Умелец не пропадет.
Залог счастья в единении.
Если будешь уважать своих родителей – увидишь добро от детей своих.
Голова – сосуд ума, глаза – зеркало души.
Начало он начинает, а конец бросает.
Ученому мир светел.
Знающим стать легко, человеком стать трудно.
Один сам по себе храбр, а у другого слово храбро.
Друг хвалит за глаза, враг – в глаза.
На вид враг мягок, любезен, а нутро черное.

Плохой человек дурного за собой не замечает, а хорошего человека ни во что не ставит.
Благодаря дождю цветет земля, благодаря труду процветает народ.
Чем умереть лежа, умри стоя.
Не получив знаний – не хвались; не став умельцем – не щеголяй.
И у журавлиной стаи есть свой вожак.
Отец богатства – труд, мать его – земля.
Не суди джигита по внешности, суди по делам.
Молодцу и семьдесят профессий маловато.
Для хорошего коня плетка не нужна.
У хорошего отца сын хорош, а у хорошей матери – дочь.
Хороший сын будет молодцом, а глупый – умрет глупцом.
Дурные дела и через сорок лет обнаружатся.
Ум – глубже моря, знание – выше гор.

НАРОДНЫЕ ПРИМЕТЫ

Если в юрте птица свила гнездо и ждет птенцов, хозяева должны отложить перекочевку, пока не появятся птенцы.
Нельзя бросать камнями в ласточку.
Не принято называть старших по имени. Мужчин надо уважительно называть байке – старший брат, а женщин эже – старшая сестра.
Не принято оставлять детей одних на ночь.
Нельзя ночью ходить по воду, но если это необходимо, надо попросить разрешения у духа воды.
Не принято перешагивать через нож, кнут и оружие.
Не принято рассказывать плохие сны, лучше пошептаться о нем с текущей водой.
Большой грех – отказывать тому, кто просит хлеба.
Не принято много говорить при старших – нужно их больше слушать.
Нельзя с пустым ведром пересекать дорогу людям.
Не принято здороваться левой рукой.
Нельзя стрелять в лебедей.
Нельзя плохо говорить об умерших.
Не принято дарить ножи.
Не принято выплескивать на землю остатки молока, иначе вымя коровы опустеет.
Нельзя злорадствовать над чей-то неудачей, иначе его беды станут твоими.
Нельзя разрушать муравейник, иначе разрушится твой дом.
Змея заползет в дом – не убивай, а поставь пиалу с молоком.
Если беременная женщина ест много яблок, у нее родится красивый ребенок.
Если ребенок хлопает в ладоши – жди хорошую новость.
Спящему младенцу под подушку положено класть нож или камчу, чтобы он спал спокойно.

Если птицы нахохлились, значит, грянет перемена погоды.
Если перепелка распелась – быть дождю.
Если льет крупный дождь – он будет недолгим, мелкий затяжной.
Если птица вьет гнездо на восточной стороне – лето будет прохладное.
Если собака катается по земле – быть дождю.
Если лошадь лежит на снегу – скоро будет тепло.
Сорока затрещала – жди гостей.
Множество мышей появляется перед засухой.
Если косули и архары с ранней осени начинают набирать в весе и брачный сезон у них начинается раньше обычного – значит, они, предчувствуя голодный год, стремятся наесться впрок и успеть выкормить малышей до наступления голода.
Зацвел урюк – жди заморозка.

БЫТОВЫЕ ПЕСНИ

Песни о любви

В Алмалы – Булак пришел опять
Твою стоянку поискать.
От радости я потерял
Свой голос. Как тебя зовут?

Меж ив Алмалы – Булака я
Одну увидел – у ручья.
С красивой ивою сравню
Тебя, красавица моя!

Зубов твоих серебряный ручей
Мог напоить тоску моих очей.
С великой жаждой я к тебе пришел, –
Не утолила жажды ты моей.

Зарей ты пришла через ночь и туман,
Прошла, как прошел по степи караван.
Была ты подобна румяной заре,
Когда полюбил я тебя, Келин-джан!

Смотрит из-за гор луна.
Нет покоя мне и сна.
Думаю о Келин-джан:
Спит ли в этот час она?

Золотой стал пиалой
Кызыл-Куль для нас с тобой.
Помню косы за спиной,
Стан, склоненный над водой.

***

Ты – как береза на заре:
Вся в золоте и в серебре.
Откочевала ты давно,
Смотрю: зима уж на двор.

***

Сюда, к ручью под горой,
Ходила она за водой.
Радость, как вспомню ее,
Красавицу с черной косой.

***

Прямее твой стан тростника,
Красивее рот твой цветка, –
Другой не увижу такой,
Хотя бы прожить мне века.

***

С Кызыл-Тоо смотрю: высоко!
Поохотимся тут с ястребком!
Смуглолицая, дай хоть разок
Поболтать мне с тобою тайком!

С Кара-Тоо смотрю: высоко!
Поохотимся тут с соколком!
Черноокая, дай хоть разок
Повстречаться с тобою тайком!

Качели

1

Качай, Бурулча, не стой!
Качай, раскачай, Бурулча!
Чтоб небо стало землей!
Чтоб стала ладонь горяча!
Качай, раскачай Алымкан!
Не так, не так, посильней!

Качай, раскачай, Суюмкан!
Не так, не так, посильней!
Ленишься, сноха моя!
Дай качну разочек я!
Ой, хорошая сноха,
Не раскачивай, постой!

2

Ой, пригожая сноха,
Погоди, шайтан с тобой!
Греховодница сноха,
Лучше я домой пойду!
Ой, негодница сноха,
Стой, ей – богу упаду!
Вверх – вниз,
шелковый платок!
Вверх – вниз,
качни-ка разок!
Джигиты, девицы, сюда!
Молодки, красотки, айда!
Ну-ка, начни,
красный платок!
Ну-ка, начни,
красный платок!
Девицы, молодки, разок!
Вверх, не дыша,
красный платок!
Вниз, не дыша,
красный платок!
Душа у тебя – как цветок,
Душа у тебя – как тюльпан!
Вверх – вниз,
душа Суюмкан!

Колыбельные песни

Баю-баю, спи ты на здоровье.
Очень много у меня забот.
Что бы мне на ужин приготовить?
Скоро с поля твой отец придет.
Баю-баю, подрастешь ты скоро,
И тогда, работник и герой,
Будешь ты для матери опорой,
Будешь за нее стоять горой...
Баю-бай, сыночек мой,

В белой люльке спи, родной,
Ты не плачь, мой золотой...
В сладкой кости мозговой
Жир достану – будет той;
Байкутан, щеночек твой,
Тоже просится домой,
Позовем его мы в гости
И привяжем бант на хвостик,
Из колючек на заду
Я болтушку заведу...
Баю-баю, белый мой,
Колпачок овечий мой,
Пусть для всех он будет дрянь,
Ты народу к счастью дан.
Баю-баю, светик мой!
Ты камыш озерный мой!
Тополек высокий мой!
Ты в беде защитник мой!
Баю-баю, Боже мой,
Буду я твоей рабой,
Все молитвы растрясу,
Душу в жертву принесу!
Баю-баю, мой малыш,
Что ты плачешь и не спишь?
Покровитель твой высок,
Баю-баю, мой сынок.
О, мой Бог, защитник Бог,
Он защитник твой, сынок.
У коня Али на бабке
Как звезда, бела заплатка,
Весь он в родинках, игривый.
С длинной шеей спорит грива...
Есть в живой реке – вода,
В жизни ровня есть всегда,
Каждой юрте – крепкий шест.
Старше младших жены есть.
Для железа – молот есть,
Для злодеев – с неба весть...

ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ

Песни-заклинания

* * *

Иду, шагаю по полю, по бороздам,
Раскидываю семена по сторонам –
Налево, направо, вокруг.
Ложитесь, зерна, в теплую пашню, как в пух.
Эта горстка – детям-сиротам,
Эта горстка – старикам, больным и калекам,
Эта – оголодавшим в засуху в соседних краях,
Эта горстка – заезжим купцам, певцам и бродягам,
А эта пригоршня для мышей,
Для муравьев, для птиц и всякой твари земной,
А это – для тебя, для него, для меня,
Для семьи, для детей...
Пусть поможет мне в деле Баба-Дыйкан, покровитель полей,
А остальное все сделаю сам.
Арыки широкие прорублю,
Вдоволь поля водой напою,
Не дам сорнякам зарастить мой посев,
Не дам проходимцам урожай воровать,
Буду сам охранять.
Пусть каждое зернышко тысячу зерен даст из горсти моей,
Да поможет мне в этом деле Баба-Дайкан,
Покровитель полей!

***

Да будет дождь!
Да будет дождь все сильней и сильней.
Лей дождь, поливай.
Пройдись по елям,
Пробуди ветки можжевельника,
Окропи широколистные деревья,
Согни своей мощью стебли крепкого чия,
Застынь в верблюжьей колючке,
Напои чашу матушку-землю.
Да будет дождь,
Поток живительный небесный!
Чтоб дасторхон был щедрым,
Чтобы скотина была сытой.
Лей, дождь, поливай!

Дари просветленье людям,
Дари свое великодушие и веру в счастье,
Дари надежду всем живым.
Лей, дождь, поливай!

Алас, алас

Алас, алас,
Будем избавлены от нечистоты.
Ушел от нас старый год,
Пришел к нам новый год.
Будем живы в этом месяце,
Год проживем в здравии.
Пусть удачу нам даст Всевышний,
Побольше даст света.
Пшеницей наполнятся амбары,
Рот наполнится хлебом.

Проводы невесты

1. Прощальная песня матери

Уйдешь не по воле своей, –
Не видеть мне радостных дней.
Уйдешь, родная, к чужим.
Привыкнешь, родная, к чужим.
Золотое кольцо надень, –
Забранится свекровь, смолчи.
С бирюзою кольцо надень, –
Седой не прекословь, смолчи.
Если муж сердит, будет строг,
Улыбкой ответь на упрек,
Не огорчай сердца его,
Не отвращай сердца его,
Чтоб не стал в сердцах проклинать
Он отца твоего и мать.
Гость придет – приветливо встреть.
Стыдись, сложа руки, сидеть.
Будь здорова, счастлива будь!
Пусть жемчуг устелет твой путь.

2. Песня женщин

Храпит иноходец, жарко дыша,
И плеткой не надо его подгонять,

Чья это невеста, что так хороша?
Такую красавицу жалко терять.
Как будешь свой черный бешмет надевать,
Смотри, чтобы не разошелся по швам!
Как будет жених иноходца седлать,
Расставаться с тобой будет грустно нам,
Ты пела для брата – перепел пел,
Говоришь с сестрой – жаворонком поешь.
В чужое поле перепел улетел,
В болоте горный жаворонок сел,
В чужие края и сама ты уйдешь.
На склоне горы твой родной аил, –
Твоя мать отдала свою дочь чужим.
На склоне горы долго род твой жил, –
Навеки простишься с отцом ты своим.
Отлито из золота веретено.
В подарок свекрови сгодится оно.
Даем кречета – обучай, расти,
Береги невесту, жених, в пути!
Не давай тосковать, плакать по ночам.
Холить не будешь – верни ее нам!

Кошоки (песни-плачи)

***

При тебе я счастлива была,
При тебе я не знала зла.
Дом стоял да сгорел дотла.
Что осталось? Одна зола.
Были руки твои сильны,
Были ноги твои длинны.
Сладкозвучные для жены,
Были речи твои умны.
Сто кибиток у нас аил.
В нем ты самым веселым был,
Чем владел – того не таил,
Всем давал – ничего не просил.
Сеял просо ты и ячмень.
До заката в поле весь день
Твой проворный мелькал кетмень,
Ты не знал, что такое лень...

***

...О, народ мой, закатилась яркая звезда,
Ушел (покинул нас) сокол киргизов!
В горах бессчетны табуны твоих коней,
Аргымаки и скакуны...
Ребенок твой мал, чтобы их завернуть,
Не ввергай мою душу в ад,
Не оставляй меня, забери с собой!
Закатилась луна, наступила ночь.
Слава твоя была беспредельна.
Многочисленное племя киргизов,
Обессилев, смирилось с судьбой...
Твое кочевье – многочисленные твои киргизы,
Будут искать тебя тщетно и успокоятся постепенно,
Но вдова твоя безутешная,
Что станется с ней, каково будет ей?..

Из эпоса «Манас». Перевод Мелиса Убукеева

Ак-Бата (молитвенное напутствие)

***

Чтобы ты был камчой для врагов народа,
Чтобы ты был каплей влаги в засуху,
Чтобы ты был для глухонемого и ухом, и языком,
Чтобы ты был колодцем в пустыне,
Чтобы ты был баатыром на скакуне,
Чтобы ты был смелым защитником для слабых,
Чтобы ты был опорой вдовам и сиротам,
Чтобы ты был угрозой для всех тиранов,
Чтобы ты был наказующим перстом для лжецов,
Чтобы ты был гонителем для воров.
Чтобы ты благодати отвечал своим благородством,
Для бедных ты был кормильцем,
Для беззащитных щипом и мечом,
Чтобы в словах своих ты был краток,
Говорил не торопясь, и только нужное народу,
Чтобы ты был справедливым и знающим,
Чтобы ты избегал тех, кто хвалит тебя,
Чтобы ты был молотом для кузнеца,
Чтобы ты был надежной оградой достойных,
Чтобы ты вселял силу в пугливых,
А в непостоянных – постоянство,
А если народ пострадает от засухи,
Чтобы ты стал дождем для них,

Чтобы ты был милосердным к старикам,
Чтобы ты наливал айран голодному,
Чтобы мирил воюющих,
Чтобы ты был кладом для народа,
Чтобы ты был одеждой для сирого,
Чтобы ты заслужил честь нести знамя,
Чтобы ты был колыбелью для новорожденного,
Чтобы ты был дверью к счастью,
Чтобы ты был пристанищем тем, у кого нет земли,
Чтобы ты был спокойным и добродушным,
Чтобы умел ты пользоваться славой.
Чтобы ты всегда был щедрым, даже когда у тебя нет ничего.
Чтобы ты был по душе честолюбивому,
Чтобы ты был гирей для весов,
Чтобы ты был истиной из истин.
Пусть твое духовное богатство будет нескончаемым,
Пусть твои слова будут бесценными,
Пусть твои честь и достоинство будут примером
для всего киргизского народа!

***

Да пусть будет у тебя достаток,
Да пусть будешь ты славно жив,
Пусть Бог дарует тебе долголетие,
Да сопутствует тебе благоденствие,
Пусть никогда не будешь хворать ты,
Пусть народ будет спокоен и сыт,
А хан – на своем месте.
Пусть Бог сбережет тебя от необъявленных врагов,
От чудовищных бедствий, от смерти
И буйства стихий.
Пусть будет мир,
Пусть торжествует труд и благополучие,
Пусть наши деды будут мудрыми,
А бабушки будут добрыми,
Пусть девушки наши берегут свою честь,
А дети наши будут отзывчивыми...

ТРУДОВЫЕ ПЕСНИ

Шырылдан

В поле всходы показались.
Мы запели Шырылдан.
Будет просо всем на зависть.
Мы запели Шырылдан.

Не за то ли эта песня
По душе нам всем пришлась,
Что с табунщиками вместе
В день далекий родилась?

Этой песней сон мы гоним,
С нею табуны пасем.
Были б целы наши кони –
Отоспимся завтра днем.

Как душевная беседа,
Эта песня Шырылдан.
Наши прадеды и деды
Тоже пели Шырылдан...

***

О святой Баба-дыйкан,
Дорогой Баба-дыйкан,
Ты смени на милость гнев,
Сохрани ты наш посев!..
Мы ни серебра, ни злата
Просим, чтобы жить богато,
Много ль надо нам на свете? –
Были б сыты наши дети...

***

Мелют, мелют, мелют жито.
Просевают через сито.
Просевают через сито
В деревянное корыто.
В том корыте хватит места,
Месят, месят, месят тесто.
В черном, черном казане
Хлеб печется на огне.
Хватит хлеба всей родне,
Хватит и тебе, и мне.

Посев

Скрипит соха на дворе,
Встречает весну на заре.
Ярмо – для пары голов,
Кнут – для воловьих боков, –
Земледелец запряг быков,
Обходит поле с сохой,
Бросает золотое зерно
В борозды щедрой рукой.
Поет с весной заодно.

Помол

В ямы ссыпают зерно.
В ямах хранится оно.
Соломе особый почет:
На корм скотине пойдет.
И мякина не пропадет:
Зимой скотина сжует –
Пока-то зима пройдет!
Случится голодный год –
Соломой прокормишь скот:
Лошадь, овцу, быка –
Неприхотлив скот бедняка.

Зерно на кошме разложи,
Отмерь, в мешок наложи,
Потуже мешок завяжи.
Подыми мешки с земли,
На пару быков взвали –
По два мешка на быка,
По два пестрых мешка, –
Пожалуйста, мельник, смели!

КИРГИЗСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

МУДРАЯ ДЕВУШКА

В старые, давние времена жил хан по имени Сарыбай. Однажды он собрал свой народ и говорит ему:

- Вот уже сорок лет я ваш хан, я много повидал за это время, я выпил и съел столько, сколько мне было предназначено. Теперь мне осталось только умереть, но нет у меня детей и некому передать ханство. Изберите же сами себе нового хана.

И отвечает Сарыбаю его народ:

– Ты сам назначь нам нового хана!

Нет, – говорит хан, – ведь живые забывают слова умерших. Умру я, а со мной и мои слова.

- Но народ снова стал просить его:
- Мы чтим тебя и твои слова, назначай нового хана; и мы послушаем тебя!
- Тогда Сарыбай сказал:
- Есть у меня верный друг – белый сокол. После моей смерти он три дня не будет ни двигаться, ни есть, ни пить. На четвёртый день вы подойдите к нему, покормите его, напоите его и выпустите на волю. Следите за ним и смотрите, где он будет кружиться. Тот, на чью голову опустится белый сокол, и станет вашим ханом.

Прошло немного дней, и хан Сарыбай умер. И верный его друг – белый сокол – три дня не двигался, не ел и не пил. На четвёртый день его накормили, напоили и выпустили на волю. Высоко в воздух поднялся сокол, покружился над собравшимся народом и опустился на голову молодого пастуха Болотбека. Зашумел тут народ. Одни кричали:

- Уж очень молод Болотбек – может ли он править ханством?
- Не станем выбирать ханом пастуха! – кричали другие.

Тогда выступили вперёд старейшины – почтенные белобородые старики-аксакалы, и обратились к народу:

– Мы обещали Сарыбаю выбрать ханом того, на чью голову опустится белый сокол. Он опустился на голову пастуха. И пусть этот молодой пастух станет теперь нашим ханом!

И вот стал пастух Болотбек ханом. Был он умным, справедливым и щедрым, помогал бедным –раздавал им скот и выдавал одежду из ханской кладовой.

Скоро народ заметил, что каждый раз, когда хан Болотбек выходил из кладовой, глаза его бывали заплаканы. Стали люди спрашивать у него о причине его печали и слёз. И молодой хан отвечал им:

- В кладовой лежит мой старый рваный халат. Он напоминает мне о том, что среди моего народа есть ещё много бедняков. От этого мне становится тяжело, и я плачу!

С тех пор ещё больше полюбили подданные своего хана.

Долго правил хан Болотбек, правил мудро и справедливо. Но одно печалило народ – не берёт хан себе жены, не нравятся ему дочери баев и ханов. И вот однажды пришли к нему аксакалы и стали просить его жениться.

- Вспомни Сарыбая, – сказали они ему. – Он умер, не оставив после себя наследников, так будет и с тобой!

Долго уговаривали его аксакалы, и хан, наконец, согласился.

- Хорошо, – сказал он. – Созовите всех знатных девушек нашего ханства, я загадаю им три загадки, и та, которая отгадает их, станет моей женой.

И вот во дворце Болотбека собрались все знатные девушки ханства. Выходит к ним хан Болотбек и загадывает им три загадки:

«Какое расстояние между востоком и западом?

Какое расстояние между небом и землёй?

Какое расстояние между правдой и ложью?»

Для ответа хан дал три дня сроку и приказал девушкам каждое утро и вечер приходить во дворец и рассказывать, что они надумают за это время.

Прошло два дня, но ещё ни одна из девушек не разгадала загадок хана. На третий день по дороге во дворец они встретили бедную девушку по имени Даанышман, которая собирала хворост.

- Сестрицы, – обратилась к ним Даанышман, – вот уже третий день ходите вы во дворец.

Скажите мне, зачем?

- Не твоё дело, – грубо отвечали ей знатные девушки. – Собирай свой хворост!

Но среди девушек нашлась одна подобрее и рассказала ей всё.

Тогда Даанышман стала упрашивать и её взять во дворец. Девушки смеялись над её бедной одеждой и не хотели брать с собой, но после долгих просьб они, наконец, согласились. Пришли девушки во дворец, и хан Болотбек спрашивает их:

- Ну, кто из вас отгадал мои загадки?

Никто из девушек не откликнулся. Тогда выступила вперёд Даанышман и сказала:

- Хан, я отгадала твои загадки. Между востоком и западом один день пути, потому что утром солнце начинает свой путь на востоке, а вечером заканчивает его на западе. Невелико расстояние между небом и землёй – его нетрудно охватить взором: поднимешь глаза – увидишь небо, опустишь глаза – увидишь землю. Третью загадку отгадать тоже нетрудно: расстояние между правдой и ложью всего лишь в четыре пальца, это расстояние между глазом и ухом, потому что ухо часто слышит ложь, но глаз всегда видит только правду.

- Правильно, – воскликнул хан, – ты одна разгадала загадки, ты самая умная девушка в моей стране, и я женюсь на тебе!

И Болотбек велел сзывать народ на свадьбу.

Так бедная девушка стала ханской женой. Жили они дружно и счастливо.

Даанышман помогала хану своими умными советами и наставлениями. Ведь недаром её звали Даанышман, что значит «мудрая». Хан всегда слушал свою жену, но взял с неё слово, что никого другого, кроме него, она не будет учить уму-разуму.

Однажды сильно провинился перед ханом один джигит. Понял джигит, что хан может казнить его за такой проступок. И пришёл тогда джигит к ханше и стал просить её, чтобы она научила его, как избежать неминуемой смерти.

Жаль стало ханше джигита, и она нарушила слово, данное мужу, – научила джигита, как отвечать.

- Только смотри, не говори хану, что это я тебя научила! – приказала она.

Но хан Болотбек сразу понял, что сам джигит не мог так умно придумать, и стал его выспрашивать:

- Скажи, кто тебя научил так отвечать? Если не скажешь, велю казнить тебя! Испугался джигит и сознался, что это Даанышман его научила. Разгневался хан. Пришёл он к жене и говорит ей:

- Ты не сдержала своего обещания, значит, ты не можешь быть мне верной женой! До сих пор жили мы с тобой дружно, но теперь оставь мой дворец и мой город – уезжай! Можешь взять с собой то, что ты больше любишь.

- Хорошо, – отвечала Даанышман. – Я согласна, только исполни мою просьбу – в последний раз поешь со мной вместе!

Согласился хан Болотбек.

Ханша приготовила еду, принесла вина и стала угощать мужа. Когда хан уснул, Даанышман приказала запрячь в арбу лучших лошадей. Она уложила в арбу спящего хана и повезла его, погоняя лошадей, что было силы.

Скоро приехали они в другое ханство. Хан Болотбек проснулся, посмотрел вокруг и увидал, что находится в каком-то незнакомом городе, а рядом с ним сидит его жена Даанышман.

Удивился хан Болотбек, спрашивает жену:

-Где я, что случилось?

-Хан мой, – отвечает ему жена, – ты сказал мне: «Оставь мой дворец и мой город – уезжай! Можешь взять с собой то, что ты больше всего любишь». Я оставила твой дворец. оставила твой город, но взяла с собой тебя, потому что люблю тебя больше всего на свете!

Понял хан Болотбек, что был несправедлив, стыдно ему стало перед женой-умницей, он вернулся с ней в свой дворец, и зажили они, как прежде, счастливо и дружно.

ЖЭЭРЕНЧЕ-ЧЕЧЕН И КАРАЧАЧ

В давние времена жил человек по имени Жээренче-чечен. Чечен – значит «красноречивый». Так прозвали его за то, что в разговоре он был умен и находчив. Был у него сын по имени Телемырза, о котором мудрый Жээренче каждый день слышал от народа: «Это такой обманщик, такой лжец, он ни разу в жизни не сказал ни одного слова правды».

Убьет Телемырза ворону, а хвастается, что убил косулю. На самом же деле он ничего не умел делать, и об этом все хорошо знали. Однажды Телемырза, как всегда, расхвастался перед собравшимся народом:

- Недавно я стрелял в одну косулю, пуля задела только кончик ее уха и кончик копыта, и косуля убежала.

Услыхал это Жээренче и подумал с горечью: «Какой же лгун мой сын Телемырза!»

- Ах, сын мой, – сказал он, – ты, видно, выстрелил в то самое время, когда косуля чесала копытом ухо!

Рассмеялись люди, слышавшие его слова, а Телемырза смолчал. А когда они остались одни, Жээренче сказал сыну:

- Ох, и непутевый же ты, парень! Зачем врешь? Если хочешь стать достойным человеком, больше не лги. Ложь принесет тебе в жизни много вреда, помешает твоему счастью.

Телемырза молчал. Думал отец, что сын не станет больше врать.

Однажды Жээренче решил испытать Телемырзу. Ехали они вместе ночью по дороге. Жээренче и говорит сыну:

- Глаза твои острей моих – посмотри-ка, что это там виднеется впереди. Уж не архар ли?

- Да, верно, это архар, – ответил отцу Телемырза. – Он стоит и кормит своего детеныша! Услыхал эти слова Жээренче и огорчился – сын его снова соврал. Ведь впереди никого не было!

Сильно горевал Жээренче, что его единственный сын лгун. К тому Телемырза был и глуповат.

В другой раз они снова вместе отправились в дорогу. Отец и говорит:

- Сын мой, сготовь-ка пищу на гриве коня!

Телемырза быстро сошел с коня и стал поджигать его гриву.

- О, сын мой, «сготовить пищу на гриве коня» означает достать и съесть припасенную в дорожном мешке еду, не сходя с коня, – сказал ему Жээренче.

Проехав еще немного, Жээренче говорит сыну:

- Сын мой, сократи-ка длинный путь.

Телемырза слез с коня и стал кетменем выравнивать бугры на дороге. Тогда мудрый Жээренче и говорит ему:

- Сын мой, кетменем долгого пути не сократить. «Сократить длинный путь» означает завести интересную беседу. Беседа в пути – это развлечение, с ней незаметно проедешь весь путь... Эх, – с горечью вздохнул старик. – Неужели мой единственный сын никогда не станет человеком! Но не зря ведь в народе говорится: «Ум переходит, счастье передается».

Надо поискать ему умную да правдивую жену, решил мудрый Жээренче.

Оседлал Жээренче лучшего коня и отправился искать невесту для своего сына.

Не осталось племени, среди которого он не побывал, не осталось места, куда бы он не заезжал. Шесть месяцев ездил он – девушек много, но такой, какую искал Жээренче, не было.

Едет старик дальше и видит: недалеко от аила девушки пасут телят и собирают хворост. Неожиданно пошел дождь. Одни бросились бежать, волоча за собой телят и хворост, другие, побросав все, спасались сами. И лишь одна девушка осталась на месте. Она прикрыла хворост своим чапаном – халатом, а сама с теленком забралась под хворост.

Мудрый Жээренче подъехал к девушке и спросил ее:

- Дитя мое, все девушки разбежались по домам, а почему ты осталась под дождем?

- О отец, эти девушки имеют четыре убытка, а у меня убыток один, но три выгоды! – ответила девушка.

Жээренче спросил:

- Что же это за три выгоды?

- Телёнок не высосал молока у коровы – это первая выгода; дрова мои остались сухими, и сама я не промокла – это вторая выгода. Когда я вернусь домой, **мать** не станет меня ругать – это третья выгода. Один убыток в том, что намок мой чапан. А у тех девушек четыре убытка: телята высосали молоко у коров, хворост и одежда намокли, и матери накажут дочерей за это!

- Ты мне понравилась, дитя моё. Которая же из юрт в аиле ваша? – спросил Жээренче.

- Как только въедете в аил, вы сразу увидите нашу юрту, отец мой. Мы живём там, где вокруг расставлено сорок копий.

Жээренче обрадовался, что, наконец, нашёл ту, которую искал. Он въехал в аил и стал искать юрту, где живёт девушка, но не сразу нашёл её. «Видно, девушка задала мне загадку.

Сорок копий – это, наверное, сорок жердей купола дырявой юрты, которая виднеется вон там». И старик напрямик отправился к бедной юрте, стоявшей на краю аила. Отец и мать девушки были люди хорошие и добрые: они ласково встретили Жээренче и угостили его тем, что имели. Когда ужин был съеден и наступило время ложиться спать, Жээренче обратился к родителям девушки:

- Зовут меня Жээренче, у меня есть единственный сын Телемырза. Я ищу ему невесту. Мне очень понравилась ваша дочь, я хотел бы породниться с вами, чтобы дети наши были счастливы.

- Всё это хорошо, но мы люди бедные, – отвечали отец и мать девушки, – всё, что у нас есть, – это наша дочь Карачач. Вы же знатный и известный всем мудрый Жээренче, понравится ли наша дочь вашему сыну?

- Мне очень понравилась ваша разумная дочь. Понравится она и сыну моему Телемырзе, – сказал Жээренче и продолжал: – Пусть имя Карачач будет отныне Акылкарачач – умница Карачач, и пусть она будет счастлива. Надо, чтобы я сватал её, как сватают в народе. Пусть будет всё так, как велят наши обычаи. Сколько верблюдов, лошадей, коров я должен пригнать вам за дочь, скажите мне об этом открыто.

- Не буду я называть калым, не хочу я мою единственную дочь обменивать на скот, как заарканенное животное, – отвечала мать Карачач. – Пусть дочь сама решает, как быть с калымом и со всеми другими обычаями.

- Отец и мать мои, – сказала тут Карачач, – не могут продать единственное, что у них есть – дочь. Карачач пойдёт лишь туда, куда укажет ей сердце.

Подивился Жээренче тому, что услышал, и уехал домой. Нарядил он своего сына Телемырзу и приехал с ним к Карачач. Понравился Карачач сын Жээренче.

Разнеслась по аилу весть: бедняк Токсон выдаёт замуж свою единственную дочь за Телемырзу – сына Жээренче, Карачач не велела родителям получить за себя калым. Ну что же, ведь издавна говорят: «Девушка может выйти замуж без калыма, но не может быть свадьбы без свадебного обряда!»

«Пойдёмте на свадебный той, получим полагающиеся подарки», – решили люди. И все девушки аила собрались на свадьбу Карачач.

Жээренче справил богатую свадьбу, зарезал много скота. Семь дней пировали гости, а на восьмой день Жээренче с сыном увезли Карачач в свой аил. Всем в их аиле понравилась умная, добрая да находчивая Карачач.

С тех пор как в доме Жээренче появилась невестка, его дела пошли ещё лучше. И сын его, Телемырза, поумнел да и врать перестал. Народ говорил: «И впрямь невестка Жээренче хорошая, раз такой глупец Телемырза стал человеком».

Слава о Карачач дошла и до ушей самого Жаныбек-хана. Жаныбек-хан был злым и жестоким правителем. Он считал себя самым умным человеком и не терпел, если кто-нибудь оказывался умнее его. И решил хан поехать к Жээренче посмотреть на его невестку.

Жээренче с почётом встретил хана, хорошо угостил его. Хан попросил позвать Карачач. И когда Карачач пришла, Жаныбек-хан сказал Жээренче:

- У меня есть три вопроса к твоей невестке.

- Спрашивайте! – сказал Жээренче-чечен.

- Можно ли скакуна обменять на корову? Можно ли лошадь обменять на осла? Можно ли белого сокола обменять на ворону? Разгадай эти мои загадки, завтра я приеду за ответом, – сказал Жаныбек-хан и, сев на коня, уехал.

На следующее утро хан приехал за ответом. Карачач и говорит ему:

- Лучше корова, дающая молоко, чем слабосильный скакун. Лучше выносливый осел, чем хилый конь. Лучше ворона с крыльями, чем бескрылый белый сокол.

Ничего не сказал хан, сел на коня и уехал домой.

Видит Жаныбек-хан, что Карачач и в самом деле умна и находчива, но всё не унимается.

Скоро послал он к Жээренче своего министра-визиря и приказал ему:

- Пусть завтра утром Жээренче явится ко мне – не пешком и не на коне, и едет пусть не по дороге и не по полю.

Выслушал Жээрекче ханского визиря и опечалился.

Узнала о приказе Жаныбек-хана умница Карачач и сказала она Жээренче:

- Не печальтесь, отец. Встаньте рано поутру и оседлайте козла. Поезжайте на нём не по дороге, а по холмистой степи, лежащей посреди двух дорог. А когда хан спросит вас, как и на чём вы ехали, отвечайте так: «Я приехал не на коне, а на козле. Я ехал не по дороге и не полем, а ехал я по холмистой степи между двух дорог!»

Жээренче так и сделал. Он приехал во дворец хана и сказал ему:

- Хан, я выполнил твой приказ. Я приехал не на коне, не пришёл я и пешком, я приехал на козле. Ехал не по дороге, не по полю, а по холмистой степи, лежащей между двух дорог!

Выслушал хан ответ Жээренче, разгневался и велел ему отправляться домой. А наутро приезжает в дом Жзэренче джигит от хана с новым приказом:

- Хан приказал в течение тридцати дней вытянуть из камня сухожилия и сшить из песка сапоги.

- Кто же это может из камня вытянуть сухожилия и сшить из песка сапоги? – удивляется Жээренче.

А Карачач говорит ему:

- Будьте терпеливы, отец, терпение – золото!

Прошло тридцать дней. Карачач переоделась, закрыла лицо старым платком и пошла к хану.

- Господин мой хан, – сказала она, – тяжело жить в бедности. Задумала я сшить себе из песка сапоги, но для этого не можем найти сухожилий, вытянутых из камня. Вот и пришла я к тебе спросить, нет ли их у тебя?

А Жаныбек-хан уже успел забыть свой собственный приказ. Рассердился он и закричал:

- Какая же ты глупая! Или ты сошла с ума? Разве можно сшить сапоги из песка или вытянуть сухожилия из камня? Не болтай глупостей, убирайся отсюда!

Тогда умница Карачач сдёрнула с себя старый платок, закрывавший лицо, и сказала хану:

- Правильно ты говоришь, хан мой. А я-то всё думала, как бы выполнить твой приказ – сшить из песка сапоги сухожилиями, вытянутыми из камня!

Сказав так, Карачач тихонько вышла. А Жаныбек-хан не знал, что и делать от досады.

Умница Карачач вернулась домой и рассказала обо всём Жээренче. Жээренче был очень доволен своей невесткой.

Тем временем снова нагрянул Жаныбек-хан. Он приказал своим джигитам связать руки Жээренче и изгнать его из родных мест.

А сына его Телемырзу подверг жестоким пыткам и заставил выполнять самую тяжёлую работу.

Так прошёл целый год. Жээренче через верного человека послал на родину письмо. Письмо было в загадках.

«Я слышал, – писал Жээренче, – что посевы ваши взошли хорошо и созрели хорошо. Жнецы у вас отменные, а потому, не оставляя до зимы, вовремя сожните ваши посевы. Есть там у вас чёрный слепой козёл, свяжите его и бросьте в озеро. Есть и другой козёл, с прямыми рогами. Сделайте его вожаком стада. Есть у меня ножичек с острым лезвием, есть и никудышный ножик – пусть народ не забывает о нём». Выслушал народ эти загадки, но никто не смог разгадать их.

- Эти загадки сумеет разгадать только невестка Жээренче, умница Карачач, – сказали все разом и пошли к ней просить разгадать загадки Жээренче.

И вот Карачач начала разгадывать одну загадку за другой:

- «Посевы ваши взошли хорошо и созрели хорошо» – означает то, что врагов у нас много и ещё больше стали они угнетать нас. «Жнецы у вас отменные, а потому, не оставляя до зимы, вовремя сожните ваши посевы» – означает: «Вы всегда были смелы, а теперь нападайте на врагов, убивайте их так же, как жнут серпом посевы». «Есть там у вас чёрный слепой козел, свяжите его и бросьте в озеро» – означает: «Убейте Жаныбек-хана и бросьте в озеро». «Козёл с прямыми рогами» – это Бердибек, младший брат Жаныбека, сделайте его своим ханом. «Ножичек с острым лезвием» – это я, Карачач. «Никудышный ножик» – это Телемырза. – И умница Карачач закончила разгадку такими словами: – Отцы народа, старики, храбрые джигиты, скорей уничтожьте чёрного слепого козла!

И народ убил жестокого Жаныбек-хана. На его место народ избрал храброго и умного Бердибека. Жээренче вернулся в родные места. И снова стали они мирно жить в своём доме: Жээренче, Телемырза и умница Карачач.

УМ, СЧАСТЬЕ, БОГАТСТВО

Когда-то Богатство, Счастье и Ум шли вместе по дороге и заспорили, кто сильнее всех. Ум расхвастался перед Богатством и Счастьем:

- Я самый сильный. Если у человека нет ума, не будет у него ни богатства, ни счастья!
- Если нет счастья, то ни к чему человеку ни ум, ни богатство! – сказало Счастье.
- Нет, я всё-таки сильнее вас обоих! – запальчиво ответило Богатство. – Без богатства нет ни счастья, ни ума!

Тут увидели они на пашне молодого дехканина. Богатство, опередив других, схватило дехканина за руку и погладило его по бороде.

- Пусть на земле, которую ты пашешь, взойдут золото и серебро! – сказало оно.

И в одно мгновение пашня дехканина покрылась не пшеницей, а золотом, не травой, а серебром.

Увидев это, Ум подумал: «Разве я не сильнее Богатства?» Взял он и отнял у дехканина разум.

Дехканин, лишившись ума, тут же пошёл в аил, к баю, и сказал:

- На моей пашне вместо пшеницы взошли голые камни.

Бай пошёл следом за дехканином. Он увидел рассыпанное на пашне золото и серебро и догадался, что дехканин лишился разума. Тогда бай сказал ему:

-Ты отдай эту землю мне. А я тебе за неё дам столько же другой земли.

Дехканин очень обрадовался этому. Бай же в один день перетаскал всё золото и серебро к себе в юрту.

Тогда Счастье, увидев, что дехканин лишился и богатства, и ума, решило помочь ему. И тут же появился богатый караван. Увидали караванщики дехканина и говорят:

- Видно, человек этот честный и добрый! Сделаем его нашим караван – баши и все будем его слушаться!

Караванщики надели на дехканина лисью шубу, на голову его – шапку из куницы, посадили на быстроногого иноходца и повезли с собой.

Скоро караван прибыл в аил одного бая и сделал там привал. С наступлением темноты самый старший караванщик пришёл в юрту бая.

- Бай-аке, у нашего караван-баши нет жены, – сказал он. – Я пришёл сватать за него вашу старшую дочь.

Бай очень обрадовался и воскликнул:

- Если вашему караван-баши понравится моя дочь, я очень буду рад выдать её за него замуж!

Бай велел поставить свадебную юрту и привести туда его красавицу дочь. Бай с почётом встретил жениха и ввёл его в юрту. Все девушки аила собрались у свадебной юрты. Они тихонько приподняли её боковую кошму и стали смотреть на знатного жениха.

У жениха был важный вид и красивая осанка. Но он ничего не говорил, молчал, словно немой. Ведь у него не было разума, и он не знал, о чём ему говорить!

- Почему же он ничего не говорит? – перешёптывались девушки. – Видно, дочь бая он не считает себе равной.

Эти разговоры дошли до самого бая.

«Почему он ничего не говорит? Или вправду считает мою дочь не равной себе? Неужто он хочет сделать меня посмешищем?» – обиделся бай. И решил он подождать до утра. Когда рассвело, всем стало известно, что жених так ни разу и не раскрыл рта, и не промолвил ни одного слова.

- Позор пал на мою голову, он гнушается моей дочерью! – воскликнул разгневанный бай и, собрав народ, решил убить жениха.

А как раз в это время Богатство, Счастье и Ум проходили неподалёку от этого аила. Они узнали, что бай собирается убить дехканина. Богатство и Счастье стали просить Ум:

- Мы признаём себя побеждёнными. Верни дехканину разум и спаси его!

Ум согласился и дал дехканину разума в два раза больше, чем у него было раньше. Дехканин тотчас пришёл в себя, огляделся и, увидев, что его собираются убить, взял шапку в руки, расправил бороду и заговорил:

- Бай-аке, разреши мне сказать два слова.
- Пусть говорит, пусть говорит! – зашумел народ. Бай согласился.
- Когда я был ещё маленьким мальчиком, на наш аил напал враг, и мы все до одного бежали от него, – произнёс дехканин. – В это время одна девушка нашего аила переоделась в мужскую одежду, упрятала косы под шапку и, сев на коня, выступила против врага. Одна прогнав врага, она со звонким смехом остановила убегающий народ. Так вот, со вчерашнего дня я сидел и думал, может быть, и ваша дочь окажется таким же батыром, как та самая девушка!

Обрадовался тут бай, услышав такие речи, и устроил большой свадебный той.

После свадьбы дехканин взял с собой свою красавицу жену и во главе каравана отправился в дальний путь – торговать с другими народами и ханствами. С тех пор и осталась в народе поговорка: «Если нет ума, то не будет ни богатства, ни счастья».

МАНАС

Эпизод

РОЖДЕНИЕ БОГАТЫРЯ

Как рассказывает первая глава киргизской эпопеи – «Рождение богатыря», Манас явился на свет чудо-ребенком. Героические подвиги богатырь начинает совершать уже с детских лет.

Соратники и друзья Манаса – сорок витязей – составляют его боевую дружину. Большая часть их – вожди различных племен, добровольно принявшие главенство Манаса.

Жил Джакып на алтайской земле.
Был соседом он двух племен
По прозванью манжу и калмык.
Был годами Джакып убелен,
Ожидал своей смерти старик.
Был печален его удел.
Плакал старый Джакып, скорбел,
Что ребенка нет у него,
Верблюжонка нет у него.
От печали Джакып изнемог:

«Если не дал мне сына бог, –
Пользы нет от моих трудов.
Ни к чему мне мои года,
Ни к чему мне мои стада,
Все стада четырех родов!
Сына, сына нет у меня,
Чтобы сбрую надел на коня,
Чтобы, в шубе с воротником,
Был опорой, подмогой моей,

Где наследник мой, где родня?
Сына, сына нет у меня!
Где потомство, где крылья мои?
Ни к чему усилья мои!
Кто в народе, как я, одинок?
Знаю: смерти час недалек, –
Кто от смерти спрячет меня?
Если бренный покину я свет.
Если сына любимого нет,
Кто придет, оплачет меня?
Стала ржавой моя броня.
Вижу я своего коня,
Но Джакыпу скакун, как чужой,
Я стою с разбитой душой.

Где мой сын, где семя мое?
На исходе время мое.
О, как тяжко бремя мое!
Как рыдает племя мое!
Горе в сердце моем глубоко.
Кто секиру оценит мою?
Кто секиру наденет мою,
Не скривив, не согнув, на древко?
Мой народ с четырех сторон
Лютой злобой врагов окружен.
Кто придет и возглавит его?
Кто от горя избавит его?»

На него жена Чийырда
Посмотрела, сказала тогда:
«Ты особенно ныне угрюм
От унылых и горьких дум.
Молчалив ты, мрачен сейчас,
Льются черные слезы из глаз.
Объезжал ты сегодня стада,
Не стряслась ли сегодня беда?»

С гневом начал Джакып разговор:
«Эй, жена, я молчал до сих пор.
Для чего мне мои стада?
Пусть исчезнут они без следа!
Я хотел бы, чтоб мир погиб!
Обо мне кругом говорят:
«Этот старый, бездетный Джакып!»
Обо мне кругом говорят:
«Он состарился без детей», –

Вот что слышу я от людей!
Я скажу тебе Чийырда:
Если дерево без плода,-
Эту женщину трудно любить!»

Чийырда зарыдала в ответ.
Полон был и Джакып тоски.
Прибежала Богдоолет,
Спотыкаясь о тростники.
Прибежала она ввечеру,
Опечалила словом сестру:
«Кто несчастней меня, кто бедней?
Крови нет на рубахе моей!
Жизнь моя беспросветна, сестра.
Как и ты, я бездетна, сестра!»
Задрожала душа Чийырды,
Не нашлись у нее слова,
И под бременем долгой беды
Опустилась ее голова.
Силы не было в теле сухом.
На постель свалилась комком.
Стало ясно душе Чийырды,
Что сестра полна к ней вражды.

Задремала она впотьмах,
Вся подушка была в слезах.
А Джакып тяжело вздохнул,
Рядом с нею лег и уснул.
Он увидел отрадный сон.
Был он вещим сном потрясен.
Разбудил Джакып Чийырду
И сказал с волненьем жене:

«Я орла увидел во сне.
Необычен клекот орла.
Пух – лебяжьего пуха белей.
Золотятся его крыла.
На изгибах перья темней,
Распрямляясь, горят, как жар.
Смертоносен его удар.
Каждый задний коготь – стальной,
А передний коготь – кинжал.
Он родился во тьме ночной.
Я к ноге его привязал
Из тончайшего шелка тесьму,
Из тончайшего серебра.
Много дал я корму ему,

Не жалел для него добра,
Не жалел для него я сил,
Я с любовью его кормил.

Много дней и много ночей
Я ласкал его в юрте моей.
Всем пернатым внушил он страх:
Не могли парить в небесах.
Испугал он животных земли:
По земле бежать не могли.
Птицы в гнездах, звери в норах
Трепетали пред ним окрест.
Сделал я для него насест.
С полосатой шеей потом
Белоснежного сокола взял
Рядом с мощным орлом привязал.
Понял я: хорош этот сон,
Но когда же сбудется он?
Ожиданье меня гнетет!»

Все надежды, всю боль Чийырда
Перед мужем открыла тогда:
«Вижу: бог мой растопит лед,
Что лежит на сердце твоем.
Так давай народ соберем.
Не чужим, а только родне
Расскажи ты об этом сне.
Умереть придет наш черед,-
На кого мы оставим скот?
Так не надо его жалеть;
Так зарежем голов пятьдесят,
Приготовим вкусную снедь,
Пусть друзья придут, поедят!»
Молвил муж: «Ты, старуха, права,
Справедливы твои слова.
Приглашу я со всех концов
Прозорливцев и мудрецов.
Бедняков и нищих утешь,
Девяносто овечек зарежь,
Девять крупных черных кобыл,
Чтобы сытым, довольным был,
Кто бы в наш не пришел аил!»

Чийырда поступила так:
Развела земляной очаг.
Стали резать кобыл и коров,

И зарезали двадцать голов.
Собирались гости вокруг,
К ним приставили сорок слуг.
Пригласили киргизских людей,
Их пришло двенадцать родов.
Пригласили казахских людей,
Известили калмыцких гостей.
Кто б ни прибыл – ссажали с коня.
Угощенье варилось два дня.
Раздавали мясо два дня.
Объедался пирующий люд.
Нам не счесть деревянных блюд,
Сколько было мяса – не счесть,
И всего нельзя было съесть.
Ели мясо и ели жир,
И закончили скачками пир.

Возвращались гости домой,
Но оставил Джакып седой
Самых близких, сказав родне:
«Заходите в юрту ко мне».
Он собрал старейшин родов,
Что познали опыт годов,
Разбирались в дурном и благом.
Это были с ясным умом
Седоволосые старики,
Громкоголосые смельчаки.
Этот мудростью был наделен,
А другой в красноречье силен.
Рассказал им Джакып свой сон,
Обстоятельно, без прикрас,
Не спеша повел он рассказ.
Он ответа ждал от родни,
Но друзей рассказом потряс.
Стали бороды гладить они,
Стали друг на друга смотреть
Родовитые старики,
Будто скованы их языки,
И убиты рассказом они,
И утратили разум они.
Стали мясо варить опять,
Закипел навар в казане,
А никто не сумел сказать,
Что он мыслит о странном сне.
Видя: круг старейшин молчит,-
Начал слово свое Байджигит,
Он веселую речь повел:

«Сон Джакыпа – хороший сон.
Если снился тебе орел, –
Будешь сыном ты награжден.
Если ты к ноге привязал, –
Ты об этом нам рассказал, –
Из тончайшего шелка тесьму
В шестьдесят кулачей длиной,
Много пищи давал ты ему
И ласкал его, как родной, –
Это значит: твой сын проживет
Шесть десятков лет на земле.
Он возглавит киргизский народ,
Он взлелеет его в тепле.
Счастьем будет он озарен.
Грозным будет он, как дракон,
Сильным будет он, как лев.
Все преграды преодолев,
Будет славным богатырем,
Поведет за собой народ...
Эй, Джакып, на плече твоем
Радость выросла, словно гора.
Ждал ты сына из года в год,
Горевал и пылал в огне, –
Наступила твоя пора:
Облик сына увидел во сне!»

Слезы пролил Джакып из глаз,
Он о соколе вспомнил тотчас,
Он сказал: «Я счастье обрел,
Предвещает мне сына орел.
Но и сокола, снега белей,
Но и сокола в юрте моей
Привязал я рядом с орлом.
Что ж ты мне скажешь о нем?»
Байджигит отвечал на вопрос:
«Зиму нам предвещает мороз,
Белый сокол – о девочке весть».

Оказав хозяину честь,
Возвратились гости домой,
Рассуждали между собой:
«У Джакыпа тоска прошла,
Ныне в гору пойдут дела».
Поднялись они на Алтай,
Покидая Кучер и Аксы.
Пили взятый в дорогу чай.
Вешней зеленью, в каплях росы,

По дороге кормили скот...
Обездоленный, бедный люд
У Джакыпа нашел приют.
От калмыков страдал народ.
Сколько он перенес невзгод!
Сколько вытерпел он обид!
Сколько лет он рыдал навзрыд!
От киргизских племен вдалеке
Жил Джакып в постоянной тоске.
Гнет измучил дикий его,
Притесняли калмыки его.
А когда он собрал свой род,
Бесприютных скитальцев, сирот,
А когда дал он им приют,
Оказалось их семьдесят юрт.
Тяжело скитаться вдали
От родной отчизны-земли!
В них Джакып отраду вдохнул,
Поселил их в горах Акуюл.

А теперь про нашего льва,
Про Манаса узнайте слова.
Год прошел, второй минул год, –
Вот и в чреве своем понесла
Чийырда трехмесячный плод.
Ни на сахар, ни на мед
Не хотела тогда смотреть,
Не смотрела на прочую снедь.
Ничего не ела она,
Сердце тигра хотела она.
А нигде, ни вблизи, ни вдали,
Сердце тигра найти не могли.
Будто разума лишена,
Тосковала Джакыпа жена,
Сердце титра жаждала съесть.
Вдруг табунщик приносит весть:
Из Кангая черный стрелок
Тигра крупного подстрелил,
Шкуру снял, домой приволок,
Сердце, мясо оставил для птиц:
И пернатым нужна еда!..
За табунщиком Чийырда
Устремилась тогда бегом,
Подошла, задыхаясь, к нему,
Сразу сунула в руку ему
Слиток золота с черным ушком:

«Пусть Кайип тебя наградит!
Поскачи обратно, джигит,
Сердце тигра вырви скорей!
Сердце тигра мне принеси!
Для меня ты сейчас милей,
Чем отец и родная мать.
У меня, что хочешь, проси,
Все, что хочешь, готова я дать!»

Удивившись просьбе такой,
Взял он слиток – дар золотой,
Поскакал табунщик назад.
Одолел он много преград,
Истомил он душу в пути,
А сумел он тушу найти.
Ночь морозна была тогда,
Туша тигра была тверда.
Вырвал сердце, вырвал он грудь,
Поскакал он в обратный путь.
Он табунщиков встретил вдруг:
Их кобылу свалил недуг,
Наступил ее смертный срок.
Вырвал сердце кобылы седок
И в дорогу пустился опять.
Он хотел Чийырду испытать,
Оба сердца решил ей отдать.
Остановки не сделав нигде,
В полдень прибыл он к Чийырде.

Улыбалась Джакыпа жена,
Элечек повязала она,
Только брови были видны.
Не сдержала радостных слез
И сказала: «Эй, Балабай!
Эй, табунщик мой, отвечай!
Почему ты два сердца привез?
Ты второго тигра добыл?
Иль второго тигра убил
Из Кангая черный стрелок?
Или высмеять хочешь меня?
Или сердцем тигра, сынок,
Называешь сердце коня?»
Бадалбай в ответ произнес:
«Я два сердца тигриных привез.
В них какая тебе нужда?
Хочешь снадобье, что ли, принять?

Как лекарство от боли принять?»
Успокоилась Чийырда,
И взяла свои ведра она,
К речке двинулась бодро она.
Набрала, принесла воды,
Чтобы оба сердца сварить:
Ей хотелось этой еды!
Не сварились еще до конца
Двух убитых тварей сердца, –
Чийырда, ни с кем не делясь,
За еду свою принялась.
Жадно ела Джакыпа жена.
Восхищалась наваром она:
«Я не стану делиться ни с кем,
Я две чаши навара поем!»
Жадно ела навар Чийырда,
Принесла ей блаженство еда,
Наполняла посуду свою,
Исполняла причуду свою.

Вы послушайте наш рассказ.
Так лежал в ее чреве Манас.
Дни в обычном порядке прошли,
Родовые схватки пришли.
Это было в ночь под четверг.
Стали резать белых кобыл.

Свет в глазах Чийырды померк,
Из последних выбилась сил.
А Джакып лишь одно твердил:
«Что же будет – сын или дочь?»
Все соседки пришли в эту ночь,
А ничем не могли ей помочь.
Нет конца ее маете!
Шевельнется дитя в животе, –
Ей становится невмоготу,
Плачет, ноет в холодном поту.
Вот закрыла глаза опять,
Стала тужиться и стонать...

Истомился Джакып вконец.
В жертву он принести решил
Белых желтоголовых овец,
Лунокопытных своих кобыл
И двугорбых верблюдов своих.
Чийырда продолжала кричать:
«Ой, как трудно старухе рожать!

Не оставит меня в живых,
Мой ребенок меня убьет!
Или мне распорют живот,
Чтобы стал мой супруг отцом,
Или смерть меня унесет,
Чтоб остался Джакып вдовцом!»
Корчилась будущая мать,
Знахарей стала призывать.
Материнства вечный недуг
В муках оплакивала она,
К дымнику юрты, от потуг,
В страхе подскакивала она.
Схватки шесть продолжались дней.
На исходе седьмого дня
Утомилась, устала родня.
Раздавались крики сильней,
И Джакыпу сказали тогда,
Что сейчас родит Чийырда.

«Долго ждал я этого дня.
Если весть принесет родня,
Что родился сын у меня, –
Разорвется сердце мое.
Я в беспамятстве упаду,
И посмешищем для людей
Стану я на свою беду.
Лучше в горы я удалюсь,
Буду ждать из аила вестей.
Там я мужества наберусь,
Одинокий, в горной глуши,
Обрету я твердость души».
Так сказав, приказал Джакып
Сорок длинных арканов связать,
Сорок серых трехлеток – коней
Привязать, наготове держать.
Говорил он родне своей:
«Будет девочка у жены –
Волноваться вы не должны,
Оставайтесь, покой храня.
Будет мальчик – скачите стремглав
И в горах ищите меня!
Но скачите, сперва узнав,
Что не дочь родилась, а сын.
Среди горных скал и теснин
Вам удастся меня найти».

Поскакал Джакып, и в пути
Седовласый встретил смельчак
Жеребца Джоргобоза косяк,
У лощины кони паслись.
Шею вытянув, глядя ввысь.
Там стояла кобыла одна,
Масть – саврасая, грива – черна.
Собиралась родить она,
Косяку дитя принести.

Всадник слез посреди пути:
«Что за кони пасутся там?
У кобылы будет приплод:
Жеребенка мне принесет, –
Жеребенка сыну отдам.
Если сбудется наяву
Откровение чудного сна,
Если сына родит мне жена,
Жоргобоза я назову
«Покровителем лошадей»!

Становилось вокруг темней.
Падал наземь вечерний мрак.
Удалился в лощину косяк,
Поскакал к густым камышам,
Что подобно конским ушам.
А саврасая отстает,
То ложится, а то встает:
Жеребиться пришла пора...
А Джакып на нее смотрел:
Он кобыле желал добра.
Вы на время забудьте о нем.
Вы послушайте, мы начнем
О жене Джакыпа рассказ.
Схватки длились восемь дней.
Ей дышать становилось трудней.
Сколько вынесла муки тогда!
У соседок, тянувших дитя,
Онемели руки тогда.
Тут двенадцать женщин, кряхтя,
С большей силой стали тянуть.
Наступил долгожданный миг –
И ребенка раздался крик.
Он барахтался на земле,
Громко плакал, сильноголос.

Чийырда задыхалась от слез,
Ожидать ей было невмочь.

Пусть ей скажут: сын или дочь?
Наклонилась соседка одна,
И заметила первой она:
У ребенка что-то торчит.
Закричала: «Мальчик! Джигит!»
Услыхав ее, Чийырда
Без сознанья упала вдруг.
Охватил соседок испуг:
«Видно, с матерью снова беда,
Давит адская сила ее.
Неужель задавила ее?»
Но открыла глаза Чийырда
И спокойно сказала тогда:
«Разве плакать сюда вы пришли?
Поднимите ребенка с земли.
Отдохните от суеты.
Канымджан, жена Акбалты,
Пуповину ему перережь».

Дальше слушайте наш рассказ.
Роженицы исполнив приказ,
Захотели в чистый платок
Завернуть дитя, но тотчас
Мальчик выдернул руку свою.
«Что за чудо! Помилуй бог! –
Удивлялась вслух Канымджан, –
Этот крохотный мальчуган,
Гляньте, выдернул руку свою,
Как мужчина могучих лет.
Бабы, что вы разинули рты?
Помогите ребенка держать!»

Рассердилась Богдоолет:
«По добру убирайся ты,
Коль не можешь ребенка держать!»
Наклонилась Богдоолет
И младенца с земли подняла.
Удивилась Богдоолет:
Этот новорожденный тяжел,
Словно отрок пятнадцати лет.
Сколько лет ребенка ждала,
Только день ее не пришел, –
До сих пор этой радости ждет!
С поцелуем дитя подняла,
Положила грудь ему в рот.
Пососал он один только раз, –
Чуть от боли не умерла!

«Есть и мед, и масло у нас, –
Ей сказала Джакыпа жена, –
Сундуками юрта полна.
Три – четыре сосуда возьми,
Свежим маслом его накорми,
Положи ты мальчику в рот».
Три сосуда с маслом тогда
Положили мальчику в рот.
Видно, вкусная была еда,
Масло мальчик съел целиком.
Тут младенца взяла Чийырда,
Чтоб его накормить молоком,
И дала ему правую грудь.
Чийырда отняла свою грудь,
Чтоб ребенок ее не убил.
Порешила созвать гостей
И зарезать восемь кобыл
Ради светлого торжества.
Мы простимся на время с ней,
О Джакыпе начнем слова.
Сорок серых прекрасных коней
Ожидали своих седоков,
И на тех одномастных коней
Разом сели сорок мужчин.
Поскакали вдоль берегов,
Мимо скал и горных теснин.
Поскакали узкой тропой
Суетливой, шумной толпой.
Все кричали: «Джакып! Джакып!»
Каждый всадник от крика охрип.
Все отправились, все, как один.
Не осталось в аиле мужчин,
Возле коновязи – лошадей.
Канымджан прибежала вдруг,
Оглянулась она вокруг, –
Нет у коновязи лошадей.
«Стало быть, среди наших людей
И старик находится мой;
Он со всеми, значит, в горах.
Хорошо, что скачет в горах!
Ну, а я отправлюсь домой:
Что на коновязь пялить глаза!»
Возвратилась в юрту жена,
Испугалась, поражена:
Акбалта, насупив чело,
Одиноко в юрте сидел.

«Муженек, да ты обалдел!
Что с тобой произошло?
Мир тебе опостылел теперь?
Или ты обессилел теперь?
Поскакал за подарком аил,
Только ты о подарке забыл!
Скакунов приготовил Джакып.
Он припас наилучших коней,
Сорок серых, могучих коней,
Чтоб отдать за хорошую весть.
Но в седло не сумел ты сесть.
Эх, и жалкий ты человек!»

Так бранилась жена Акбалты,
Рассердилась жена Акбалты.
Злобно глянул супруг на нее,
Злобно крикнул он вдруг на нее:
«Будь неладна ты, Канымджан!
Ты, как видно, лишилась ума!
Посмотри, подумай сама:
Сколько есть соседей у нас,
Разве эти люди дадут
С места тронуться мне сейчас?
Сколько есть в аиле мужчин,
Не успев узнать, не поняв,
Кто родился – дочь или сын? –
Поскакали в горы стремглав.
Только бог – источник щедрот.
Ничего не случится, поверь,
Если в дар у Джакыпа теперь
Акбалта ничего не возьмет.
Обогнали соседи меня,
Слишком поздно седлать коня.
У Джакыпа трудилась ты,
Сколько дней суетилась ты,
Ну, а много ль взяла ты, жена?
Где подарок богатый, жена?»
И ответила Канымджан:
«Два тюрбана, один чапан,
Шубу ценную за труды
Получила от Чийырды», –
И к ногам его, гневом полна,
Эти вещи швырнула она.
Акбалта оказался упрям:
«Для чего мне скакать по горам
На своем Кокчолоке лихом?

Не смогу я Джакыпа найти:
Заблудилась в ущелье глухом.
Заблудилась на горном пути
Обезумевшая душа!»

Но упрямей была Канымджан:
«Речь такая нехороша!
Поезжай, поезжай, муженек!
Быстроног у тебя Кокчолок!
Не получишь ты все равно
То, чего получить не дано,
Хоть на облаке мчись ты верхом.
Но получишь все целиком,
Что тебе получить суждено.
Тот удачи не отыскал,
Кто напрасно скакал, наугад.
Но вернулся с добычей назад
Тот, кто вовремя доскакал.
Поезжай, поезжай, муженек!»

Акбалта отказаться не мог,
Переспорить не мог Канымджан.
На приколе стоял Кокчолок,
Быстрым был бегунец, как шайтан.
«Здесь лежать надоело мне,
Надо взяться за дело мне,
Может быть, я Джакыпа найду».
Так сказал Акбалта жене,
Поскакал на лихом коне.
Словно счастьем озарена,
Вслед супругу смотрела жена.
От аила невдалеке,
Где трава плывет по реке,
Где река бежит к камышам,
Что подобны конским ушам.
Где река образует изгиб,
Где лощина – средь горных скал, –
Там саврасой кобыле Джакып
Жеребенка родить помогал.
Жидкость желтую выжимал,
Ножки тонкие выпрямлял,
Морду сонную обтирал,
Помогал ему вставать на песок.
Вдруг заржал, прибежал Кокчолок.
Акбалта прискакал, заорал:
«Я хорошую весть привез!» –
«Что сказал ты? – крикнул в ответ,

Задыхаясь от счастья, Джакып. –
Ты какие слова произнес?» –
«Чийырда на старости лет
Родила могучего льва.
Понимаешь мои слова?
Эй, Джакып, дай подарок мне!
Обо всем расскажу, но сперва,
Эй, Джакып, дай подарок мне!»
И шумел и гремел Акбалта:
«Я хорошую весть привез!»
У Джакыпа дрожали уста,
Проливал он потоки слез.

«Неужели я сыном богат?
Не рожденью сына я рад:
Встретить радость тогда я готов,
Если будет он жив и здоров.
Слишком много знавал я беду,
Сколько дум передумал о том,
Что из мира бездетным уйду!»
Он стоял на ногах с трудом,
А в глазах его свет погас.
Акбалты услышав рассказ,
Потерял сознанье Джакып,
Он упал, он почти не дышал.
Акбалта к нему подбежал,
Теребил его, в ухо кричал,
Но Джакып лежал недвижим,
Будто сделался миру чужим.
Акбалта, в испуге, в тоске,
Шапку взял и пошел к реке,
Неуклюжей походкой пошел,
Каждый шаг ему был тяжел.
Возвратился назад Акбалта,
И Джакыпа, что был, как мертвец,
Он обрызгал водой изо рта.
Поднял голову старый храбрец,
От холодной воды задрожал,
Акбалту увидал и сказал:
«Ты откуда приехал, старик?
Предо мной ты внезапно возник.
Ты обрызгал меня водой,
Я смотрю на тебя, как слепой.
Ты подъехал с какой стороны?
Я смотрю, а глаза темны,
Ничего не вижу вокруг.

Говори: так жаден мой слух!
Так пылает моя душа!
Говори! Я жду, не дыша.
Ты откуда приехал, старик?
Говори, если есть язык!
Говори, если есть слова!» –
«Я сказал не раз и не два:
Сына ты приобрел. Джакып!
Сына ты приобрел, Джакып!
Что ты дашь мне за эти слова?
Повторять их не надо мне.
Ну, а будет награда мне?»
Так шумел, гремел Акбалта.
«Это правда или мечта?
Отвечай как мужчина мне.
Сам ты видел, что сына мне
Принесла моя Чийырда?
Мальчугана ты видел сам
Иль поверил чужим глазам?
Или женская это молва?
Повтори мне свои слова!
Повтори, повтори, старик!
Я к таким словам не привык».

Так рассказывал много раз,
Обезумев от счастья, Джакып.
Акбалта повторил рассказ:
«Правды хочешь ты?
Вот она: Родила тебе сына жена.
Крепче мальчика не найти, –
Можешь радоваться, старик.
Расстояние суток пути
Огласил его первый крик.
Я из юрты крик услыхал,
Он мне прямо в душу проник.
Молодухи все говорят,
И старухи все говорят:
Как мужчина могучих лет,
Твой ребенок тяжел, говорят.
Только что родился на свет,
А глядит, как орел, говорят».
Но Джакып тяжело вздохнул:
«Ты подарка просишь?
Бери! Только правду мне говори.
Он богатство мое отберет.
И когда он войдет в года,

Он рассеет мой тучный скот,
Он мои разбросал стада,
Расплывутся они, как вода...»

Акбалта почувствовал гнев.
С возмущеньем сказал, побледнев:
«Ты о сыне давно тосковал,
Ты в кручине страдал, горевал.
Наконец родился малыш.
Э, несчастный, безумный Джакып,
Что же ты сейчас говоришь?
Больше сына ты любишь скот.
Ты, оказывается, скупец.
Иль богатство тебя спасет,
Если твой наступит конец?
Хочешь дать мне подарок? Возьму.
А не можешь дать – не дари.
Хочешь слово сказать мне? Приму.
А не хочешь – не говори.
Если нет у тебя скота,
Возвратится домой Акбалта».

Рассмеялся старый Джакып
И сказал: «Акбалта, если так, –
Пред тобой Джоргобоза косяк.
Отбери себе девять коней.
Ради радости светлой моей
Из верблюдов возьми четырех.
Из скота четырех родов
Отбери по девять голов.
Друг мой, хватит этих даров?
А не хватит, – у женщин моих
Все, что надо, возьми, Акбалта...
Нелюдимы эти места,
Здесь нам нечего делать с тобой,
Так давай поедем домой.
Я хочу поглядеть на жену,
На ее мальчугана взгляну».
Услыхав, что вернулся Джакып,
Вышли женщины встретить отца.
«Пусть мой сын живет без конца!» –
Так сказав, нагнулся Джакып,
В юрту с радостным сердцем вошел.
Он супругу здоровой нашел,
Сына нянчила Чийырда.
Не осталось от боли следа.

Приказал он Богдоолет:
«Принеси-ка мне сына сюда!»
Сына к сердцу прижал Джакып,
Стал барахтаться мальчуган.
И тогда задрожал Джакып,
Гордой радостью обуян.

Присмотрелся к сыну отец:
Видом – грозен, видом – храбрец.
Лоб высокий, узка голова,
Рот широкий, глаза, как у льва,
Крепки щеки, а взор глубок.
Тонок станом, в груди широк,
И в плечах он раздался вширь.
Не младенец, а богатырь!
В нем и гнев и сила слона,
Широка, могуча спина,
Руки силою налились,
Над глазами брови срослись,
Уши волчьи, тигриная грудь.
На ладонях начертан путь
Предводителя удальцов,
Победителя храбрецов.
Говорил счастливый отец:
«Если сына дал мне творец, –
Сохраню его, радость познав!»
Изменился Джакыпа нрав,
Щедрым сделался прежний скупец.
Это счастье – к сыну прильнуть,
Крепко в щеки его целовать!..
Тут взяла ненаглядного мать
И дала ему полную грудь.

И подумал Джакып тогда:
«Соберу я свои стада.
На веселом своем пиру
Всех сородичей соберу.
Извещу Туркестанский край,
Извещу Андижан и Алай,
Извещу Кабак-Арт, Сары-Кол,
Чтобы каждый ко мне пришел.
Позову я кыпчакский род.
Рядом с ними есть Тыргоот, –
Пусть придет он, калмыцкий род:
И калмыков я позову!»
Все готовились к торжеству,

Молодые и старики.
Собирались тогда бедняки,
Чтоб одежды свои залатать;
Собирались девицы тогда,
Стали косы свои заплетать,
Восклицая: «Пойдем на пир!
Говорят, удивит он мир».

Все кибитки Джакып собрал
На урочище Юч-Арал.
Весь аил поселился там.
Весь аил веселился там.
Леопард на урочище том
Охранял Джакыпа дитя.
Желтый лев с коротким хвостом
Охранял Джакыпа дитя.
Весь в сиянии золотом,
Небосвод озарял дитя.
Как понять, как постичь умом,
Что дитя на просторе земном
Необычное родилось?
Для младенца имя нашлось,
И назвали его Манас.
Звери, слева обнюхав его,
Звери, справа обнюхав его,
Перед ним склонялись тотчас
И, рыча, ложились у ног,
Чтоб, услышав его приказ,
На врага совершить прыжок.

Тихо начал речь Акбалта,
Но дышали весельем уста:
«Ту страну, где родились мы,
Где растили нас, мы найдем!
Те равнины и те холмы,
Что хранили нас, мы найдем!
Эти речки, где мыли нас,
Где трава цветет, мы найдем!
Край, где грудью кормили нас,
Свой родной народ мы найдем!
Ибо ныне родился Манас,
Богатырь, исполненный сил.
Он киргизам сумеет помочь.
Ты подумай только, Джакып:
День веселый уже наступил,
Наступила счастливая ночь!»

О КИРГИЗСКОМ ЭПОСЕ «МАНАС»

«Манас» есть энциклопедическое собрание всех киргизских мифов, сказок, преданий, приведенное к одному времени и сгруппированное около одного лица – богатыря Манаса. Это нечто вроде степной Илиады. Образ жизни, обычаи, религиозные и медицинские познания киргизов и международные отношения их нашли себе выражение в этой огромной эпопее.

Ч. Валиханов

Этот эпос дает совершенно так же, как эпос греков, ясную картину духовной жизни и нравов целого народа, с эпической широтой рисует он военные походы, сватания, тризны, скачки, домашний быт и т.п.

В.В. Радлов

«Манас» – это монументальное эпическое полотно, воссоздать которое может человек, обладающий исключительной памятью, музыкально-поэтическими способностями, высокой одаренностью импровизатора.

В.С. Виноградов

«Манас» – грандиозная по своему объему сокровищница устного народного творчества – имеет не только большую художественную ценность, является не только своего рода поэтической летописью, запечатлевшей богатое политическое и военное прошлое киргизского народа, но и чрезвычайно богатым этнографическим источником, оригинальным памятником киргизской народной культуры.

СМ. Абрамзон

Среди всех киргизских эпосов самое великое творение, разумеется, «Манас». Это – поразительное художественное явление. «Манас» – эпос-океан. По объему он превосходит все известные в мире эпосы... По широте охвата жизненных явлений «Манас» занимает одно из

выдающихся мест среди мировой эпики. Ведущая тема эпоса «Манас» – борьба киргизского народа с иноземными поработителями, воспевание подвигов легендарного богатыря Манаса, объединившего вокруг себя разрозненные киргизские племена, <...> Художественные и познавательные диапазоны «Манаса» поражают своей широтой и разносторонностью. Здесь и лирико-любовные, и социально-бытовые, и морально-этические темы. Здесь сведения древних киргизов по географии, медицине, зодчеству, астрономии, военному делу. Здесь богатейшая гамма художественных форм и средств: от простейшей сатиры и юмора до вершин трагедий, потрясающих великими душевными страданиями человека.

Ч. Айтматов

... этот монументальный эпос, созданный народом и повествующий о судьбах киргизского народа, отразил не какие-то отдельные события или образы существующих когда-то в реальной действительности героев, а те трудные испытания народа, которые ему пришлось переживать в течение веков, его борьбу, разные общественные уклады, народные обычаи и нравы, быт, природу. Такую гигантскую эпопею не мог создать один человек, не могла создать одна эпоха – эпопея эта создавалась веками... Трилогия «Манас» – вершина народного творчества, памятник устной поэзии, прошедший через века.

Т. Сыдыкбеков

ИЗРЕЧЕНИЯ МУДРЕЦОВ

КАЛЫГУЛ

Если будет у нас согласье

Поддержит падавшего рука.
Обвал поддержит опора
Если разольется река,
На реке мост построить впору.
Если между людьми вражда,
Мост согласья нужен тогда,
Чтоб спасти людей от разлада.
О, Творец! Мы примем участье,
Перекладиной станем моста.
Если будет у нас согласье,
Обретем остальное всегда.

О пользе

Что пользы от богатства,
Коль сапоги худые.
Что пользы от женитьбы,
Когда жена плохая.
От скакуна что пользы,
Когда верхом на свадьбу
Поехать невозможно.
От красоты что пользы,
Когда жена плохая,
Ругается безбожно.

О глупости

Свирепый ветер дует с гор.
Глупец на брань бывает скор.
Дай дураку такому власть,
Он наглостью и грубой силой
Загонит сам себя в могилу.

Учтивое слово

Грубое слово ранит душу,
Грубую речь не станут слушать.
Людские сердца всколыхнешь
Учтивым и вежливым словом,
Говоря приятно, толково.

О дружбе

С барышником торг не веди,
К двурушнику не подходи,
В дружбу с доносчиком вместе
Споткнешься на скользком
                месте.
Если дружишь с хорошим, значит,
На всю твою жизнь удача.
Дружить с плохим поведется –
Добро твое он забудет
И вскоре с тобой подерется.

Этот мир…

Минет все, как текучие воды.
Эта жизнь, как сыпучий песок.
Только вечны творенья
                природы:
Это наши земные просторы,
Это наши высокие горы,
Это рек наших бурный поток.

Вам скажу

Я скажу, во-первых, вам:
Людям без согласья – плохо.
Во-вторых, скажу я вам:
Мать скончалась – дочке плохо.
В-третьих, надо вам сказать:
Скверная работа – плохо.
И в-четвертых, вам скажу:
Без старейшин – людям плохо.
В-пятых, тоже всем скажу:
Стал герой безвестным – плохо.
И в-шестых, еще скажу:
Если разговор не равен
Неимущего с богатым,
Не ищите в том подвоха, –
Бедность – это тоже плохо.

Пословица и разум

Пословица и разум
повсюду ходят рядом.
Коль сказано уместно,
так это солнца свет.
Кто это понимает,
богатством обладает,
Кто этого не знает,
у тех богатства нет.

Без согласья нету счастья

От земли у нас все блага,
Будь подобен ей всегда.
Как вода, будь чистым, благо,
Отмывает все вода.
Счастья залог – согласье.
Без согласья трон свой счастья
Потеряешь навсегда.

ТОКТОГУЛ

Нравоучительные стихи

В первенце – красота
Матери молодой.
Реки красота – в судах,
Убаюкиваемых водой.

Советы дают нам вслух
И эти люди, и те,
Но глупый к советам глух,
Суть глупца – в глухоте.

В остроте – красота ножа.
Стать кобыл – в стригунках.
Честью своей дорожа,
Дело держи в руках!

В гриве – краса скакуна,
Пастбищ – в тучном скоте.
Красит джигита любовь
К девичьей красоте.

Бороды старцам к лицу,
Красят родинки дев.
Других красавиц забудь,
Сердцем одной овладев!

Плох человек, если он
Мелок, себялюбив.
Хорош – когда для людей
Живет, о себе забыв.

Коз красота – в козлятах,
Поля – в его дарах.
Гор красота – в косулях,
Народа – в богатырях.

В гуще цветущих роз
Соловей поющий хорош.
Прекрасен голос певца,
Бросающий сердце в дрожь.

Белый сокол, взлетев,
Вернется, услышав зов,
Если знает секрет
Особых призывных слов.

Краса джайлоо – кумыс,
В нем добрая сила есть.
Став героем, стремись
Хранить народную честь!

Во льдах величав мороз,
Ловкий сокол – хорош.
Невесту без долгих кос
Жених не ставит ни в грош.

Красивы дождь и туман.
Беркут зоркий красив.
Встречному не доверяй.
Людей о нем не спросив.

Красивы новым пером
Вылинявшие сокола.
Сердце богатыря
И мускулы – как скала!

В селезнях – дух бойцов,
Они украшенье стай.
Лизоблюдов и хитрецов
В дом к себе не пускай!

Мехом куница славна.
Клинок – своим острием.
Силу отважным стать
Найдешь в народе своем!

Деревьев краса – в цвету,
Деревья радуют глаз.
В вечном порыве вперед
Суть обгоняющих нас.

Чтоб яблоня выдала плод,
Весной ее откопай.
Барс на твоей тропе –
Барсу не уступай!

Важен в ружье заряд,
В кресале – искра важна.
Хозяин пастбищу рад,
Когда отара жирна.

Крепость копыт важна
Для доброго скакуна.
Но в поле и стригунок –
Украшение табуна.

Сто гостей собрались,
Но праздник не наступил,
Если,славноголос,
Певец не украсил пир.

Никто бы не мог сказать,
Красив ли вообще металл?
Но под напильником он
Металлом красивым стал.

Красивым слывет батыр,
Если широк в плечах.
Рассказчик тоже красив,
Его красота – в речах.
Иной бы многое мог,
Но, как пустоцвет, зачах.

О тайнах своих с болтуном
Напрасно заводишь речь.
Лишь тот настоящий друг,
Кто тайну умеет беречь.

Творит молитву мулла,
В этом – трудов его суть.
Грязные правя дела,
Сутяжник нас тянет в суд.

С джигитом стряслась беда,
Джигита осилил враг,
Добить его не спеши
Обидным словом «простак».
Весной красива овца,

Ягнята ее резвы.
Себе под стать молодца
Найди, чтоб дружили вы.

В осанке – красавиц суть,
Суть бус – в жемчужном зерне.
Не хвастай! За дело берись,
В успех поверя вполне.

Народу не страшен враг,
Если дружен народ.
Умрет, состарясь, джигит,
Слава его не умрет.
Охотник не сводит глаз
С верной мушки ружья.
Обжора не сводит глаз
В гостях с еды и питья.

Видна красота земли,
Когда расцветают цветы.
Мудрый умеет жить
Без спешки и суеты.

С народом трудись!
Лишенного Разума – не поучай!
Сам не ленись! Ленивому
Дела не поручай.

КУРМАНДЖАН-ДАТКА

***

Солнце выйдет – зной такой.
Что нет под ивой тени.
И весеннею порой
Нет в саду цветенья.
Не восьмая ли звезда
Среди семизвездья я?
Горемыка Курманджан
Разве муж тебе ровня?

***

Сорока летит в Кары-Ой,
Жапалак представляю родной.
Летит куропатка в Кен-Ой,
Жапалака простор предо мной.
В грусти я по тебе, Жапалак,
И тоску не развеять никак.
Хоть бы каши «кёчо»
пригубить,
Грусть развеялась бы,
может быть.

Из дивана стихов Зыйнат

Как на картине – и всадник,
и лук с тетивою в руке,
И ковер из цветов ароматных
рядом с нами и вдалеке,
И прекрасная мальва, и алый тюльпан,
и душистая мята – райхон
Посылают с улыбкой своей
ласковый, нежный поклон.

Состязание алайской царицы в айтыше с поэтом Амирбеком

Курманджан:
Имя мое – Курманджан, должен знать.
Плетку с земли мою надо поднять.
Будешь достойным, доверья заслужишь.
Шапку при мне полагается снять.

Амирбек:
О свадьбе прослышав, приехал незван
На этом гнедом длинношеем коне.
Здесь нет никого, кто знаком был бы мне.
Приехал, Бог мой, ради Вас, Курманджан.

Курманджан:
Думаю я, что акын предо мной,
И в состязанье вступаю с тобой.
Рвешься вперед, как скакун Алымбека,
Не уступлю, как скакун мой лихой.
Амирбек:
Курман, Курманджан – это имя твержу.
И сердце трепещет, я словно в жару.
Щедротам безмерным воздам похвалу
О том, что всегда верна делу, скажу.

Плач «кошок» царицы Курманджан в час казни младшего сына Кымчыбека

Сокол мой, сынок Камчыбек,
Покидаешь ты бренный мир,
Оставляешь неверный мир,
Сеть расставил жестокий век,
Захлестнули тебя петлей,
Расстается душа с тобой.
Я скрутила горе свое,
Чтоб народ от беды сберечь,
В сердце скрыла горе свое,
Чтоб народ в беду не вовлечь.
Ты главы своей не склонил,
Честь джигита ты защитил.
Как в куреше, по пояс гол,
Смерть презревши,
в расцвете сил
Ты на схватку без страха шел.
На страданье обречена,
Я рыданье сдержать должна,
Не моргнув, не сомкнув ресниц.
Враг коварен, меня сломить,
Как иглой, моё сердце пронзить
Перед казнью задумал так.
Не дождется злорадный враг!
Смерть оплакивая твою,
Я в одежде белой стою.
Оправдал ты мое молоко!
Перед смертью, в муках теперь.
Завела судьба далеко,
Завела в тупики потерь.
Смерть без страха встречай,
не робей,

Как во тьме, понурый не стой!
Ведь петля на шее твоей
И меня обвила змеей.
Я не в силах спасти тебя,
От судьбы увести тебя,
И молясь, ладони скрестив,
Не дано мне тебя спасти.
Я поднять народ не вольна,
Защищать народ я должна,
Много бед принесет война,
И тебя не спасет она.
Разжигать не надо огня!
Боль твоя терзает меня.
Не настал восстанья черед.
Я возьму на себя одна
Тяжесть, легшую на народ.
«У киргизов баба-датка,
У них правит она пока», –
Унижали меня враги.
Словно море, плещется горе,
Жизнь твоя хоть и коротка,
Честь свою ты сам береги.
Сын мой верный,
прощай, прости.
Ты шейит на святом пути!

ÑËÎÂÎ ÎÁ ÀÂÒÎÐÅ

***

...В своих длинных речах Курманджан выказывала большой ум и дипломатические способности. Несмотря на старость, глаза ее сохраняли еще живые огоньки, а в чертах проглядывала выделяющая её от других киргизов особенная миловидность.

И.П. Ювачьев

***

Курманджан поражала своих современников девичьей красотой, благородством жены и матери, государственной мудростью, дальновидностью в установлении отношений с Россией. Она олицетворяла лучшие черты, присущие киргизскому народу.

...Курманджан жила в мире поэзии – народной киргизской и традиционной восточной, дышала воздухом богатейшей поэтической культуры региона. Дошла до нас – по причине небрежения и недальновидности – лишь малая часть ее наследия. Это яркая страница киргизской поэзии XIX века.

М. Рудов

***

Зыйнат обладала истинным поэтическим талантом. В ее газелях не только лирические мотивы, в них отзвуки трудной жизни народа. Поэтесса решает сложные проблемы взаимоотношения людей, отражает высокие и чистые человеческие побуждения и страсти. Свои внутренние переживания она сравнивает с природными явлениями: бурей, ветром, вьюгой, хотя больше всего предпочитает писать о красоте родного края. Курманджан воспевает идеи верности, миролюбия, правды и справедливости. В этом выразились исторический оптимизм и гуманизм ее поэзии.

Произведения Курманджан – Зыйнат – это своего рода воззвания: она призывает все народы мира, независимо от их национальности и вероисповедания, к всеобщей дружбе и согласию...

Б. Абытов

ТОКТОГУЛ САТЫЛГАНОВ

Алымкан

Ты подобна сбруе золотой,
Ты нежней тюльпана, Алымкан!
Днем и ночью я томлюсь тоской,
По тебе, желанной, Алымкан!

Алымкан, зовущая, как степь,
Ты с душой большою, ты добра;
В зной прохладу льющая, как степь –
Сердцем и душою ты добра!

На лету в горах, под Бухарой,
Нынче птицы стынут, Алымкан.
Навести меня ночной порой.
Я покинут, Алымкан.

На лету в Кашгарской стороне
Птицы замерзают, Алымкан.
Навести меня, приди ко мне,
Грусть меня терзает, Алымкан.

Желтой нитью твой расшит платок.
Я давно скучаю по тебе.
Синей нитью твой расшит платок.
Сохну я в печали по тебе.

Я сложил мелодию мечты –
«Жаш кыял», что трогает сердца.
Если бы смогла услышать ты
Токтогула – твоего певца!

Ты бы знак дала, взмахнув платком,
С нежностью, с участьем, Алымкан,
Жизнью быстротечною влеком,
Ожидаю счастья, Алымкан!

Здравствуй, мать!

Здравствуй, мать, здорова ли ты?
Тебе восемь десятков лет...
Я вернулся из темноты,
Пересек чуть не целый свет.

Ты вскормила меня молоком,
Ты была живым родником...
Шесть Архаров сияли в ночи –
И шесть раз ты меня кормила,
Семь Архаров сияли в ночи –
Ты кормила неутомимо.
А потом дивился народ:
Настоящий пришел акын!
Где такие слова берет?
Чей он родом и чей он сын?
Мать, я жизнь за тебя отдам –
В добрый час меня родила,
Благодарен твоим трудам –
Ты мне силу предков дала.
Да, я жертвою пасть готов
За тебя, дорогая мать,
Не жалела своих трудов,
Всё готова была отдать...

Я вернулся из тьмы живой,
Где же сын единственный мой?
Я в родные пришел края,
Где же сын, опора моя?
О копытце мое, сынок!
Я рыданий сдержать не смог...
Ты оставил в слезах отца,
Не застал Токтогул птенца.
Как росток, засохший весной,
Ты совсем молодым ушел,
Мой единственный, милый мой,
Ты растаял как дым, ушел,
Ты умолк, птенец соловья,
Ты утих, кровинка моя,
Ах, могилка твоя душна,
Как скорлупка, она тесна.
Я слезы удержать не смог,
Мой любимый напев ушел,
Как росток на корню, засох,
Расцвести не успев, ушел.
Ты закрыл глаза-зеркала,
Каково-то теперь тебе?..
Верю: в миг, когда смерть брала,
Не был ты покорен судьбе,
Знаю я – вырывался ты,
Не давался, метался ты,
Будто птаха в когтях железных,
Бился и трепыхался ты...

Мать, вернулся твой сын Токо,
Был он в каторге, далеко,
Были дни его нелегки –
У тиранов остры клыки.
Изболелся твой сын душой,
Он вернулся из мрачных мест,
А его соколенок ушел,
Он оставил родной насест.

Мать, не плачь, не сгорай дотла,
Не терзай себя, не казни,
Ты и так в слезах провела
Все свои несчастные дни.
Ты слезами не мучай грудь,
Успокойся и лучше будь
Благодарна за то судьбе,
Что вернулся Токо к тебе.

Ты твердила: «Хоть раз взглянуть,
А потом умереть могу».
Одолел я великий путь,
В Забайкалье я жил, в снегу...
Я томился в тяжких сетях,
Обессилел, совсем зачах,
Но опять пред тобой стою –
Я теперь о тебе пою.

Дорогая, слезы утри,
Я остался жив, посмотри,
Верил я – обойду беду
И к тебе, наконец, приду.
Ты устала, родная, ждать.
Нелегко тебе, нелегко.
Я пришел, я вернулся, мать, –
Оправдать твое молоко.

Назидания

Коль тебе аргамак не гож,
Где найдешь по себе коня?
Коли старший брат не хорош, –
Где, скажи, по тебе родня?

Если ты солому хулишь,
Где же сено тебе сыскать?
Коль достаток малый хулишь,
Где богатство тебе под стать?
Чай с похлебкой не хороши?
Где ж по вкусу мясо найдешь?
Коль тебе певец не хорош,
Где найдешь слова для души?

Если будешь глядеть на снег,
Больно станет глазам твоим.
Если бросишь родичей всех,
Сам заброшен станешь, гоним.
Потеряешь с кровными связь, –
Глядь, к чужим прибежишь, взмолясь.
Запятнает тебя навек
Недостойных поступков грязь.
Не продумав конца пути,
Сам себя грозишь подвести.

От родных своих убежишь, –
В кабалу к чужим угодишь.
Ополчился на хана бог, –
Стал врагом для народа хан.
Разъярился на бая бог, –
Бай своим же богатством пьян.
Коль на зиму серчает бог, –
Дни весенние к нам летят.
А мужчину карает бог, –
Молодится он в пятьдесят.

Звезды вместе ярко горят,
Но им всем куда ж до луны?
Ты за десять лучших козлят
Жеребенка не дашь цены.
Пьешь ты чай, но сколько ни пей, –
Все ж кусочек сала – сытней.
Чем бумажных сотню одежд,
Хоть одну, да из шелка – сшей!

Даришь нож – ножны приложи,
Уж дарить, так от всей души!
Если бай нерадив, суров, –
Не дождешься учтивых слов.
Будь в работе любой горяч.
Равнодушным – не знать удач.

Душу другу открой, – тогда
Улетит из нее беда.
Если будете все дружны, –
Кто вас тронет со стороны?
За проступки прошедших дней
Сына ты никогда не бей.
Если зря вознесся джигит, –
Много он, да зря говорит.
Тот же, кто речист да умен,
Слово к месту вымолвит он.

Капнешь ты айраном едва, –
И прокиснет все молоко.
Точно так и пустые слова
Песню всю испортят легко.
От безумца беги скорей.
Воду в бочку без дна не лей.
Если будешь спорить с глупцом,
Превратишься и сам в глупца.

Если свяжешься с хитрецом,
Не увидишь тяжбам конца.
Если встретишься вдруг с врагом.
Уходи, лишь его сразив.
Будь учтивым со стариком.
Не завидуй тем, кто красив.

Донести ли теленку груз?
Другом будет ли жалкий трус?
С глупым – тайнами не делись,
И бездельников сторонись.
Коль работа тебе под стать,
Что ж, страшась, от нее бежать?
Если трудится весь народ,
На боку лежать постыдись!

Бренный мир

Кто в бренный мир сей придет,
Однажды покинет свет.
Кто из нас вечно живет?
Ведь вечно живущих нет.

В свет приходящая жизнь, –
Ты ветвь, на которой плоды.
В тьму уходящая жизнь, –
Иссохшая степь без воды.

В свет приходящая жизнь, –
Иноходца игривый ход.
В тьму уходящая жизнь, –
Промелькнувшей птахи полет.

В свет приходящая жизнь, –
Ветер взгорий попутный ты.
В тьму уходящая жизнь, –
Перевал недоступный ты.

В свет приходящая жизнь, –
Как с бубенчиком кречет ты.
В тьму уходящая жизнь, –
Словно стужа под вечер ты.

В свет приходящая жизнь, –
Ты тулпар с подковой златой.

В тьму уходящая жизнь, –
Улетевший кречет ручной,
Не нашедший пути домой.
В свет приходящая жизнь, –
Ты как в юрте опорный шест.
В тьму уходящая жизнь, –
Опустевший ловчий насест.

В свет приходящая жизнь, –
На байге скакун призовой.
В тьму уходящая жизнь, –
Ты подобна ветке сухой.

В свет приходящая жизнь, –
Ты улар на обрыве крутом.
В тьму уходящая жизнь, –
Ты змея с разбитым хребтом.

В свет приходящая жизнь, –
На поляне горный аил.
В тьму уходящая жизнь, –
Ты разбитый комуз без жил.

В свет приходящая жизнь, –
Ты как зеркало в доме родном.
В тьму уходящая жизнь, –
Словно чайник с разбитым дном.

В свет приходящая жизнь, –
Ты растущий тенистый платан.
В тьму уходящая жизнь, –
Ты от ветра бегущий туман.

В свет приходящая жизнь, –
Огонек, зажженный впотьмах.
В тьму уходящая жизнь. –
Как ягненок в волчьих зубах.

В свет приходящая жизнь, –
Как безоблачный день, ясна.
Будто снова в зеленый наряд
Разодела иву весна.
В тьму уходящая жизнь, –
Беспросветна, как ночь, черна,
Расстается с телом душа,
Не дается в руки она.

В свет приходящая жизнь, –
Как степные травы вокруг,
Как зеленый утренний луг,
Источающий аромат.

В свет приходящая жизнь, –
Дом, где гостя гонят назад,
Нищеты безрадостный круг,
Вечной бедности злой недуг.

В свет приходящая жизнь, –
Ты ближе, чем брат родной.
Так яхонт, так самоцвет
Сверкает во тьме ночной.
В тьму уходящая жизнь, –
Ты хуже, чем ворог злой.

В свет приходящая жизнь, –
Нежной ивы цветущий куст.
Словно меда и сахара вкус,
Так сладка и желанна ты.
В тьму уходящая жизнь, –
Обольщаешь обманом ты.

В свет приходящая жизнь, –
Из камня текущий родник.
В тьму уходящая жизнь, –
Угасший мигом ночник.

В свет приходящая жизнь, –
Без огня пылает, кипит,
Как солнечный луч блестит,
Смеется и веселит...

Ты таков, бренный мир.
Жизнь вдруг
Улетает птицей из рук.

ÑË Î Â Î Î Á ÀÂÒÎ ÐÅ

***

Киргизскую литературу невозможно представить без имени Токтогула, как нельзя представить русскую литературу без Пушкина, украинскую – без Шевченко, казахскую – без Абая, грузинскую – без Руставели, латышскую – без Райниса, имен, сияющих на небосклоне этих литератур, как яркие звезды.

Камбаралы Бобулов

Токтогул был гением народной поэзии, могучей опорой киргизской национальной музыки, искусным мастером, уверенно чувствующим себя в самых различных жанрах народного песнетворчества и импровизации.

Темиркул Уметалиев

***

Токтогул обладал многогранным талантом. Он – акын-импровизатор, автор прекрасных лирических песен, сатирических куплетов, поэм, знаток народного творчества. Он превосходный мелодист и композитор. В горном крае не найдешь сегодня уголка, где бы не знали акына, не исполняли его песен.

Аалы Токомбаев

***

Токтогул – совесть и честь нашего народа. Его поэтические творения вошли в сокровищницу духовных богатств киргизского народа.

Кубанычбек Маликов

***

Токтогул Сатылганов... Это имя воскрешает в памяти нежные и задушевные, горькие и гневные, страстные и многозвучные песни великого акына, самобытнейшего из национальных киргизских поэтов. Как никто другой, певец знал свой народ и умел говорить с ним просто, ясно; его слова будили в сердце народа светлые чувства.

Токтоболот Абдумомунов

ТОГОЛОК МОЛДО

Детская песенка

«Кар, – галдит воронья стая,
Прилетев издалека. –
Кар, две дочки Элибая
Оседлали ишака».
«Кто сказал, что ишака?»
«Три проезжих старика».
«Кто сказал, что старики»
«Конь – двухлетка у реки».
«Кто сказал, что слышал конь?»
«Догорающий огонь».
«Кто услышал от огня?»
«Пес, лежавший у плетня».
«Ну, а кто сказал про пса?»
«Рыжехвостая лиса».
«Кто сказал про ту лису?»
«Ручеек, что тек в лесу».
«Кто сказал про ручеек?»
«Камень, легший поперек».
«А про камень кто сказал?»
«Съевший курицу шакал».
«Кто слыхал его слова?»
«Полуночная сова».
«Кто совиный слышал крик?»
«На лужайке белый бык».
«Кто услышал от быка?»
«Тот, кому он мял бока».
«От него узнал верблюд».
«От верблюда слышал люд».
«А народ, что говорит?»
«Что дитя еще не спит,
Что сыночку спать пора
в колыбельке до утра».

Плач женщины о павшей корове

«Уходи, чума, – я молю, –
Отступись от юрты скорей,
Пощади корову мою
Ради малых моих детей.

Ох, корова, серая масть,
Без нее погибнуть, пропасть.
Нас кормила – поила ты
Молоком своим белым всласть.
Пощади корову, чума,
Не губи ее, пожалей,
Без коровы нас ждет сума,
Голод ждет меня и детей».

Но болезнь скрутила ее,
Повалив, убила ее.
Причитает женщина вновь,
Без коровы ей не житье:
«Ой, корова, серая масть!
Ты теперь от нас далеко.
Ты была кормилица – мать,
Нам давала ты молоко.
Загубила тебя чума.
Повалил проклятый недуг.
Ты дороже, чем аргамак.
Ты нужнее, чем верный друг.
Ни родня, ни конь вороной
Не сравнятся вовек с тобой.
При тебе несчастья с нуждой Обходили нас стороной.
О, четыре твоих соска –
Пропитанье семьи моей.
Где теперь возьмут молока
Десять малых моих детей?
Наша доля теперь горька,
Наша юрта стала темна.
Плачут дети без молока.
Вот что сделала ты, чума!»

О собаке, которая хотела сшить себе халат – доолдай

Воют вьюги во мраке,
Носят песню собачью: «Невтерпеж мне, собаке,
Моя участь собачья!
Нету мочи собаке
Голодать – холодать.
Где вы, вешние маки,
И тепла благодать?
Поскорей бы настало
Время травам цвести.

Я овечьи отары
Нанялась бы пасти,
Наградит меня бай.
Всем соседям на зависть
Я сошью доолдай.
Ой, соседи – дворняги!
Без халата-беда!
А с халатом собаке
Не страшны холода».

Волк и Лиса

«Я живу себе, не тужу,
Потому что с Волком дружу.
С ним забыла свою заботу
Не хожу теперь на охоту:
Серый друг овцу задерет –
Я в тиши ее уплетаю,
Так денечки и коротаю.
Даже смех иногда берет!»

Размышляет лиса по – лисьи,
У нее только лисьи мысли,
Нрав обманщицы знает всяк,
И не знает лишь Волк – простак.
На красавицу на подругу
Глазом преданным он глядит,
Чтобы ей оказать услугу,
Никого злодей не щадит!
Задурила его плутовка.
Речи Лисоньки так легки!
Для хитрюги – его сноровка,
Для хитрюги – его клыки.
Задирает он кобылицу,
Нападает на жеребца
И верблюда не побоится –
Блещут зубы у храбреца!
Режет глупых серых овечек,
Видно, нрав у него простой –
Обязательно, каждый вечер
Он зовет Лисицу на той.
Но рыжуха неблагодарна,
Двоедушна, лжива, коварна...

Дальше слушайте мой рассказ.
Серый Волк в предрассветный час

Подобрался тихо к аилу
И задрал гнедую кобылу.
А хозяин печальным стал,
Горько было ему и больно...
«Ну, держись, твой черед настал,
Поразбойничал – и довольно!
Я любил кобылицу гнедую...
Где такую еще найду я?..
Раз уж ты на моем пути –
Не спасешься, как ни крути!
Выходи-ка сам на расправу,
Угощу я тебя на славу!
Будет горьким гостинец мой –
Начиню его сулемой». –
Так подумал старый охотник
И скорее пошел домой.
Дома взял овечий курдюк,

В жир насыпал побольше яду
И подумал: «Теперь, мой друг,
Ты сполна получишь награду.
За налеты и за разбой,
Нет вовеки тебе прощенья,
Получай мое угощенье,
Рассчитаемся мы с тобой!»

Был охотником он бывалым,
Все звериные тропы знал он,
И хоть трижды будь начеку –
Попадешься ты старику!
Он умеет приманку делать –
Он протухнуть дал курдюку!
И пахучую эту пищу
На тропе в лесу положил...

Между тем разбойник Волчище
Что ни день – то глотает жир,
Что ни день – то скотину режет,
И управы нет на него.
Не боится серый, как прежде,
Не боится он никого!
Потрясают стоны округу,
Тихо прячется все вокруг:
Это мясом свою подругу
Угощает бесстрашный друг.

Вот однажды, когда стемнело
И притихли все голоса,
Он сказал:
Пойдём-ка на дело,
Собирайся, моя Лиса,
Я тебе покажу разбой –
Ты такого и не видала!
Дорогой, я горжусь тобой, –
Так рыжуха в ответ шептала. –
Развлечение мне устрой,
Сивогривый ты мой герой!
Волк шагает.
За ним – Лисица,
Семенит по следам его,
Рядом с ним она не боится,
Не боится с ним ничего.
Запах вяленого курдюка
Долетает издалека.
Ах, как остро ноздри щекочет!
Кто полакомиться не хочет?..
Запах чует бродяга Волк,
В этом деле он знает толк,
За такое чудо полжизни
Без раздумий готов отдать.
- Нынче мы с находкою жирной,
Повезло тебе! Благодать!
Поспевай-ка за мной, Лисица,
Перед нами – такой курдюк!
Запах – лучшего не приснится!..
- Ах, какая удача, друг!

Подошли они к курдюку,
Но Лиса уже начеку.
Вмиг подумал: «Что-то странно,
Не иначе – его рука...
Поразнюхать – нет ли капкана...
Бьет охотник наверняка».
И пропела серому нежно:
- Повезло нам с тобой, конечно.
Кто-то ездил тут на базар,
Возвращался он с курдюком...
То ли слабенько привязал,
То ли плохоньким ремешком –
Только вот из дырявых рук,
Выпал дивный этот курдюк.
Ты нашел, какая удача!

Угощайся, любезный друг,
Ты – достоин, тебе – награда...

Дважды серого звать не надо:
Не раздумывал – ухватил,
Не разжевывал – проглотил,
Больше серый Волк не хвалился:
Где стоял он – там и свалился.
Так подох разбойник и вор,
Так исполнился приговор,
А лисица не горевала –
Друга ловко освежевала,
Мясо в землю она зарыла,
«Про запас полежит», – сказала.
А потом по ночам ворюга
Прибегала к яме поесть,
Пожирала останки друга,
Потеряла и стыд и честь.

Но не жаль мне бродяги злого
И Лисицы тоже не жаль.
Не добавлю больше ни слова,
Сами думайте, в чем мораль.

Лиса и Журавль

Опять весна вернулась к нам.
Не утихает птичий гам.
Не счесть на озере гусей,
На суше тесно летунам.

Порой весенней соловей
Поет среди густых ветвей.
В степи тюльпаны расцвели,
Бормочет весело ручей.

Зима весной побеждена,
Пробуждена земля от сна.
В степи, в горах бушует жизнь.
Листва деревьев зелена.

Однажды встретились весной
Журавль с обманщицей лисой,
И подружился с ней, простак.
Не разольешь друзей водой.

Вот по соседству с журавлем
Обзавелась лиса жильем.
Журавль, подвоха не боясь,
Лисе доверился во всем.

Лисица рыжая хитра.
Есть у нее своя нора.
В словах лжеца есть скрытый смысл,
От хитреца не жди добра

Журавль гнездо усердно вьет.
Кто обещание дает,
Страшится друга обмануть –
Ведь отомстить способен тот.

Спокойно четверо лисят
Весь день в норе глубокой спят.
Пять журавлят пищат в гнезде.
Журавль заботою объят.

Он ищет корм семье своей
Среди зеленых камышей.
Лиса охотится с утра,
Своих покинув малышей.

В один прекрасный день она
Была изрядно голодна
И к журавлиному гнезду
Прокралась, жадности полна.

Журавль в отлучке был тогда,
Неосторожный, как всегда.
Откуда знал он, что лиса
Птенца утащит из гнезда?

Меж тем, позавтракав птенцом,
Лиса резвилась, а потом
Решила: «Всласть я посмеюсь
Над околпаченным глупцом».

Исчезло солнце за скалой.
Журавль торопится домой.
Лиса рыдает над гнездом,
Вопя с притворною тоской:

«С утра мы покидаем дом.
С утра на промысел идем.
Детей бросаем мы одних,
А между тем враги кругом.

Нам уходить нельзя вдвоем,
Бросая без присмотра дом.
Поочередно мы должны
Стеречь своих детишек днем.

Журавль – аке, детей сочти,
Едва успела я прийти,
Тотчас увидела: беда!
Их восемь вместо девяти.

Пропал малыш, не знаю чей.
Ах! Тяжело терять детей!
Ведь нам без них и жизнь не жизнь,
Но ты напрасно слез не лей».

Как журавлю обман понять?
Друзьям привык он доверять.
Коварной хищнице лисе
Журавль доверился опять.

Мошенники искусно лгут.
Им не по нраву честный труд.
Простак обижен хитрецом.
Преуспевает в жизни плут.

Осел и Соловей

Сошлись рогатые, безрогие,
Пернатые, четвероногие
Послушать пение соловья.
В кругу сидел осел – судья,
Наимудрейший из судей.

И начал песню соловей.

Он пел о солнечных закатах,
Пел о движенье туч крылатых,
О смене месяцев и дней
Пел соловей.
В его напеве суховей
Сменялся утренней прохладой.

Звенели струи водопадов.
О взлете белых лебедей
Пел соловей.
Он пел о радужных фазанах,
О дальних странах несказанных,
И об орлах, и об уларах,
О белых, словно снег, отарах,
Бредущих в зелени степей,
Пел соловей.
Он пел березу, ель и тополь,
И ярость вешнего потопа,
Людские толпы,
Конский топот.
Веков многострадальный опыт
Пел соловей.
Лесов таинственные купы
Пел соловей.
Палящий небосвода купол,
Висящий без подпорок купол
Пел соловей.
Где журавлей курлычут трубы,
Он пел, и шла печаль на убыль,
Мирил враждующих людей
Он песней ласковой своей.
Пел соловей.
О грозных бивнях стародавних
Пел соловей.
О радостях и о страданьях
Пел соловей.
О вас, безжалостные баи,
Пел соловей.
О вас, ишаны – краснобаи,
О вас, клубок шипящих змей,
Пел соловей!
Песнь рокотала и звенела,
И радость в ней и горе пело,
Гудели опереньем стрелы –
Пел соловей.
Он пел о лучших из людей,
Заботливых вождях народных,
Об их деяньях благородных
Пел соловей.
Воспел он реку, лес и поле,
Дождь, напоивший всходы вволю,
И солнечное хлебосолье
Восславил вещий соловей.

И все сказали; «Соловей!
Утешил песнею своей,
Акыну слава и хвала!
Теперь послушаем осла».
Осел сказал: «Друг соловей!
Что ж – песнь твоя и не плоха.
Мне пенье петуха милей.
Ступай, учись у петуха!»

О, как смеялись вы, двурогие,
Пернатые, четвероногие,
На эти домыслы убогие!
И был убийствен смех и зол.
Был грозен смех. И еле ноги
Унес со сборища осел.

Я БЫЛ ЕГО УЧЕНИКОМ

Пользуясь предстоящим юбилеем Токтогула, как близко знавший его, хочу поделиться воспоминаниями о своих встречах с ним.

Впервые я узнал о Токтогуле еще в те далекие времена, когда сам только что начинал сочинять песни.

Однажды мой родственник Молдобай, сын Чекирбая, возвратившись из Кетмень-Тюбе, сказал мне: «Не бывать второму такому певцу, как Токтогул, хотя он еще и молод, примерно твоих лет. Наши самодовольные певцы Чонду, Эсенаман, Кочубай, которых ты сам не раз слушал, не годятся не только для состязания с ним, но и в ученики ему.

Когда Токтогул начал петь санаты, песни и сказывать предания, я стоял с разинутым ртом, – таково его мастерство. О чем бы он ни пел, все у него получается ладно, к месту и ко времени. Это было для меня самым примечательным событием в Кетмень-Тюбе», – закончил он свой восхищенный рассказ.

С тех пор слава Токтогула отняла мой покой. Однажды я стал выведывать у Молдобая подробности жизни акына: откуда он родом, где теперь живет, чем занимается. Молдобай охотно рассказал:

– Токтогул родом из аила моей матери и даже доводится мне родственником. Живет он в местечке Арым среди рода сартов. Он невысокого роста, светлолицый, живой. Акын во вражде с детьми Рыскулбека. Ему очень не нравятся самодовольные сынки манапа. Токтогул даже сложил песню о них:

Пять кабанов Рыскулбека –
Нечистоплотные, жестокие они.
Увидите в один прекрасный день
Как все захрюкают у них дома.

Сыновья Рыскулбека затаили лютую злобу на акына из-за песни, сочиненной о них. С тех пор манапы с подозрением косятся на Токтогула, – закончил он.

Рассказ Молдобая еще сильнее подстегнул мою сокровенную мечту – увидеть своими глазами акына. Я стал с мольбой приставать к нему:
Молдобай-аке, возьмите меня с собой, хочу хоть краешком глаза взглянуть на Токтогула.

- Хорошо, – согласился он, – я и сам осенью собираюсь поехать туда, а пока готовь в дорогу коня и шубу.

Сам я был сиротой, рос без отца, да и скота у нас не водилось, все, что у меня было, так это – серая лошаденка, которую и готовить не было нужды.

Наконец наступила осень, и я с Молдобаем отправился к Токтогулу. Это было, кажется, в октябре 1890 года. Когда мы приехали к Токтогулу, его не оказалось дома, он уехал в Талас. Я решил остаться и терпеливо ждать его. И вот через десять дней появился Токтогул.

Вот так в местечке Арым, среди рода сартов, впервые произошла моя встреча с Токтогулом, В течение трех месяцев я был прилежным учеником, познавая сокровенные тайны сложения песен.

Спустя некоторое время, в 1893 году, мне вновь удалось побывать у него, а в 1898 году вблизи города Коканда, в местечке Мин-Дебе, по наущению эшена Чыкшы, большого проходимца и пройдохи, Токтогул был арестован. Больной и слабый, я в то время лежал в постели, и у меня не было возможности проститься с осужденным Токтогулом. Говорят, когда надели на Токтогула кандалы и посадили на бричку, он своей прощальной песней заставил всех рыдать.

В изгнание иду я без вины,
Силы покидают меня, я одинок,
Родной люд, подумайте
О бессердечном изгнании моем.
Гордому Токтогулу
Надели цепи на руки,
Свалилась на голову мне беда;
В Сибирь, в изгнание иду
С кандалами на ногах.
Настанет ли день такой,
Когда я вернусь к моему
киргизскому народу?
Узбеки, киргизы, о народ,
Моя земля, прощайте!
Будь в здравии, народ мой,
Взлелеявший меня!

Рассказывают: когда солдаты, охранявшие Токтогула, заставили его замолчать, народ стал плакать еще больше и будто сам переводчик генерала, некий Джусупжан, не выдержав этой сцены, сказал: «Будь ты неладен со своим голосом, многострадальный Токтогул!»

После этой ссылки Токтогул бежал из Сибири, но манапы ухитряются вновь запрятать его в тюрьму. Потом он был оправдан и опять появился среди нас, счастливый и жизнерадостный. Все это сам я уже не видел.

Пошли слухи об освобождении Токтогула, я снова решил отправиться в его края, чтобы повидаться. В местечке Конур жили сыновья хаджи Тагая – Султанаалы и Сулейман. Сулейман скончался, и по этому случаю его брат устраивал большие поминки.

Когда мы сидели в специально поставленной юрте, вошел Токтогул с несколькими своими учениками последователями. Помню, с ним были акыны Эшмамбет, Калык, Эшенкул, Джаныбай, Курман, Джолой. Токтогул сразу же начал сочинять песни.

К тому времени он был уже в преклонном возрасте, зубов у него почти не было. Присутствующие вели неторопливую беседу по случаю поминок. Спустя некоторое время Токтогул узнал меня среди такого множества людей и приветствовал песней. Я был приятно польщен этим вниманием и до глубины души благодарен ему за это.

Песня Токтогула:

Соловей мой, Байымбет Молдо,
Ястреб мой из Нарына,
Живы ли, здоровы ли дети твои?
Из саяков вышедший,
Мой родственник из уважаемых саяков.
Слава родичам, породившим такого скакуна.
Сам знаешь о том,
Как манапы изгнали меня,
Пять кабанов Рыскулбека
Обрекли мою голову на страданья.
Озлобленные манапы,
Изгнав меня в Уркут, замучали:
Плакал твой соловей Токо.
И только в Москве
Собрался с мыслями он.
В руки взяв комуз,
В изгнании начал он петь,
Сосланный по навету Эшена.
Все люди погибли там.
Надеждой добраться к народу
Исстрадалось сердце мое.
Вот и смерть не взяла меня,
Твой Токо оправданным пришел
К вам ко всем,
Дети киргизов.
Пришел вновь Токтогул
С думой, что поймете собрата своего.

Слова привета Байымбета Токтогулу

Жив ли акын Токо,
Сосланный в Сибирь?
Жив ли Токо,
Близкий бедным и забитым?
Жив ли богатырь Токо,
С манапами мерившийся силами?
Жив ли соловей Токо;
Красноречивый певец?
Жив ли скакун Токо,
Далеко скачущий вперед?
Жив ли ястреб Токо
С быстролетным серебристым крылом?
Из-за благополучия такого
Мне захотелось петь.
Нестрадавшему Токо
Я встретился на пути.
Все певцы, заливаясь,
Принялись петь при тебе,
Словно белый ястреб, готовый к полету,
Сидит рядом с ними мой Токо.
В здравии встретились мы
На поминках Сулеймана.
Все певцы толпой
Следуют за тобой, Токо.
Кочевой киргиз, отдыхая,
Слушает твои песни.
Сверкает твоя золотая борода.
Я только что встретился с тобой.
Думают все они здесь
Научиться у Токтогула петь,
Отобрав лучшие песни его.
Хотят и знатоками быть
С жадным стремлением все
Пришли на поклон к тебе
Пусть достигнут желаемого,
Будь учителем для всех.

В течение всего обряда поминок я не отставал ни на шаг от Токтогула, куда бы он ни ходил, стараясь запомнить как можно больше его замечательных песен. Сам же я не сделался ни писателем, ни певцом и никогда не исполнял песен ни на поминках, ни на тоях.

После этого мы стали с Токтогулом вроде отца и сына, часто навещали друг друга...

ÑËÎÂÎ ÎÁÀÂÒÎÐÅ

***

Поэзия Тоголока Молдо питалась соками неиссякаемых родников устного народного творчества. Он жил думами и мечтами со своим народом, словно нестареющее, вечно цветущее дерево врос он могучими корнями в киргизскую землю.

Аалы Токомбаев

АЛЫМКУЛ УСЕНБАЕВ

Человек и тигр

Легенда

Окрест дороги – ни души,
Лишь душной ночи мрак.
Стеною встали камыши,
Да лёг глухой овраг.
Ни дыма, ни жилья вокруг,
А только топь да тишь,
Да чуть приметно на ветру
Шуршит сухой камыш.
Преданье слышал как-то я,
Похожее на сон,
Что тигр владыкой в тех краях
Считался испокон.
Губил коров и лошадей,
Любил овечек красть
И мог при случае злодей
На путника напасть.
Не ведал страха хитрый вор
И жалости не знал,
Был лют... Но с некоторых пор
Людей бояться стал.
Утратил зверь былую спесь.
И я об этом вам
Поведать постараюсь здесь
Всё то, что знаю сам...

***

Однажды путников в глуши
Застигла ночь... И вот
Пастись пустили в камыши
Они голодный скот.
И, чтобы время скоротать,
Решили до утра
Они прилечь и подремать
У дымного костра,
И не слышали даже, как,
Обнюхав темноту,
Подкрался хитрый, злобный враг
К беспечному скоту,
Как, у оврага затаясь,
Клыки ощерил зверь,
Решив, что поживиться всласть
Сумеет он теперь.
Бедняк в ту ночь на огонёк
Забрёл издалека.
Тяжёлый выдался денёк.
Дорога нелегка.
Хотелось есть ему с утра,
С утра хотелось пить.
Мечтал он пищу у костра
И воду раздобыть.
Откуда знать ему, что здесь –
Лишь стоит сделать шаг, –
На крепкой холке вздыбив шерсть,
Залёг коварный враг.
Залёг, нацелясь для прыжка,
И терпеливо ждёт
Момент,
Чтоб взять наверняка
Ему телка или быка –
Уж как там повезёт.
Или в овцу вонзить клыки
И, задушив её,
Умчаться берегом реки
В пристанище своё.

***

Но вот повис, роняя свет,
Луны багровый круг.
И зверя чёрный силуэт
Бедняк увидел вдруг.

«Гляди, какого мне коня
Удача поднесла! –
Воскликнул путник. – Пусть меня
Домчит он до села!
Хоть я странствовать привык,
Не век ходить пешком...»
И на зверюгу в тот же миг
Вскочил бедняк верхом.
«Теперь бы только не сробеть,
А там дождавшись дня,
Узду кручёную надеть
На резвого коня
И мчать на дальний перевал,
Покуда хватит сил!..»
Зверь вздрогнул,
Злобно зарычал
И на ноги вскочил.
Стремясь уйти от седока,
Метнулся он в овраг.
Но нет, не сбросить бедняка
Ему с себя никак.
И, испустив звериный рык,
Судьбе своей не рад,
Помчался хищник напрямик
Куда глаза глядят.
Казалось, ночи нет конца.
До самого утра
Нёс тигр лихого храбреца
По ямам и буграм.
Всю ночь в безмолвной тишине
К отрогам снежных гор
С тяжёлой ношей на спине
Он мчал во весь опор.
Бедняк доволен был конём –
Горяч и полон сил!
Он вдруг представил,
Как на нём
Приедет в свой аил,
Как люди скажут: «Видит бог –
Не конь, а просто клад!
Где раздобыть ты только смог
Коня такого, брат?»
Но вот над краем снежных круч
Сквозь дымку мглы седой
Пробился солнца первый луч,
Несмелый и скупой.

И, возвестив начало дня,
Ушёл за перевал...
«Ну, что же, поглядим коня», –
Седок себе сказал.
Взглянул – и обмер в тот же миг,
От страха сам не свой.
Хоть он ко многому привык,
Не ждал беды такой.
«Конец, – подумал он. – Беда!
Мне не уйти живым.
Да будет проклят день, когда
Я повстречался с ним!
Да сгинут тот злосчастный час,
И свет того огня,
И случай тот, что мне припас
Такого вот коня!»
Он над собой теряет власть,
Глаза полны тоски...
«О, как страшна у тигра пасть!
О, как остры клыки!
Пришла, как видно, смерть моя...
Но всё же, может быть,
Покуда жив, сумею я
Врага перехитрить!»

***

К полудню хищник сбавил бег –
Устал и понял он,
Что смел, и грозен человек,
И сказочно силён;
Что у него рука крепка
И воля велика –
И потому наверняка
Не сбросить седока.
Но злость ещё кипела в нём
И сердце жгла огнём.
Зверь в чащу леса,
Напролом,
Рванулся в бурелом.
И, смяв кусты, помчался так,
Что, ловок и сметлив,
Не мог никак понять бедняк,
Каким он чудом жив.
Бедняк изранен. Запеклась
На смуглом теле кровь.

«О, боже! Только б не упасть! –
Твердит он вновь и вновь. –
Не век же будет длиться путь,
Иссякнет в звери пыл.
Ведь должен же когда-нибудь
Лишиться хищник сил!»
И, осенённый мыслью вдруг,
Привстал он на скаку,
И, обхватив руками сук,
Повис он на суку.
А тигр бежал, покуда мог,
Чащобою лесной
И чуть дыша, не чуя ног
Свалился под сосной.
Лежит и слышит чей-то смех
Из-за густых ветвей...
«Скажи, какой случился грех
С тобою, царь зверей?»
И обезьяна, встав пред ним,
С трудом скрывая страх,
Вильнула хвостиком своим
И села в двух шагах.
«Ты весь дрожишь...
В глазах туман...
Как старый крот, облез...
Какой загнал тебя шайтан,
Владыка, в этот лес?»
Тигр взбеленился: «Брось шутить!
Сегодня на спине
Саму судьбу свою носить
Пришлось, как видно мне...»
И он, припомнив всё, что мог,
Поведал ей о том,
Как гнал его лихой седок
Сквозь дикий бурелом,
Как, страшным ужасом гоним,
Без троп и без дорог
Во мраке ночи мчался с ним.
Пока не изнемог.
У обезьяны злость в глазах:
«Будь проклят человек,
Что так жестоко наказал
Владыку гор и рек!
Клянусь, мы отомстим врагу!
Он не уйдёт от нас.
Тебе я, тигр, помогу

Приблизить мщенья час!»
Лиса явилась к ним на шум:
«Не трусь, владыка гор!
Тебе мой хитрый лисий ум
Поможет смыть позор.
Ужель мы трое одного
Врага не победим?
Достанем с дерева его,
Прикончим и съедим!»
У обезьяны прост расчёт.
Забыв про страх в пылу,
Она спешит, она ползёт
По скользкому стволу.
Сейчас столкнёт врага,
А там
Недолго до конца.
Владыка, волю дав клыкам,
Прикончит наглеца!
Бедняк не дрогнул, не сробел.
Он свой наметил план:
Потуже на руку надел
Волосяной аркан.
И обезьяна в тот же миг
Захлёстнута петлёй,
Лиса ушла, а тигр, дрожа,
Стремглав умчался прочь
И, как убитый, в камышах
Проспал почти всю ночь.
И чудилось в тревожном сне
Владыке рек и гор,
Что всадник на его спине
Гарцует до сих пор.

***

Окрест дороги – ни души,
Лишь душной ночи мрак.
Стеною встали камыши,
Да лёг глухой овраг.
Ни дыма, ни жилья вокруг,
А только топь да тишь,
Да чуть приметно на ветру
Шуршит сухой камыш.
Но зыбок этих мест покой.
Как встарь, хитёр и лют,
Коварный тигр, чиня разбой,
Хозяйничает тут.

Овец и коз таскает вор,
Коров и лошадей.
Но больше смерти
С давних пор
Боится зверь людей.

Воробей

Басня

Покинул воробышек гумна свои,
Решил соловьев навестить. – «Соловьи! –
Сказал он. – Привет вам! Я – редкая птица!
Не менее славная птица, чем вы!
Кукушку слыхали? То тётка моя.
Орёл – мой сородич. Не жалуюсь я
На близких моих. Эти важные птицы
Знакомы мне лично, родная семья!»

Бывал он и в дальних, и в ближних краях.
Он ел, что придётся. Он жил впопыхах.
Везде он чирикал, что нет ему равных
И нету знатней ни в лесах, ни в горах!

«Послушай! – сказал воробью соловей. –
Что толку кичиться роднёю своей?
Когда бы я в жизни умел лишь чирикать,
Держался бы, право, гораздо скромней...»

Напрасно он стал хвастуна убеждать.
«Орла вы видали?» – тот начал опять. ...
О, если б однажды не то, чтобы песню,
Хоть трель соловьиную смог он издать!

Сорока – зазнайка

Басня

Взлетела сорока на ветку сосны.
- Сижу высоко, не боясь вышины...
Отсюда любую добычу увижу,
Отсюда мне дальше дали видны.

Сидела сорока на ветке густой.
Сорока ужасно гордилась собой.

Пригладила перья. «Красотка теперь я!» –
Болтала сорока, вертя головой.

Вдруг смолкла она, коготки навостря:
То вниз опускаясь, то в небе паря,
Над ней пролетала какая-то птица.
- Скажи-ка, летает не хуже, чем я!
То сокол, весенним азартом гоним,
Как пуля, пронёсся над вязом густым.
- Посмотрим! А, ну-ка, его догоню-ка! –
Вскричала сорока, пускаясь за ним.

Упрямой она от рожденья была,
Но сокол летел, как из лука стрела,
И вскоре устала сорока – бедняжка,
Что даже на ветку взлететь не смогла!

Свалилась на землю сорока без сил,
И ветер, как щепку, её подхватил.
Погас, словно искра под ливнем жестоким,
Сороки – зазнайки воинственный пыл.

Лежала в пыли бездыханна она,
Её увидала подруга одна:
- Какая воистину горькая участь! –
Сказала она, состраданья полна.

.. .Случалось встречать мне похожих людей.
(О них рассказал я вам в басне моей!)
Они, как сорока, спесиво болтали,
В бесславье своём уподобились ей!

МОЙ ВЕЛИКИЙ УЧИТЕЛЬ

Неповторимое лето... Тогда я был еще очень стеснительным и замкнутым мальчиком, только начинающим сочинять песни. Выступить перед народом у меня не хватало духу...

Однажды в Таласе стали готовиться к поминкам в чью-то честь. На эти поминки прямо через Таласский перевал из Кетмень-Тюбе приехал и Токтогул. Из аила в аил сразу же разнеслась радостная весть. Все передавали друг другу: «Токтогул приехал», «Приехал Токо». Народ повалил в наш аил не столько из-за поминок, сколько из-за Токтогула...

Муса взял меня за руку и повел к Токо, поучая:

- Ты не стесняйся, ступай и поздоровайся. Только не уважающие себя стесняются. Токтогул такой же человек, как и все. Слушай и учись у него.

Но я все же стеснялся войти в юрту, где пел Токтогул. Мусе никак не удавалось уговорить меня. Наконец он сам подошел к Токтогулу и сказал:

- Токо, наш мальчик Алымкул собирается тоже стать певцом.
- Ну-ка, покажите-ка его мне, – громко воскликнул Токо.
- Не бойся! Заходи! – зашумели люди.

Токтогул, наверное, понял, что я стесняюсь, взял комуз и запел невысоким приятным голосом:

Молодость моя, прошедшая в печали,
Не вернется теперь,
Ты не прячься, малыш,
Подойди ко мне.
Каждый раз печалюсь,
Когда вспоминаю о быстротечности жизни,
Еще не успев посмотреть на меня,
Не прячься, малыш.
Пока не уехал я домой,
Побыл бы ты со мной,
Подойди ближе ко мне,
Хочу послушать, на что ты способен.

Сердце мое затрепетало.

Как ни был я стеснительным, после этого мне уже не оставалось ничего другого, как войти в юрту и поздороваться. Токтогул, не отпуская моей руки, запел:

Молодость бывает стеснительной,
Ты, не поздоровавшись со мной, бежал.
Нет проку в стеснении,
Не раздумывая, замещай меня!

Эта песня вызвала возгласы одобрения окружающих. Муса с нетерпением шепнул: «Скорее же, Алымкул, отвечай песне Токо», – и я запел:

Слышал я раньше о вас,
Мечтая увидеть хоть раз,
Это была моя сокровенная мечта.
Слушай меня, соловей Токтогул,
Это мое приветствие.
На радость киргизскому народу
Ты рожден.

Радостное оживление охватило окружающих, стали раздаваться голоса: «Браво! Молодец! Да он, оказывается, пошел по стопам Токтогула. Спой еще, пусть тебя оценит Токтогул».

Я, воодушевленный, продолжал петь. Токтогул остался довольным мной. Он ласково похлопал меня по плечу. Потом, настроив комуз, ответил на мою песню:

Ты – словно мой родной сын!
Послушал твои слова,
И тоска моя развеялась.
Пока я не уехал, мой братишка,

Учись у своего старшего брата мастерству.
Не забывая моих слов,
Вспоминай иногда Токо.

Народ опять одобрительно зашумел, напутствуя меня словами: «И-ии, дорогой, слушай Токо, бери с него пример, постарайся стать таким акыном и комузистом, как он».

***

Осенняя пора. Горные вершины уже оделись в белоснежный наряд, по утрам иней стал покрывать землю. Известно, что киргизы именно в это время года начинали устраивать различные пиршества.

В один из таких дней в аиле Кен-Кол некий Тулекабыл давал той в честь своего сына. Народу собралось много. Тогда мне было девятнадцать лет. Вместе с соловьем Гоктогулом мне удалось провести весь той. Токо в тюбетее из черной мерлушки, в синем чапане, с комузом в руке, разъезжал на своей гнедой лошадке, напевая звонким голосом песни, временами развлекая народ прибаутками.

Той сопровождался борьбой силачей, состязанием всадников, боем на копьях.

Два копьеносца, сев на отборных скакунов, начали состязание. Токо стоял рядом со мной с камчой в руке и время от времени возбужденно похлопывал ею. Я тоже не стоял на месте. Подстегивая вороного, то удаляясь, то приближаясь к месту состязаний. Четырнадцать раз сходились копьеносцы, было поломано тринадцать копий. Наконец богатырь Теке одним ударом сбил противника. Тогда Токо в лад мелодии комуза запел:

Словно злонамеренные,
Друг друга гоняют копьеносцы.
Народ в страхе стоит.
Посмотрите, как остры копья.
Если они в сердце вонзятся
И погибнет один из сражающихся,
Кто заплатит выкуп за убитого?

Пока Токо пел, к нему подошел слепой старик с мальчиком-поводырем. Это был сурнайчи Тойкожо, который иногда сочинял песни. Тойкожо назвал имя Токо и, низко поклонившись, подал ему руку.

- Дорогой Токо, жив ли ты, здоров ли? Только недавно я узнал, что ты возвратился из Шыбыры, хотел пойти встретиться с тобой, да, видишь, слепой я.

Токтогул мгновенно соскочил с коня и, подавая руку сурнайчи, спросил:

- Здоров ли сам? Спасибо, что не забываешь, Тойкожо-аке.

Пока Токтогул и Тойкожо, приветствуя, крепко жали друг другу руки, вдруг кто-то громко запел:

Не донести ли волостному,
Не отдать ли в руки стражи
Тебя, Токтогул?
И не отправить ли в сибирские места?

Это, оказалось, пел Сары, безобразный лицом человек: рот его доходил до ушей, один глаз был покрыт бельмом, а губы изъедены язвами. Сары только тем и жил, что высмеивал и оскорблял людей.

Токтогул растерялся: он только недавно бежал из сибирской ссылки и редко показывался среди народа, стараясь избегать встреч с врагами. Он наскреб в кармане полтора рубля и передал мне: «Отдай ему». Я тут же вручил деньги бельмастому. Деньги возымели свое действие, и он запел:

Э-э, на одной ноге у тебя чулки,
На другой ноге лубки,
Чтобы умерла мать твоя,
Чтобы горько рыдать тебе, Токтогул!

А затем, обращаясь к Токтогулу, сказал:

- Ты не будешь брезговать мною, если на тое я сяду рядом с тобой? Токтогул слабо улыбнулся и утвердительно кивнул.

Хозяин тоя Тулекабыл вечером поставил юрту специально для певцов. Мы все во главе с Токтогулом собрались там. Токо обратился ко мне: «Алымкул, Тойкожо, наверное, проголодался, у него даже губы пересохли. Принеси ему что-нибудь поесть-попить. Ведь он не может, как другие зрячие, хватать и набивать свое чрево». Я набрал в большую чашку боорсоков, налил в другую шурпы и все это быстро поставил возле флейтиста.

Когда Токтогул взял комуз и начал настраивать его, все вокруг притихли. Токо на этот раз начал изображать под мелодию комуза прилетевших на берег лебедей, озирающихся с вытянутой шеей. Затем он стал показывать мимикой и движением, как охотник сквозь заросли подкрадывается к лебедям. Токо уморительно сыграл запыхавшегося, усталого охотника. Все вокруг безудержно смеялись. Затем он оттянул среднюю струну комуза и изобразил выстрел из ружья. Подстреленный лебедь пытается взлететь, но силы покидают его и он с раскинутыми крыльями остается лежать. Тут Токо, словно подбитый лебедь, вытянулся посреди круга. Сидящие то смеялись до слез выходкам Токтогула, то выражали сожаление по погибшему лебедю. Играя и напевая беспрерывно различные мелодии, к полночи Токо. притомился. Многие остались ночевать тут же на месте, и только некоторые неохотно разошлись по домам.

Токтогулу постелили в юрте там, где он сидел. Я прилег справа. Не знаю, сколько прошло времени, но меня разбудил какой-то шепот. Прислушался – собралось много людей. Не выдержав, я спросил: «Что вы тут делаете?»

- Пока пел Токтогул – ответили мне, – мы готовили угощение для гостей и теперь только вот освободились. Не мог бы Токо спеть и для нас?

- Бога на вас нет, – сказал я, разозлившись, – ведь он устал, только что прилег, успеете и завтра послушать.

Я думал, что Токтогул спит, но он вдруг приподнялся и окликнул собравшихся было уходить людей.

- Подождите, я сейчас.

Он тут же поднялся с постели, удобно устроился, попросил подать комуз и начал настраивать его. Подбросили дров в очаг. Собравшиеся плотно окружили Токо, с торжеством поглядывая в мою сторону.

Эту ночь Токтогул провел за игрой на комузе и песнями. Наутро, когда мы остались одни, он сказал:

- Сынок, ты ночью поступил неверно. Люди пришли послушать песни, а ты гонишь их. Не делай больше так. Дитя мое, Алымкул, никогда нельзя отказывать людям, если даже ты болен.

С тех пор я не отставал от Токтогула ни на шаг. Под Токо была гнедая лошадь, одет он был в синий чапан, мерлушковый тебетей. У Токтогула были удивительно правильные черты лица. Краснощекий, круглолицый, с пухлыми, как у ребенка, губами, он был очень привлекательным. Токо иногда глубоко задумывался, и в такие минуты я не осмеливался беспокоить его. Но чаще он бывал веселым и всех заражал радостью. Прибаутками, различными шутками он заставлял улыбаться даже угрюмых...

...Это было в один из осенних дней. До Таласских гор долетела счастливая весть о свободе. Извечных господ-баев и манапов охватила дрожь, и они под различными предлогами: то под видом поминок по отцу, то под видом поминок по матери – поголовно резали скот, чтобы он не попал в руки бедняков.

Вот как раз в такое время в роде берен устраивали поминки по Джанкорозу. Стало известно, что приедут гости из Аксу и Таласа. Через два-три дня распространился слух: на поминках будет Токтогул. Это известие взбудоражило людей, и они стали с нетерпением ожидать долгожданного дня. Спустя некоторое время распространилась новая весть: Токтогул приехал и остановился у своего друга-дехканина Чылмамбета, живущего в аиле, расположенном ниже аила Джанкороза. Народ, кто на лошадях, кто пеший, устремился туда.

Болыпебрюхие баи и манапы из белых юрт недовольно ворчали: «Поганец этот певец, раб ничтожный! Что это он, не повидавшись с нами, остановился у какого-то безродного из нижнего аила?» Они послали джигита с приказом: «Если Токтогул хочет петь, то пусть едет в аил, где проводят поминки, а если нет, так пусть убирается».

Джигит, бесцеремонно растолкав конем собравшихся возле юрты Чылмамбета людей, срывающимся визгливым голосом крикнул:

- О-о несчастный Токтогул, ты даже не знаешь, где тебе следует остановиться. Манапы велят тебе прийти в аил Джанкороза. «Пусть приезжает по-доброму, – говорят они, – а если не захочет, тогда пусть убирается домой».

Поднялся Токтогул и спокойно сказал:

- Возвращайся своей дорогой. Если пожелаю, приеду завтра, а сегодня буду здесь.

- Не хочешь ехать, не надо, потом пеняй на себя, – задирчиво проговорил джигит. Когда Токо закончил пить чай, к нему обратился Чылмамбет:

- О Токо, я думал, что здесь собрались только мои соседи, но, оказывается, пришли и люди из верхнего аила. Они не смогли бы послушать тебя, если бы ты пел в юртах манапов. Хотя ты и устал с дальней дороги, услади своим языком собравшихся.

Токо ответил:

- Э-э, друг мой... Ведь я и остановился у тебя затем, чтобы встретиться с простым людом. Если бы я хотел услужить баям, не сидел бы здесь. Конечно, я буду петь. Что мне – везти свои песни домой, что ли, и сеять их вместо семян в следующем году?

Все собравшиеся рассмеялись.

Токо сделал углубление в середине тюбетейки, надел набекрень, засучил правый рукав, стал быстро двигать кожей головы, отчего она то спадала на правое ухо, то поднималась на макушку.

Сидящие дружно хохотали. Любопытные стали напирать на передних, отчего и без того переполненная юрта затрещала. Многие, несмотря на усердное старание, так и не сумев посмотреть на Токо, ворчливо переругивались:

- Да что ты делаешь?
- Ой, ты что не видишь людей, что ли, так напираешь?
- Ии-ии... да он все ноги мне поотдавил.
- Токо еще и не приступал к игре на комузе, но смех не прекращался ни на минуту. Но вот наконец Токо взял комуз и начал настраивать. Он сделался сразу серьезным, даже хмурым. Собравшиеся тут же перестали смеяться и с тревогой обратились к нему:
- Токо, что это случилось с вами? Вы не поете, будто обижены на нас?
- А разве вы хорошо поступаете? – спросил он. – И стар, и млад смеются надо мной... Мало того, так и вон та старуха, что сидит у очага, и та смеется.
А старуха испуганно запричитала:
- Да боже упаси меня, мой дорогой! Это я от радости смеюсь. Что же теперь мне делать? Токо прикрикнул на сидящего рядом с ним юношу, который покатывался от смеха,
неожиданно подтолкнул его вдруг выпятившимся животом. И сказал:
- Эй, ты, мальчишка, сиди смирно! Смех разразился с новой силой: Народ, покатываясь, говорил:
- Что будет с нами, когда запоет Токо? Мы уже сейчас умираем со смеху!

Несмотря на несмолкающий смех людей. Токо запел звонким голосом:

Привет вам всем, родичи мои,
Труженики мои любимые,
Которые ждали с волнением меня,
Говоря, что приедет Токо!

- Еще, еще, Токо! – зашумел народ.
Токо продолжал:

Чернопятые бедняки,
Чтобы узнать о вашем благополучии,
Не остановился я у большебрюхих баев,
А приехал к вам, сюда...

Народ шумно благодарил его.
А когда Токтогул начал песню о своем изгнании в Сибирь:

Без вины я был пойман
И сослан в Сибирь.
Но возвратился невредимым,
И вновь я с вами, белоколпачные киргизы. –

народ сразу смолк, сосредоточенно слушая печальную песню, в душе проклиная манапов, которые сослали любимого акына в далекий страшный край.
Токо, почувствовав печальное настроение людей, сразу же прервал песню, перебросил комуз в правую руку и, чтобы поднять дух слушателей, обратился к хозяину дома:

О Чылмамбет,
Возьми свой котел и тулгу,
Возьми свой огромный кумган и ведро...

Есть у меня давнишние тайны.
Сейчас покажу вам невиданное,
Следите за мной, родичи!

Сидящие заговорили:
- Вот интересно! Что задумал Токо?
- Шаману хочет подражать, что ли?
Токо настроил комуз и медленно начал:

Среди множества птиц
Есть жаворонок,
Поющий на разные лады,
Заливающийся без конца.
Когда пас овец я,
Научился трелям его,
Словно сам жаворонок,
Я сыграю вам, братья родные!

Затем он перестал играть и стал объяснять:
- Родные, все вы знаете жаворонка. Высоко взлетев в небо, он заливается там на шестьдесят ладов, а опустившись в степную полынь, поет совершенно по-иному. Вот так...
Токо стал подражать жаворонку, заливаясь на разные лады. Затем взял комуз и стал изображать трели жаворонка: «Ардап-зардап, к-ште, к-ште, загы-загы, к-ште, к-ште».
- Знаете ли вы, о чем он поет? – спросил, он.
- О дорогой Тока, тебе лучше знать о трелях жаворонка, – подал кто-то голос. Токо оказал:
- Первое: «загы-загы, к-ште, к-ште», это значит: «не зарься на чужой труд». Второе: «Ардап-зардап к-ште, к-ште», – значит: «Долю вдовью и сиротскую не трогай».
Люди зашумели: – Молодец, Токо! Токо перешел на другую тему.
- Э, братцы, расскажу вам о том времени, когда я еще не был в Сибири... Собрался я однажды отправиться в Андижан, чтобы набраться ума-разума, встретиться и перенять мастерство акынов, певцов, музыкантов, а самое главное, повидать известного в тех местах акына Молдо Тойчу. Когда я уже достиг андижанских улиц, навстречу показалась черной масти лошадь, запряженная в телегу с двумя огромными колесами. В ней сидели четверо. На одном из них была чалма, в руках он держал длинный белый сверток. Я поздоровался и, пустив свою лошадь рядом с повозкой, спросил:
- Братцы, откуда едете?
- Ээ, да разве вы не узнаете? – сказал, мне чернобородый узбек.
- Кого?
- Да того маленького человека в белой чалме. Он наш шаир, мастер не только песни, но и дутара.
- Как его имя?
- Этот человек Молдо Тойчу! Подумать только, что до сих пор вы его не видели! Я спросил:
- А куда путь держите?
- Да здесь недалеко есть хорошая чайхана, вот мы и решили там отдохнуть.
- Можно мне, братцы, с вами поехать?

- Езжай, пожалуйста!

Мы подъехали к большой чайхане. Спутники, прежде чем сесть, сняли верхнюю одежду. Я последовал их примеру. Тот час же стали раздаваться голоса сидящих в чайхане:

- Да живет Молдо Тойчу-аке! Возьмите, Молдо Тойчу-аке, в руки дутар.

Оказывается, в том белом свертке был дутар! Один из сидящих развязал сверток и подал инструмент Молдо Тойчу. Я тоже быстро снял комуз с ремня и положил рядом. Мой спутник, увидев это, протянул:

- У моего киргизского друга, оказывается, тоже есть инструмент, – и, обратившись ко мне, спросил: – Ха, киргиз-аке, может ли на что-нибудь пригодиться ваш инструмент?

Один из сидящих заметил:

- Чтобы там ни было послушаем его потом.

Я про себя подумал, что надо приложить все силы, чтобы не ударить лицом в грязь... Наконец, Молдо Тойчу взял дутар и, подергивая плечами, начал напевать узбекскую народную песню «Люлю Мамажан».

-Живи, Молдо Тойчу! Когда поет Молдо Тойчу, все струнки человеческой души задевает, –раздались восхищенные возгласы.

Тут то мне подошел узбек и сказал:

- Киргиз-аке, и вы возьмите в руки свой инструмент.

- Спасибо вам, родичи, – начал я. – Я слышал раньше, что есть у узбеков певец Молдо Тойчу и вот приехал затем, чтобы встретиться с ним. Моя заветная мечта, исполнилась, я не только увидел его, но услышал. Я сам из сторонки, называемой Ала-Тоо. Там живет белоколпачный киргизский народ, где в каждом ущелье привольно растет густой еловый лес. Если вы согласны, то позвольте мне повторить услышанную песню Молдо Тойчу, хотя, может быть, слова я буду произносить не совсем верно.

Один из сидящих нетерпеливо спросил:

- А как ваше имя?

- Токтогул, – ответил я.

- А, так эта вы и есть Токтогул?! Нам тоже приходилось слышать о вас, – сказал один из присутствующих.

Я начал на комузе исполнять песню Молдо Тойчу. Сидящие одобрительно восклицали:

- О, молодец! Да живи, киргиз-аке! Этот киргиз-аке мастерски владеет своим комузом! Он превратил его в дутар.

- Родичи, – обратился я к ним, – сейчас я исполнил на своем комузе мелодию дутара Молдо Тойчу. Теперь позвольте мне исполнить киргизскую мелодию. У киргизов есть игра девушек и молодух, называемая «Селькинчек». Они устраивают качели на деревьях, поют, играют. Среди девушек и молодух есть свои певицы и комузистки...

Я начал показывать, как наигрывают мелодию «Селькинчек», пропел песню и под конец просвистел, подражая звуку темир-комуза. Люди, сидящие в чайхане, зашумели:

- Живи, Токтогул-аке, молодец! ...Так закончил свой рассказ Токо.

Где бы Токо ни был, везде он рассказывал что-то новое, не повторяя ранее сказанное. Токо был не только акыном и комузистом, но и увлекательным рассказчиком...

ÑËÎÂÎ ÎÁ ÀÂÒÎÐÅ

***

Алымкул был акыном в лучшем, классическом смысле этого слова. Его творчество было таким же безупречным, как снежный покров Ала-Тоо. Ничто чуждое, наносное не замутняло его.

В. Виноградов

***

Стихи у Алымкула льются так же щедро, и они так же звучны, как горный поток,

Жоомарт Боконбаев

***

Творчество Алымкула Усенбаева – волнующая и прекрасная страница в киргизской литературе, его жизнь – бескорыстное служение народу. В нем одном уживались талант поэта – акына и талант человека – гражданина.

Сергей Фиксин

КАЛЫК АКИЕВ

ГОЛОДНЫЙ ВОЛК

Было это в давние времена...

Пришло в горы лето. Откочевали скотоводы на джайлоо. И только бедняки, у которых не было даже захудалой лошади, остались в знойных низовьях. В эту пору объявился в тех краях Волк. Был он болен, тощ и голоден – еле на ногах держался. А вокруг никакой живности. Попробовал было Серый траву щипать, да ведь не по зверю пища. «Надо податься поближе к людям,– решил Волк.– Глядишь, козлёнка подстерегу или ягнёнка утащу, так и проживу до лучших времён». И отправился Волк в путь. Встретилась ему на пути Куропатка с перебитым крылом. Долго гонялся за нею Волк и, наконец, поймал. «Ну, теперь утолю голод»,-обрадовался он и сказал Куропатке:

Эй, глупышка, куда спешишь?
Иль не знаешь ты до сих пор,
Что от Волка не убежишь,
Не укроешься среди гор?
Жизнь у Волка – совсем не мёд:
Столько всяких хлопот-забот,
Да и тут ещё, как назло,

Навалился голодный год.
Я когда-то овец стращал,
Несмышлёных ягнят губил.
Постарел я и отощал,
И в ногах моих нету сил.
Как я кур и индеек крал!
Как охотиться я умел!
Но недавно так захворал,
Что чуть было не околел.
Голод к людям меня погнал:
Надо ж чем-то живот набить...
Вот насилу тебя поймал,
Значит, нынче не та уж прыть.
Стало бегать мне тяжело,
Но сегодня мне повезло:
Я ведь, видел издалека,
Что подбито твоё крыло.
Всё ликует в моей душе,
Петь от радости я готов.
И, тебе не уйти уже
От когтей моих и клыков.
Проглочу я тебя – и вновь
Забурлит в моих жилах кровь,
Схлынет гложущий сердце страх,
И залечится гниль в зубах,
И появится прыть в ногах!

Слушает Куропатка Волка и думает: «Сокол меня не убил, лишь крыло сломал. Не помню, как удалось мне вырваться из его когтей и спрятаться под камнем. Неужто теперь суждено найти свою смерть в волчьей пасти? Будь у меня крыло здоровым, разве позволила бы я разбойнику поймать себя? Но уж коль попалась в лапы зверю, надо как-то спасаться». И сказала Куропатка Волку:

Как мне в детстве жилось легко!
Как взлетала я высоко!
Как от гнёздышка, от родного,
Улетала я далеко!
Было столько во мне огня –
Обогнать я могла коня.
Даже сокол не мог настигнуть
На лету в небесах меня.
Но с годами ослабла я,
Поубавилась прыть моя,
И не в радость уже мне стала
Песня горного соловья:

Как увижу вдали сову,
Улизнуть норовлю в траву,
А появится беркут в небе,
Вижу смерть свою наяву.
И однажды, в начале дня,
За холмом, где ручьи звенят,
Грозный сокол – властитель неба –
С высоты увидал меня.
Увидал и, исторгнув крик,
Устремился к земле, и вмиг,
Опереньем сверкнув на солнце,
Как букашку, меня настиг.
Был тяжёлым его удар,
Страшным, словно лесной пожар.
Помню я, как от жгучей боли
Заструился по телу жар.
С той поры я едва дышу,
Боль и горечь в душе ношу,
По равнинам и по нагорьям
С перебитым крылом хожу.
И хоть птицею я зовусь,
Высоты, как огня, боюсь,
Перепрелой травою жухлой,
Прошлогодней листвой кормлюсь.
Велика ли для Волка честь
Отощавшую птицу съесть?
Ты бы лучше задрал овечку –
Ведь в тебе ещё сила есть.
И ещё я тебе скажу,
Хоть со страха я вся дрожу,
Что волшебную надпись с детства
Под подбитым крылом ношу.
Если надпись ты ту прочтёшь,
Если надпись ты ту поймёшь,
Станешь сильным ты и здоровым,
Снова молодость обретёшь.

Заслушался Волк Куропатку, задумался. И почудилось ему, что у него и впрямь есть ещё сила. Подумал он, что надо бы поглядеть на волшебную надпись под крылом у Куропатки. «Велю-ка я ей приподнять крыло, – решил Волк,– и если там и в самом деле есть надпись, отпущу птицу с миром. Ну, а если всё это выдумка, пусть обманщица пеняет на себя».

- А ну-ка, подними крыло и покажи надпись!– прорычал Волк.– Я прочитаю её. Если же ты меня обманула, то съем тебя, не разжёвывая!

- Хорошо,– робко ответила Куропатка. Она тут же собралась поднять крыло, но вовремя передумала. «А что, если Волк и вправду умеет читать? Заглянет под крыло, увидит, что никакой надписи там нет и со злости даже перышка на мне не оставит. А впрочем, будь что

будет!» Куропатка резко подняла крыло, обнажив розовую кожицу, на которой виднелись чёрные пятнышки. Увидел Волк эти пятнышки и не на шутку испугался. «Да, никак, эта Куропатка и впрямь заколдованная»,– подумал старый разбойник и отпустил Куропатку на волю.

И отправился Волк в предгорья, решив поохотиться за пасущимся на приволье скотом. Однако и на этот раз счастье не улыбнулось ему. Не встретил он там ни тощей овцы, ни захудалой коровёнки. Одна лишь выжженная трава да бедняцкие юрты в аилах. Понял Серый, что не на что ему здесь надеяться, и побрёл искать место, где можно было бы подремать до наступления ночи. Нашёл он такое место и залёг. Лежит Волк, а желудок от голода ноет, голова от боли трещит, в глазах темно. Еле дождался сумерек. Дождался и направился украдкой к ближнему аилу, решив издалека высмотреть добычу. Но ведь у бедняка каждая овца на счету, не то, что у бая, да и та в кошаре или на привязи,– попробуй, утащи её. И всё же решил Серый попытать удачи. Спустился в овраг и пополз к одиноко стоящей кошаре. Но тут с громким лаем бросилась ему навстречу свора собак, да таких огромных и злых, что и тигру не поздоровилось бы. Пришлось Волку убраться не солоно хлебавши.

Поднялся он на крутую гору и при свете луны стал смотреть на лежащий внизу аил. Он видел, как откинулись пологи юрт, как, заслышав собачий лай, вышли из юрт приземистые старики и согбенные старухи, и понял, что в этом аиле он ничем не сможет поживиться. А когда увидел он на высветленном луною лугу играющих в ак-чольмек и думпульдек аильных ребятишек, то и совсем пал духом.

Долго думал он о том, что же ему делать дальше, и, наконец, надумал двинуться на джайлоо, туда, где на тучном разнотравье пасутся байские стада и отары. Бежал, бежал Волк и неожиданно наткнулся на горную Индейку, сидевшую на гнезде. К его удивлению, Индейка не сдвинулась с места, даже не пошевелилась: не могла она бросить только что появившихся на свет крохотных индюшат. Однако и лезть Волку в пасть Индейке не хотелось. И сказала она Волку:

Не губи меня, пощади!
На птенцов моих погляди.
Ведь не камень, батыр, а сердце
Бьётся в жаркой твоей груди.
Много дней здесь сидела я,
Пить и есть не хотела я,
Чтобы вывелись индюшата
Из яиц, что согрела я.
Мне их надо теперь кормить
И водой ключевой поить.
Пропадут они, коль захочешь Ты
несчастную мать сгубить.
Я слыхала: ты смел и лют,
На расправу с наживой крут –
Неспроста же грозой нагорий
Все в округе тебя зовут.
Хочешь – дам я тебе совет:
В час, пока не настал рассвет, Поспеши
на джайлоо к баям
Там отарам их счёта нет.

Попадётся овца – дери!
Облюбуешь козу – бери!
Только должен ты непременно
В те места поспеть до зари.
А меня, батыр, пощади!
На птенцов моих погляди.
Ведь не камень глухой, а сердце
Бьётся в жаркой твоей груди.

Бедная птица совсем изнемогла от страха, все её мысли были о птенцах, из глаз текли крупные слёзы. Посмотрел Волк на Индейку, и стало ему её жалко.

– Ладно,– сказал Серый,– живи, расти птенцов и помни о моём великодушии! Может, и ты меня когда-нибудь выручишь.

Побежал Волк дальше, всё ещё надеясь, что судьба пошлёт ему жирного стригунка или яловую овечку. И увидел он отбившуюся от стада чёрную Козу. Подкрался он к ней и уже хотел было напасть на неё, но та, заметив хищника, молнией взлетела на скалу. Стоит чёрная Коза, на высокой скале и смеётся над неудачливым Волком:

Стар ты нынче, чтоб в драку лезть,
Нет в глазах былого огня,
Полиняла, обвисла шерсть –
Разве мог ты настичь меня!
Ты клыками мне не грози,
Не выпячивай важно грудь,
Падаль ешь, валуны грызи,
О свежатине позабудь!
Истомил тебя, жгучий зной,
Обездолил... А мне легко.
Вон хозяин идет за мной,
Чтобы выдоить молоко.
Он возьмёт тебя на прицел,
Зарядив ружьё на ходу.
Убирайся, покуда цел,
А не то попадёшь в беду!

Разозлился Волк на чёрную Козу, стало ему горько и обидно. «Ну, погоди! Ноги себе сломаю, но до тебя доберусь!»– рявкнул Серый и полез на скалу. На один уступ взобрался, на другой, но вдруг сорвался и полетел вниз. Ещё обиднее ему стало, ещё горше.

Сидит Волк на камне, смотрит на Козу, воет от голода и бессилия, думает о близкой смерти и приговаривает:

Как смола, ты черна, Коза,
Никому не мила, Коза.
Знать, хозяину гнусным видом
Намозолила ты глаза.

Слышал я, как он, невзлюбя,
Из отары прогнал тебя.
Вот и бродишь ты здесь одна,
Словно зимняя ночь черна.
Я тебе ведь не сделал зла,
Ослабел, изнемог совсем.
Как сказать ты, Коза, могла;
Что с досады я падаль ем?
Я, поверь мне, ещё могу
Молодого бычка задрать,
Завалить овцу на бегу,
Кобылице хребет сломать.
Я ещё тебе докажу,
Я ещё тебе покажу,
Как хитёр я и как зубаст,
За враньё тебя накажу!
Лишь усталость чуть-чуть пройдёт,
На скалу я легко взберусь,
До тебя, Коза, доберусь!

Долго сидел Волк на камне, ждал – может, надумает Коза спуститься вниз или по неосторожности свалится со скалы. В глазах у него стояла тоска, в пустом желудке урчало и, чтобы унять боль, он громко скрежетал зубами.

А когда понял, что ждать ему нечего, двинулся дальше. Путь его пролегал мимо заброшенного стойбища, где раньше стояли байские юрты. Над стойбищем кружили вороны и стервятники, клевали обглоданные кости.

Нашёл Волк кость покрупнее и принялся грызть её. Видит, неподалёку две сороки прыгают, галдят о чём-то. «Никак какую-то живность нашли...» – обрадовался Серый и побежал туда, где галдели сороки. Ещё издали увидел Волк лежащего в бурьяне чёрного Валуха, тощего и опухшего. Подошёл к Валуху, а тот, как увидел Волка, так весь затрепетал. «Ну, этот от меня не уйдёт! – возликовал Волк.– Уж сейчас-то я пообедаю. Однако для очистки совести скажу несчастному о том, какая участь его ожидает». И сказал Волк Валуху:

Видишь, я отощал совсем,
Уж который день не везёт.
Наконец-то я всласть поем,
Свежим мясом набью живот.
Наконец-то устрою пир
Я на зависть своим врагам.
Наконец-то курдючный жир
Потечёт по моим губам.
А как только насытюсь впрок,
Добротою мир удивлю:
Накормлю болтливых сорок,
Злых стервятников накормлю.
Всем обиды свои прощу,
Не обижу, не обделю.

Прибежит лиса – угощу,
Забредёт медведь – накормлю.
Пусть я стар, пусть я слаб сейчас,
Зорких глаз, с тебя не спущу,
Чтоб ни сталось, но в этот раз
Я удачу не упущу.
Ведь негоже, в конце концов,
Волку слыть средь зверей глупцом,
Чахнуть, мыкаться, голодать,
Кости брошенные глодать.

«Чего это он так со мной разоткровенничался?– подумал Валух. – Волки ведь обычно с нашим братом не церемонятся. Заберутся на скотный двор – и польётся рекою овечья кровь. От ягнят одни хвосты остаются. А какой переполох вокруг поднимается! Козы блеют, коровы мычат, собаки лают, молодухи визжат от страха. В аиле после такого набега, как после пожара. А этот старый разбойник вдруг разоткровенничался. Что-то не пойму я его. Ну, да ладно, может, это к лучшему. Поговорю с ним по-хорошему, поплачусь, львом его назову. Скажу, что сивый Жеребец табунщика Тургумбая увяз в трясине. Тургумбай сам вытащить его не смог, пошёл в аил за подмогой. Вот-вот должен вернуться. Пусть Серый не теряет зря времени!» И сказал Валух Волку:

Много знал ты в жизни удач,
Много подвигов совершил,
Дерзок был ты и был горяч,
И бесстрашен, и полон сил.
Перед тигром не падал ниц,
Перед львом не впадал в тоску,
Нападал ты на кобылиц,
Мог хребет поломать быку.
Тропку каждую знал в горах,
И не раз от твоих угроз
Нападал на овечек страх,
В дрожь бросало телят и коз.
Были ноги твои крепки,
Твёрже кремня были клыки,
И любую добычу ты
Разрывал легко на куски.
Не боялся ты рек и круч,
Непогоды и темноты.
И теперь ещё ты могуч,
Хоть давно уж не молод ты.
Пусть я жизнью не дорожу,
Пусть, как камень замшелый, стар,
Пред тобою, как мышь, дрожу,
В пот кидает меня и в жар.
Не прожить мне уже и дня,

Не увидеть в небе луны,
Смерть давно сторожит меня,
И часы мои сочтены.
Погляди, как я слаб и худ,
Как иссох и опух я весь,
И под кожей какой-то зуд,
И в глазах какая-то резь.
Ну, какой в постнятине толк –
Ведь во мне и жиринки нет.
Хочешь, я перед смертью, Волк,
Дам хороший тебе совет?
Ты к болоту беги, храбрец,
Тургумбаевский Жеребец
Там сегодня увяз по грудь.
Ты возьмёшь его без труда,
Обмакнёшь свои губы в жир,
Вырвешь печень – и вот, тогда
Настоящий устроишь пир.
Коль в свежатине знаешь толк,
Поспеши за добычей, Волк!

«Глянь-ка,– удивился Волк,– какой мудрый Валух! Всё знает: и то, что я был сильным и отважным, и то, что обожаю жирную конину, и то, что люблю охотиться в дождливые ночи, когда молодухи, приглядывающие за скотом, поют свою сторожевую «Бекбекей» и думают, что серый разбойник бродит где-то далеко за горами. Видно, не раз видел Валух, как нападал я на отару, как летела во все стороны овечья шерсть. Ладно, не стану я его есть. Уж если не сгину под конскими копытами, то свежатины отведаю.

И побежал Волк к болоту, в котором увяз Жеребец Тургумбая. Приблизился к Жеребцу и говорит ему:

Наконец-то бог услыхал
Вековую мою мольбу,
Наконец-то возможность дал
Ещё раз испытать судьбу.
Возликую теперь душой,
Станет сил у меня полно –
Ведь добычи такой большой
Не держал я в зубах давно.
Видно, вправду надумал бог
Мне бесславно не дать пропасть,
Накормить меня мясом впрок,
Напоить меня кровью всласть.
Я набью живот, а потом,
Перед тем, как пуститься в путь,
С переполненным животом
Лягу где-нибудь отдохнуть.

И приснится мне дивный сон
В час, когда заклубится мгла,
Будто я, как и встарь, силён
И удачлив в любых делах.
Знать, дождался я наконец
Избавленья от всех невзгод.
Тургумбаевский Жеребец
Никуда уже не уйдёт.
Он в трясине увяз по грудь –
К отступленью отрезан путь.

Услышав такое, испугался не на шутку сивый Жеребец, понял, что ни за что, ни про что может оказаться в волчьей пасти. Однако словоохотливость старого разбойника вселила в него робкую надежду. И сказал он Волку:

Говорит о тебе молва,
Что сильней ты намного льва.
Если так, наберись терпенья,
Вникни сердцем в мои слова.
Был недавно ещё я юн,
Сторожил на холмах табун,
Волков, рыскающих средь скал,
К жеребятам не подпускал.
Не ходил я вовек в узде
И седла не знал никогда,
Пригонял кобылиц к воде,
Что была холоднее льда.
И покоя не знал весь день,
И в ночной не дремал я мгле.
Ржал я так, что дрожала степь
И клонилась трава к земле.
Много выпало мне невзгод,
Поиссяк в моих жилах пыл,
И теперь я уже не тот,
Нету резвости, нету сил.
И уже не могу теперь
В хилом теле сдержать я дрожь.
Волк, ты мудрый и храбрый зверь,
Ты удачу свою найдёшь.
Видишь, я перепачкан весь
И по горло бедою сыт.
Разве станешь ты мясо есть,
Коль болотом оно смердит?
Из беды этой выход прост:
Дёрни крепче меня за хвост,
Чтоб, пред тем, как наступит смерть;

Ощутил я земную, твердь,
Чтоб, умывшись речной водой,
Благородною стал едой.

Выслушал Волк сивого Жеребца и подумал: «Что же это получается? Я буду выбиваться из сил, вытаскивать его из трясины, а он возьмёт да и пустится наутёк. Ноги-то у него длинные. Но ведь есть грязное и вонючее мясо тоже негоже – Жеребец правильно говорит. К тому же он хорошо знает мою силу и понимает, что от меня ему не убежать». Словом, решил Волк вытащить Сивого из трясины. Ухватил зубами за хвост, поднатужился, потянул и вытащил Жеребца. А тот сразу же побежал к воде, долго купался и плескался, потом вернулся к Волку и говорит:

Волк, ты впрямь благородный зверь!
Обмануть мне тебя теперь
Слово данное не позволит
Так; что ты мне и дальше верь.
Ты мне честь сохранить помог,
Из трясины меня извлёк.
Да и я своё слово чести
Благородно исполнил в срок.
Можешь съесть меня на лугу,
От тебя я не убегу,
Не взбрыкну, не лягну копытом,
Ибо я пред тобой в долгу.
Только ты мне не откажи,
Одолжение окажи:
Письмецо на моем: копыте Тургумбаю ты
напиши.
Напиши ему, храбрый лев,
Чтоб умерил он в сердце гнев,
Чтоб не думал, что я в трясине сгинул, с
голоду околев,
Чтоб не ждал он в табун меня,
Не гася до утра огня,
Чтоб смирился скорей с утратой
И другого завёл коня.
Так что ты уж мне удружи.
Вот копыто моё – держи!
Съесть меня ты всегда успеешь,
Но сначала письмо напиши.

А тем временем наступил полдень. Свежий ветерок дул с гор, и от его дуновения трава на лугу ходила волнами. Там и здесь пестрели яркие цветы, пели птицы, жарко светило яркое солнце. А Волк и Жеребец судили да рядили, как им быть. И решили они, что Волк съест своего новоявленного друга, но перед этим напишет на его копыте письмо табунщику Тургумбаю. Лёг сивый Жеребец на спину, поднял копыто. И тут задумался Волк, ибо, как мы уже знаем, в грамоте он был не силён. Пока старый разбойник думал, как и что писать,

появились на гребне крутой горы человек шесть верховых с арканами в руках и с лошадьми на поводу. Это Тургумбай и его друзья спешили вызволить сивого Жеребца из трясины. Хитрец-жеребец, только этого и ждал.

Увидал Волк верховых, задрожал от страха и дал дёру. Вскоре он уже был далеко, а над горами долго ещё слышалась жалостливая волчья песня:

Куропатке поверил я.
И Индейке поверил я.
Видно, вправду в этих краях
Нет глупее зверя, чем я.
Старый Валух меня надул,
Жеребец меня, обманул,
Люди следом за мной идут,
Скоро шкуру с меня сдерут.
А уж коль от людей уйду,
Вовсе с голоду пропаду.

Бежит Волк из последних сил, вот-вот задохнётся. А следом, в низко надвинутом на лоб тюбетее, подпоясанный кушаком, скачет на пегом скакуне табунщик Тургумбай. Летит он, словно ветер, подобрав полы чапана и крепко сжимая в руке поводья. Через седло перекинут тяжёлый кол, в глазах решимость и отвага. «Надо отрезать серому разбойнику путь в горы»,-думает Тургумбай, то и дело стегая коня плетью.

Скачет следом и табунщик Шукуралы в чёрном кементае, в светлом, лохматом тюбетее. Седло под ним деревянное, рубленое, поверх него мягкая подстилка – кёрпёчё – переброшена, стремена тоже из дерева, полы кементая подоткнуты. Ноги, затянутые в кожаные шаровары и обутые в стоптанные сапоги, крепко сжимают потные бока гнедого жеребца.

Скачут следом, сидя на одной лошади, двое молодых мужчин, торопятся, дружно взмахивают плетьми. Мчатся всадники плотной группой, будто на козлодрании, улюлюкают.

А Волк всё бежит и бежит, боясь оглянуться назад, и стоном рвутся из его глотки жалобные слова:

Был я голоден, болен был,
Брёл в горах из последних сил, Повстречалась мне, Куропатка
–Пожалел её, отпустил.
А потом Индейку найти Посчастливилось мне в пути,
Но она на гнезде сидела,
И пришлось её отпустить.
Так в дороге я изнемог,
Так намаялся и продрог,
Что Козу на скале высокой,
Как ни бился, настичь не смог.
Валух тоже просился в пасть,
Мог я мяса откушать всласть,
Но закралась мне в сердце жалость –
Видно, впрямь суждено пропасть.
И хитрец-жеребец меня
Обманул на исходе дня.
Как последний глупец и олух,

Я словам его льстивым внял.
Надо было хитрее быть,
Надо было позлее быть,
И тогда бы никто в ловушку
Не сумел меня заманить.
А, теперь я бегу, как вор,
Чтоб укрыться средь диких гор.
И несутся за мною следом
Злые кони во весь опор.
Мчат, расправою мне грозя,
Тургумбай и его друзья.
И нельзя мне остановиться,
Оглянуться назад нельзя.
Не до жиру сегодня мне,
Быть бы живу сегодня мне,
Тургумбаевскою поживой
Не завыть бы сегодня мне.
Где же взять мне былую прыть,
Чтобы всадников обхитрить,
Чтоб уйти от погони быстрой,
Шкуру в целости сохранить?

Бежит Волк, спасается от погони, а погоня ему уже в спину дышит. Скачут, преследуют серого разбойника табунщик Тургумбай и его друзья. На Волка глядеть жалко, силы совсем покинули его, пасть широко раскрылась, язык, наружу вывалился...

Забежал Волк в овраг, а там Лисица на солнышке греется. Увидала она Волка и спрашивает:

- От кого это ты, дружок, так бежишь? Вижу, совсем из сил выбился.
- Ох, подружка беда мне! – говорит Волк. – Смерть на хвосте висит. Выручай!.. Засуетилась Лисица, страшно ей стало, но виду не показывает.
- Спрячься-ка ты здесь, в овраге, – говорит она Волку, – я отвлеку погоню на себя. Выскочила Лисица из оврага, поняла, хитрая, что здесь оставаться опасно. Заметил её Тургумбай, принял за Волка, и стал преследовать. А табунщик Шукуралы спустился в овраг, настиг Волка и ударил его длинной палкой с петлёй на конце – укуруком – по голове. Тургумбай же, увидев, как на его глазах Волк превратился в Лисицу, так перепугался, что свалился с лошади. А когда, придя в себя, спустился в овраг и увидел мёртвого Волка, то испугался пуще прежнего. Тем временем Шукуралы ловко содрал с Волка шкуру, и они поехали к своим табунам.

На следующий день проезжал по тем местам охотник Намазбай. Видит Лисица глодает волчьи кости. Погнался он за нею да не догнал. Тогда Намазбай поставил в том месте, где валялись волчьи кости, капканы и уехал в аил. Наутро вернулся Намазбай, а Лисица уже в капкане. Не пошла ей впрок лисья хитрость. Пришлось и ей расстаться со своей шкурой.

Теперь в тех местах тихо и спокойно. Табуны и отары привольно пасутся на тучных пастбищах, индейки и куропатки пестуют птенцов, далеко окрест разносятся звонкие птичьи трели.

ДЕТСТВО МОЕ

Пока в человеческом теле есть душа – человек все может перетерпеть... Мне было тогда шесть лет. Жили мы бедно. Мы, дети, были всегда полуголодными, полураздетыми. Нет, пожалуй, даже не полураздетыми, а почти голыми. Ни у моего старшего брата, ни у меня, ни у младшего брата не было ничего, кроме лохмотьев.

Летом мое тело обжигало солнце, а зимой я грелся у очага. Никто никогда не видел на мне рубахи или тулупа, или тебетея. Сквозь лохмотья всегда виднелось голое тело. Поэтому люди забыли мое настоящее имя и прозвали «голым сыном мастера Акы».

Как-то в один из жарких летних дней отец сидел перед нашей землянкой и чистил ружье. По всему было видно, что он собирается на охоту.

К нему подошла мать и спросила:

- Уста, куда ты собрался?

Не поднимая головы, отец ответил:

Говорят, на Чаткарагае появились два оленя. Схожу туда. Может, мне повезет, и у нас будет оленье мясо.

- Отец, можно и я пойду с тобой,– попросился я робко.
- О-о, карапуз, что тебе там делать! Только помешаешь мне. Рано тебе ходить на охоту. Подрасти еще немного,– сказал отец.

Я понял, что он не возьмет меня с собой, как бы я его ни упрашивал. И тогда я решил пойти в сторону Чаткарагая раньше отца, спрятаться на его пути и напугать его. Не сказав никому ни слова, я отправился в путь. Ушел я довольно далеко от дома, добрался до Ташкия. Здесь выбрал себе место, где можно было спрятаться. Я залег под согнувшимся от ветра кустом таволожника.

Мне пришлось долго ждать отца. Наконец он появился. Я замер в ожидании, когда он приблизится ко мне, словно хищник, подстерегающий добычу. Когда отец поравнялся со мной, я с криком «Бау-у!» выскочил из-под куста прямо ему навстречу. В руках у отца была сломанная ветка. Он в испуге взмахнул ею, но меня не задел.

- У-ух,– облегченно вздохнул отец, узнав меня,– Чуть сердце в глотке не застряло. Откуда ты здесь взялся, чертенок?

А я довольный, что все произошло так, как я задумал, начал весело рассказывать.

- Когда ты сказал, что не возьмешь меня с собой... Но отец строго прервал:
- Иди домой, иди.
- Не пойду,– заявил я.
- Почему?
- Я боюсь.
- Чего ты боишься?
- Идти назад.
- А как ты сумел сюда добраться?
- Я знал, что ты идешь следом. Не гони меня, атаке?! Отец покачал сокрушенно головой, но потом сказал:
- Ладно, пошли, раз ты так хочешь.

Я весело побежал впереди него. Вскоре мы дошли до Чаткарагая. Отец остановился и сказал мне:

- У тебя глаза видят лучше моих. Хорошенько осмотрись вокруг. Тейтек говорил, что здесь появилась пара оленей.

Спрятавшись в густых зарослях арчевника, мы стали внимательно рассматривать местность. И вдруг на окраине темного ельника я увидел двух пасущихся, как мне показалось тогда, коней.

- Атаке,– шепотом позвал я отца.– Вон там пасутся две лошади.

- Где, сынок?

- Во-он, видишь, недалеко от густого ельника. Вон около тех двух елочек. Отец увидел.

- Да это же, наверно, олени,– сказал он.– Сынок, сиди здесь и не двигайся. А я выйду с другой стороны, из кустов жимолости. Ты следи за оленями. Если они вздумают убегать, маши в ту сторону, куда они побегут, тебетеем,– отец сунул мне в руки свой тебетей и исчез среди кустарников и деревьев.

Прошло несколько минут. Олени мирно паслись. Но вот неожиданно они сорвались с места и огромными прыжками полетели в мою сторону. Олени неслись прямо на меня. Я испуганно сжался. Мне хотелось закричать от страха, но, вспомнив наказ отца, я лишь беззвучно заплакал и пополз в арчевник. Примерно в метрах двух от меня они вдруг замерли, насторожили уши и понеслись прочь.

Но тут раздался выстрел. И только теперь, услышав выстрел, я закричал в ужасе:

- Ата, ата, они хотели растерзать меня.

Я был так напуган, что боялся вылезти из своего убежища. Я ждал, когда придет отец.

Отец нашел меня уже в сумерках, рассказал, что одного оленя он убил. Забрать всю тушу оленя сразу мы не могли. Отец отрезал задние ноги, и мы отправились домой.

На следующий день сходили за остатками туши, и разделили ее между восемью такими же бедными семьями, которые жили рядом с нами.

Отец пытался делать все, чтобы поскорее выбиться из нужды: он охотился, продолжал мастерить каркасы юрт, купил корову с телком.

Мы, дети, тоже помогали родителям. Как ни хотелось мне порой побегать и поиграть, а нужно было теленка пасти. Я помню, как однажды я его упустил, и он высосал у коровы все молоко. Узнав об этом, мать начала бить меня. Ударив ручным веретеном, она рассекла мне надбровье. Я вырвался из ее рук и побежал к отцу, который ушел на джайлоо нарезать пригодные для каркаса юрты ветви. Я не чувствовал, что кровь из разбитого надбровья течет мне на лицо. Дорога была дальняя. Я не прошел еще и половины пути, как наступила темнота. Идти было страшно. Кроме того, я сильно устал. Я нашел углубление под большим камнем, нарвал лопухов, постелил и лег, свернувшись комочком.

Когда я открыл глаза, солнце было уже довольно высоко. Все живое давно уже пробудилось: трещали плясуны, ворковали горлинки, стрекотали сороки.

Чтобы скорее добраться до отца и не заблудиться, я пошел вдоль быстрой горной речки.

На тропинке, что вилась неподалеку, показался человек, сидевший верхом на быке. На голове его красовались остатки тебетея из красноватой мерлушки, на плечах висел серый дерюжный чепкен, подпоясанный сыромятным ремнем.

Когда он подъехал ближе, я решил спросить его, знает ли он, где мой отец, и поэтому окликнул:

- О, аке!

Он повернулся в мою сторону. Лицо его стало испуганным. Он вдруг повернул быка назад и, отчаянно колотя его камчой по голове, поехал в противоположную от меня сторону. Его страх передался мне, я подумал, что он увидел позади меня что-то ужасное. Я бросился за ним вслед с криком:

- О, аке, постой, аке, постой же!

Когда я приблизился к нему, он соскочил с быка и побежал от меня, как от шайтана. Вскочив на большой камень, он весь дрожа, спросил:

- Да кто ты? Кто?

А у меня у самого сердце готово было выскочить из груди.

- Аке, что с вами? Я сын Акы-уста!

Он перестал дрожать, недоверчиво посмотрел на меня и наконец сказал:

- Ах ты, стервец! Ты ведь на самого дьявола похож...

Потом он обругал меня, как только умел. Оказывается, кровь из рассеченного надбровья залила мне все лицо, запеклась на нем, и я, почти голый, весь в крови, действительно походил на какое-то чудовище. И когда я выскочил из камней в пустынной местности, меня трудно было не испугаться.

- Вы не знаете, где мой отец? – спросил я путника.

- Знаю,– ответил он.

- Покажите мне. А то я боюсь, что не найду его. – Ладно. Садись на быка.

Он усадил меня позади себя. Дорога поднималась в гору. Бык пошел на подъем, а я начал сползать. Чтобы удержаться, я схватился за основание хвоста быка. Но бык взбрыкнул, и мы оба слетели с него.

Асан, так звали мужчину, разозлился не на шутку.

- А, чтоб тебя!.. Иди пешком! – велел он.

Я поплелся по дороге вслед за едущим впереди Асаном.

Я прошел довольно большое расстояние. Показав мне на островок густого ельника, Асан сказал:

- Отец твой вон там, около ельника.

Я побежал туда, куда указал мне Асан. – Но отца там не было. Здесь лежали его инструменты и одежда, а на толстом суку висел большой чанач с айраном. Я хотел снять с дерева чанач, но не достал. Тогда я схватил отцовский байтеще и ударил им по горловине чанача. Айран густой струей хлынул из дыры. Я упал ничком на землю и начал жадно пить айран. А потом уставший, но сытый, я завернулся в тулуп отца и моментально заснул.

Разбудил меня сердитый возглас отца:

- Черт бы побрал того, кто это сделал! Видно, опять Асан.... Я высунул голову из-под шубы и сказал:

- Атаке, это я сделал.

Отец несколько минут смотрел на меня, не узнавая. Потом прижал к груди и неожиданно заплакал.

- Ты что здесь делаешь? – торопливо спросил он.– Откуда? Почему в крови? А я, уткнув лицо ему в грудь, рассказывал:

- Мать ударила веретеном... А я вырвался и к тебе убежал.

***

...Богатый и знатный манап Торогельды сказал как-то отцу:

– Уста, переезжай-ка ко мне в аил. Сделай две юрты для моих жен... Если у тебя нет юрты, то я прикажу моим женам дать тебе за работу кошмы для юрты. А остальное ты сделаешь сам, ты мастер.

Акы сделал для жен Торогельды два каркаса юрт. За это ему дали пять больших кошм. Акы-уста, ютившийся до этого в землянках и маленьких глинобитных лачугах, постро-

ил каркас и накрыл его этими кошмами. Теперь у него была собственная добротная юрта. Вскоре Торогельды попросил Акы сделать ему еще одну юрту – для его сына. За это манап дал Акы-уста коня.

Так мы и приютились в аиле Торогельды. Отец много работал. Постепенно улучшались дела нашей семьи. Вскоре у нас был конь для езды, корова, юрта для жилья, несколько овец.

Я рос крепким и бойким мальчишкой. Теперь я уже был приодет: ходил в штанах из выделанной кожи, в старом малахае и поршнях из старого чанача.

Мой старший брат, Орокбай, постоянно ухаживал за овцами. Он их пас, помогал доить. А меня, хоть убей, не заставишь возиться со скотом. У меня были свои дела и заботы. Я месил глину, лепил дома, рыл арыки, из разбитых черепков мастерил мельницы-водоливы. Аильчане, часто видевшие меня за делами, пророчили: «Этот сын мастера Акы весь в него, будет таким же уста, как отец».

Когда подходило время дойки овец, я прятался в бурьяне, что рос у загона, и оттуда следил за всем, что происходило. Как только заканчивалась дойка, и овец выгоняли на пастбище, я появлялся в юрте или с кизяком, или с охапкой курая в руках, и наблюдал за настроением матери. Если она была добра и весела, я смело заходил в юрту и лакомился там пенным наваром топленого молока и вкуснейшими поскребышками. Но если взгляд матери был мрачным, то я старался поскорей унести ноги. Вечные заботы и нужда рано состарили мать. Когда-то добрая и веселая, она теперь часто бывала сварливой и даже злой. Могла осыпать человека ужасными проклятиями, вроде: «Чтобы камнем застыла твоя мечта, чтобы живот твой высох от голода, чтобы ты стал, как лущеное просо, как очищенный лук, чтобы душа твоя была такой пустой, будто змея там проползла, чтобы ты был голым, будто лошади вытоптали, будь одинокой могилой!»

Однажды в полдень, когда надо было ловить и привязывать ягнят, я убежал из юрты и, спрятавшись среди камней, как обычно наблюдал за дойкой овец. Наконец овец подоили и погнали на пастбище. Скоро из тюндука потянулся к небу сизый дымок. Я подошел к юрте, прислушался и заглянул внутрь. Мать сидела у очага, смотрела на молоко, которое закипало в казане. Мать подняла голову и вдруг ласково заговорила:

– Где ты был, сыночек? Ах, ты мой миленький. Молочка, наверно, хочешь? Иди ко мне...

Я шагнул ей навстречу. Она тут же схватила меня за ухо и отхлестала по щекам. Решив, что этого недостаточно, она схватила палочку, которой взбивают шерсть, и отстегала меня ею по спине. Ох, и визжал же я тогда, когда она меня била!..

КАК РОЖДАЮТСЯ ПЕСНИ

С восьми лет я уже участвовал в скачках на скакуне манапа Торогельды. Скакун у меня был быстроногий и никогда никому не уступал приза. После скачек на тоях ырчи восхваляли и прославляли быстроногого призера, а я слушал и запоминал их песни.

Однажды у Торогельды был большой той. Мой скакун Керооз оставил далеко позади всех знаменитых скакунов, состязавшихся с ними. На той были приглашены певцы Эшмамбет и Джаныбай.

Акын Эшмамбет, высокий, пышнобородый мужчина, полное лицо его выражало самодовольство и покой. В песенных состязаниях он часто стремился унизить молодых певцов.

Джаныбай был худощав, ладно скроен телом, вежлив в обращении, никогда не оскорблял певцов, а наоборот, старался поддержать их. Он исполнял не только свои песни, но и эпосы «Манас» и «Семетей».

После скачек они начали восхвалять скакунов и их хозяев. Я с восхищением слушал их импровизации.

Как-то я остался в конюшне один. Я кормил своего скакуна и вдруг самозабвенно начал петь то, что услышал от акынов. Я не видел, что мимо конюшни проезжал сам Торогельды и случайно услышал мое пение.

- Калык, иди за мной! – услышал я его приказ.
- Куда идти?
- Ко мне в юрту...

«Что стряслось? – испугался я не на шутку. Никогда еще не звал меня манап в свою юрту...»

Мы подошли к юрте Торогельды. У входа я остановился.

- Заходи,– приказал Торогельды.

Я вошел. Юрта была полна гостей.

- А ну-ка спой, как Эшмамбет и Джаныбай воспевали нашего Керооза,– велел Торогельды. Все смотрели на меня с любопытством. Я смутился и сказал:
- Я не умею.
- Подойди поближе,– властно проговорил манап.

Я подошел. Торогельды влепил мне тяжелую оплеуху.

- Будешь петь?! Я взмолился:
- О, милый аке, я буду петь. Сейчас начну,– я быстро опустился на корточки.

Гости Торогельды смеялись до слез. А я же заплакал от стыда и обиды. Торогельды посмотрел на меня и пригрозил:

- Пой без слез! Если будешь плакать, велю перерезать тебе глотку.

Человек поет тогда, когда этого просит его душа, а не по приказу. У меня сжалось сердце в груди, несколько минут я не мог вспомнить ни одного слова. Торогельды взял нож:

- Будешь петь или умрешь? Дрожа от страха я начал петь.

Джаныбай:

Э-эй, славный конь у тебя, Аджитоко,
А взрастил его брат Мама.

Эшмамбет:

Э-эй, на этом коне стрелою
Мчится наследник Акы-уста..

Джаныбай:

Я-то знаю цену коню,
Знаю, равных нет в скачках ему.

Эшмамбет:

Если сведущ твой саяпкер –
Пусть найдет он изъян у коня.

Джаныбай:

Конь твой с хрустом ячмень жует –
По-архарьи глаза горят.

Эшмамбет:
Нету равных коню в округе:
Молод, крепок и мышцы упруги.
Джаныбай:
Видно с толком готовил коня
Для скачек родичам наш Мама!
Эшмамбет:
Конь твой с хрустом пшеницу жует –
По-оленьи глаза горят...
Джаныбай:
Будто дужка капкана его спина,
Будто сам кайберен поселился в нем.
Эшмамбет:
Он и скачет, как Аккула.
Бьет копытом, как Аккула.
Джаныбай:
Он объезжен, как Тайбуурул.
Стерегут его, как Саралу.
Эшмамбет:
Чтобы пылу твой конь не растратил всего,
Ты от малой байги береги-ка его.
Джаныбай:
Керооз – твоя сила, Токо.
Керооз – твоя слава, Токо.
Эшмамбет: :
Слух прошел, что богатый приз
Победителя скачек ждет...
Джаныбай:
Если дашь мне в награду коня,
Буду песнями славить тебя.
Эшмамбет:
Дай, Токо, мне в награду коня,
Для него уж готово седло у меня...

Дрожащим от обиды и страха голосом, я спел запомнившиеся мне куплеты известных акынов. Когда я кончил петь, Торогельды засмеялся.

- Это твое первое испытание. Если ты перестанешь быть такой размазней, из тебя выйдет толк. Со временем я сделаю из тебя акына не хуже Эшмамбета! Я уже сейчас вижу, из тебя будет толк,– сказал он, похлопав меня по плечу. – А теперь отправляйся к коням, следи за тем, чтобы они были сыты.

Я работал у Торогельды на скотном дворе и в конюшне, помогал его работникам ухаживать за лошадьми, коровами, выполнял любую мелкую работу. В общем, жил у манапа на положении дармового малая. Спал вместе со скотом на скотном дворе.

К Торогельды очень часто приезжали певцы, комузисты, сказители. Их приезд становился для меня праздником. Я старался запомнить каждое слово. Это мне удавалось, и потом я повторял аильчанам песни и сказки комузистов и сказителей.

На поминках и пирах, происходивших в нашем аиле, появлялся часто один и тот же дервиш. За седлом у него всегда была приторочена переметная сума, на голове была повязана грязная чалма, на шее висели четки. Как-то раз, громко напевая традиционное дервишское заклинание, в котором часто упоминалось имя бога, он въехал в наш аил.

- Эй, Калык, иди сюда,– позвал меня Торогельды. – Целый день сегодня не отходи от дервиша, а завтра повторишь мне все, что он будет говорить. Если не сумеешь пересказать, велю гвоздями прибить тебя к дереву.

Хочешь – не хочешь, а раз велено – надо выполнять. Весь этот день до ночи я ходил за дервишем из аила в аил, старался не только запомнить все, что он говорил, но и перенять все его движения и повадки.

На другой день, ранним утром, совершив утренний намаз, Торогельды приказал мне прийти к нему.

Когда я пришел, он спросил:

- Ну как, выполнил то, что я тебе велел? Я кивнул головой и сказал:

-Да.

- Тогда исполни наставления дервиша, послушаю их после намаза.

Я, чтобы только не разгневать хозяина, начал петь нравоучения дервиша.

Дубана подходит к порогу, олдо ой,
Пусть беда забудет дорогу, олдо ой,
Пусть дитя, народившись, не плачет, олдо ой,
Пусть беда, не насытясь, ускачет, олдо ой.

Не пришлось мне спать под овчиной, олдо ой,
Я родился лихою годиной, олдо ой,
Почему я не умер младенцем, олдо ой,
Не попал в настоящий рай, олдо ой!

Я кончил петь. Но, вижу, Торогельды остался недоволен.

- Разве дубана не должен петь здравицу? Где же твое благословение? Дервиши всегда щедры на добрые пожелания.

Я ждал этого вопроса и потому встретил его, как говорится, во всеоружии:

Пусть горы хранят тебя, Торогельды,
Пусть будет худо врагам твоим, Торогельды.
Пусть будет здоровой печень твоя,
Пусть пастбища будут полны скота,-

начал я, стараясь ублажить Торогельды, лихорадочно отыскивая нужный мне слог.-

Пусть время силы тебе дает,
Пусть дервиш славу тебе поет,
Пусть скрутит врагов недуг
И будет верным тебе твой Друг.
Пусть будет бог доволен тобой,
Пусть будут дети довольны тобой.
Пусть беды тебя обойдут стороной,
Пусть жизнь твоя будет, как свадебный той.
Пусть змеи не жалят тебя никогда,

Пусть пчелы не жалят тебя никуда.
Да сохранит тебя аллах, Торогельды!
А-аминь, аллау акбар! Аллау акбар!

Последние мои слова заглушил дружный хохот.

- Замечательное у тебя благословение, – сквозь смех выдавил Торогельды.

Мне было в то время только девять лет. Я не понимал тогда, что Торогельды заставлял меня петь для того, чтобы повеселить себя и своих гостей. Я пел забавные песни, а они хохотали. Но Торогельды редко ограничивался этим. На потеху гостям и себе он устраивал и другие забавы.

- Мой Калык умеет не только петь. Он еще и мастер на всякие хитрости. Например, хлеб, боорсоки и мясо он не жует, как другие, а глотает кусками, – хохоча заявлял Торогельды и, подавая мне боорсок, говорил:

- А ну-ка, проглоти вот этот боорсок.

- Страх перед манапом заставлял меня брать этот кусочек и класть в рот. Жесткий комочек жареного в масле теста застревал в горле, я давился, кашлял, из глаз текли слезы. Зато гостей Торогельды это очень веселило. Они прямо покатывались от смеха.

- Ты почему не глотаешь? – начинал кричать Торогельды, давая мне затрещину, и боорсок, наконец, проскальзывал.

- Вот – какой у меня Калык! – продолжал хвалиться хозяин. – А вот чай он, наоборот, не глотает, а жует. Смотрите, сейчас, он разжует и съест вот эту пиалу чая.

Торогельды протягивал мне пиалу.

И опять, боясь ослушаться хозяина, я набирал в рот жидкость и начинал жевать ее, но она выливалась изо рта, текла на шею и грудь.

...До одиннадцати лет я жил у манапа. Работал на него, как мог, принимал участие в скачках на его скакунах. Но когда я подрос, манап отдал меня своему сыну Караталу.

У Каратала я должен был следить за конями гостей, давать им корм, привязывать в зимнее время скот, убирать навоз. Одним словом делать все, что ни прикажут.

Я больше не участвовал в скачках. Но продолжал учиться у певцов и сказителей. К заученным песням я часто добавлял что-то свое, получалась импровизация. Аильчане узнали об этом. Меня начали приглашать туда, где устраивали джоро или выдавали невесту. Я радовался этим приглашениям. Ведь они означали, что мои песни нужны не только мне. За пение мне дарили подарки: платочек или колечко, а то полтинник или рубль.

Моя тяга к пению с каждым днем росла. Я с жадностью слушал и запоминал песни и сказки, интересные истории и просто побасенки; которые слышал от заезжих певцов и сказителей или от аильчан. Устное творчество моего народа положило начало моим песням.

ÑËÎÂÎ ÎÁ ÀÂÒÎÐÅ

***

Песни и исполнение на комузе Акиева К. будут вечно жить в памяти людской. Мы гордимся наследием акына, оставленным нам... Неоценим вклад, внесенный выдающимся акыном в сокровищницу киргизского искусства и литературы.

Т. Уметалиев

***

Калык Акиев усвоил не только яркий стиль, чувственную манеру исполнения великого акына Токтогула, но и обогатил их и передал позднее новым поколениям киргизских акынов... Значительную часть поэтического и музыкального творчества Токтогула Калык сделал достоянием современности.

Ш. Бейшеналиев

***

Без Токтогула нет Калыка, без Калыка нет Токтогула...

А. Токомбаев

КАСЫМ ТЫНЫСТАНОВ

Той, с кем разлучен

На сорок верблюдов шелка
Навьючит, доволен собой,
Гордец – кивнет свысока
Куньей шапкой и головой,
Чтоб под ним иноходец плыл,
Как струною, сбруей звеня...
Это – я. Как я счастлив был! –
Я ленился сойти с коня!
Ты весною на склоне дня
Кумысом угощала меня,
Подавала мне пиалу,
Голос твой был как звон ручья!
Светит мне веселость твоя
До сих пор, словно весть во мглу…

Так к закату горы грустят
О последнем солнце луче...
Как сиял твой радостный взгляд
Под луной у гор на плече,
Как красив, широк был размах
Качелей, несущих нас! –
Куковала кукушка в горах,
Соловей свою трель рассыпал,
Перепелок серебряный плач,
На склоны зовущих нас,

Как лунный свет, окружал
Наш мир: где ты и где я? –
Мы были въяве вдвоем,
Щедрости не тая...

Клялись мы: вместе умрем! –
Клялись мы: будем вдвоем! –
Мне светит веселость твоя,
Когда счастье почти вдали.
Слабый луч надежды во мне –
Только горы в закатном огне:
Наши юные – ушли...

Где же вешние соловьи,
Что рассвет встречали тогда,
Где кукушки, призывы чьи
Столько лет обещали тогда,
Где тех жаворонков хоровод,
С кем, казалось, весна не умрет? –
Тысячегласый хор,
Вторивший нашей весне,
Вижу, словно во сне
С давних пор...
Разве знали мы, влюблены,
Переполнены до краев
Ликованьем весенней луны,
Что не будет вечной весны?

Неужели жизни итог
В том, чтоб любящих разлучить?
Как смириться с этим порой,
Как же дальше в разлуке жить?
Сколько б счастья ни суждено
Впереди – нельзя позабыть
Лунный свет, рассветную трель,
Как нельзя опять полюбить.
Не забуду тебя, мечту,
Чем бы жизнь ни манила вновь.
Только где ж я тебя найду,
Моя юность, моя любовь?

За тобою в ад я пойду,
Выси горные перейду,
По судьбы дрожащему льду –
На радость ли, на беду,
Пусть даже я упаду

Под выстрелами врагов –
Только где ж я тебя найду,
Моя юность, моя любовь?..
Наше счастье меня зовет
Испытания победить,
Если нас разделяет ночь –
Буду солнце ждать и любить.
Темен каждый в душе уголок,
Когда человек одинок!

Разлука

Этой весной лунная ночь коротка,
Слышен в ночи бег по камням родника,
Светит луна – словно письмо сядь и пиши.
Жмется к земле тонкая ветвь ивняка.

Озеро, даль, поле и склон – круг земной
Озарены ясной и полной луной,
Черная мгла в черной царит высоте,
Весь в серебре конь под луной – вороной.
Та, чье житье – только мгновенья игра,
Только любви неощутимой пора,
Погружена в долгий серебряный сон –
Бабочка спит в лоне цветка до утра.
Лишь ветерок шепчет в ночи: отдохни! –
Сколько их было – все позади эти дни.
Словно корабль спит на озерной груди,
Дремлет аил – окна погасли в тени.

Ждал эту ночь с горькой тревогой джигит.
Вот он сюда, к месту свиданья спешит,
Зорко глядит по сторонам: никого.
У самого сердце тоскливо щемит.

Им не увидеться теперь никогда,
Им суждены разные дни и года,
Долго они тайну хранили свою –
Юный джигит и та, что так молода!..

Утром расстаться им, двоим, суждено,
Сердце у них на двоих лишь одно! –
Как разделить, если она улетит? –
Птица летит, если раскрыто окно.

Где же она, что ж так рокочет родник?
Время ползет, время летит – не для них,
Вышла она – белое платье на ней,
Что им сулит краткий прощания миг?

Словно на зло, ярче и ярче луна,
Взявшихся за руки, их освещает она,
В доме ее в окнах огонь, голоса,
Что же она так торопливо нежна?

Тихо «Прощай!» шепчет она, как в бреду.
Он лишь одно: «Всюду тебя я найду!»
«В доме не спят, ищут меня, мне пора!»
И не успел поцеловать на беду...

Вот у дверей тонкий мелькнул силуэт,
Сыплет луна с неба ненужный свой свет,
Как горячи слезы их глаз – отчего?
Стужа в душе, что ж я прощаньем согрет?

Что за закон в жизни жестокой царит –
Всякой любви вечно разлука грозит,
Не объяснит смутную злобу судьбы,
Разве что лишь время печаль усмирит...

Зима

Пришла со стужей стылой
Зима – старуха злая.
Кровь замирает в жилах,
И сила убывает.

«Прощай!» – цветы сказали,
Увяли и пропали.
И птицы улетели,
Те, что весной нам пели.

И покрывалом белым
Гора и лес накрылись,
Река оледенела
И рыбы вглубь забились.

На ветках снег не тронут.
Под снегом гнется ветка,
Скрипит, трещит и стонет,
Ломается нередко.

Медведь же косолапый,
Насытившись за лето,
Сосет всю зиму лапу
И спит в берлоге где-то.

Скоту в аил под гору
Пришлось зимой спуститься.
Волкам и вору впору
Добычей поживиться.

Когда зима отступит?
Когда цветы проснутся?
Когда весна наступит,
И птицы к нам вернутся?

Перу

Без судьбы и тонкой ветки не сломив,
Человек с судьбой сверяет свой порыв,
Человек судьбой смиряет все мечтанья.
Кровь моя – в тебе, перо, пока я жив.

Как судьбою предрешенный путь менять? –
Ты лишь можешь боль в груди моей унять.
Коль на лист судьбы, на чистую страницу
Суждено тебе всегда слезу ронять.

Что любить, что радоваться, что грустить –
Сможет всяк лишь как судьба велела, жить.
Но твое предназначенье – лист бумаги,
Чтоб на белом жемчуг слова обронить.

Бедное! – ах, что там ждет тебя в пути...
Не рассчитывай на жалость, всем прости,
Разгуляйся на листе просторе белом,
Лей же кровь своих чернил – и не грусти,

Гробница Манаса

С гор Ала-Тоо, силу набирая,
В пути преграды преодолевая,
Как зеркало прозрачное, сверкая,
По направленью к Чу течет Талас.
Гробница там стоит на склоне горном
И зрящего смущает думой скорбной.

Давным-давно в печали всенародной
В гробнице погребен герой Манас.
Кто выстроил гробницу всем на диво?
Что сотни лет назад происходило?
Кем был Манас? Об этом здесь правдиво
Гласили письмена. Но вражеская сила
Те надписи со стен гробницы сбила
И утвердила собственный порядок.
И мы теперь не знаем, что здесь было,
Поскольку письмена пришли в упадок.

Но и поныне высится гробница.
Издалека к ней едут подивиться.
Она влечет всех тех неотразимо,
Кто почитает долгом поклониться
В гробнице погребенному герою.
Рассветный и вечерний горный ветер
Таинственно с ней шепчется порою
О новом поколении на свете.
Вершины кряжей свод небес венчает,
И Ала-Тоо, возвышаясь гордо,
Манаса, как героя из героев,
Сравнив с луной и солнцем, величает.
А стерегут гробницу под горою
Утесы, скалы, ели вековые.
Родник, журча, с Манасом начинает
Свои беседы про дела былые.

И след былого в сердце отдается,
Болезненно людское сердце бьется.
Сказитель обращается к Манасу,
В напеве под комуз о нем поется
В торжественно печальных мерных звуках
О подвиге, о силе и о муках.
Душа горит огнем, и кровь играет,
И молодость Манаса поминает.

С гор Ала-Тоо, силу набирая,
В пути преграды преодолевая,
Как зеркало прозрачное, сверкая,
По направленью к Чу течет Талас.
Гробница там стоит на склоне горном
И зрящего смущает думой скорбной.
Давным-давно в печали всенародной
В гробнице погребен герой Манас.

Спроси-ка, друг мой, спроси!

Сорока летит, стрекочет,
Где молодые – не знает,
Или сказать не хочет,
Или подачки желает,
А может быть знает до срока,
Проклятая эта сорока?
Что с ними могло случиться? –
Спроси-ка, мой друг, спроси-ка!
Летит сорока, кружится,
Сама сдурела от крика.
Трещит, не смолкая, сорока,
Скрывает что-то, пройдоха.

А ветер сказку слагает,
Колышут высокие травы,
Свистит, рыдает, играет,
Устраивает забавы.
Но в сказке его, однако,
О молодежи нет знака.
Такой вот чудесный ветер!
Спроси же, мой друг, спроси же,
Что у него на примете,
Что им, забавником, движет?
Не выдает о молодежи,
Сказку плетет похоже.

Медь бубенцов прозвучала-
Пришел караван усталый.
В пути ему предстояло
Узнать обо всем не мало,
И караванщики были
В далеких землях и ближе.
О чем они там говорили?
Спроси же, мой друг, спроси же!
Что караванщики знают,
О чем расскажут они нам? –
Не видели, – отвечают, –
Мы были в мире пустынном.

Зимою на перевале
Бредут вереницей люди.
Куда беглецов загнали?
Что с ними, бедными, будет?
Зимой высоту такую

Не каждый может осилить.
О чем беглецы толкуют?
Спроси же, мой друг, спроси их!
Быть может на перевале
Они молодых видали
Шли с ними, может быть, рядом,
Спросить у беженцев надо.

Где наши сверстники, друг мой?
Скажи не молчи, подумай.
Они в Урумчи попали?
Слух есть, что там их видали.
Доходят вести оттуда,
Что сверстникам нашим худо.
Скажи или ты скрываешь
К тебе дошедшие вести?
Не спрашивай, друг, узнаешь, –
И сердце замрет на месте.
Я вижу, и ты страдаешь,
Скажи, как есть, честь по чести.

Как темная ночь, их доля,
Там на чужбине рыдают,
Томятся они в неволе
Вернуться домой мечтают.
Возлюбленных разлучили,
В рабов юнцов обратили.
Проклятье! Сколько страданья
Выпало юным в изгнанье!
Не слушай, мой друг, не надо!
Их мучают там безбожно.
Чтоб описать муки ада,
Слов подыскать невозможно.

Услышишь, и страшно станет.
В лед сердце, как от мороза.
Вот так же от стужи вянет
Во цвете нежная роза.
От юных мы ждем рожденья
Грядущего поколенья,
Неужто они погибнут?
Конца страданья не видно.
Что слышно, примут ли власти
В судьбе несчастных участье?
Спроси, мой друг, не робея,
Спроси, мой друг, поскорее!

Джаныл Мырза

Поэма

Далек тот век...
На прошлое взгляни –
То были удивительные дни,
И коль старик под перебор комуза
Вспомянет их, то сердца не вини.
Подкрутит деревянные колки,
И вырвется струна из-под руки,
И слитно вспомнят голос и движенье
Печаль и боль забывшейся строки.
Струна звенит –
Словно река шумит,
Певец заплачет – сердце защемит,
Пусть это даже каменное сердце,
Его печаль немая истомит.
Те дни...
Кто смог тогда их оценить,
А оценив – сберечь и сохранить?
Увы, спохватываемся случайно,
Но ни вернуть не можем, ни забыть.
И если так, зачем лицом поник
И над комузом плачешь ты, старик,
Зачем трех струн безудержные слезы?
Истаял век и нам оставил – миг.
И коль не оценили годы те,
Как воспитаем юных в чистоте? –
Пусть прошлое сердца соединяет
В его невоплотившейся мечте.
Коль не умеем прошлое почтить,
Как сможем мы грядущему простить?
Струна комуза,
Ты – воспоминанье,
Нас всех соединяющая нить.
Нет уж тех дней и не с чем их сравнить,
Нет уж тех дней и их не возвратить,
И я – лишь путник, что вспугнул, как птицу,
Людскую память –
Чтобы вновь забыть...

1

Настанет осень, тьмой тесня живых,
Поблекнет зелень – и весь мир притих,

Дыханье стужи испугает землю.
Нет ничего длинней часов ночных,
И в эти ночи постигаешь ты,
Как он нелегок – груз твоей мечты.
Почудится комуз, и затрепещешь:
Мелодия – в безмолвье пустоты.

А музыка далекая – легка,
И донеслась она издалека,
Она тебе неспешно все расскажет,
Что было скрыто в смутные века.
И вздрогнешь ты – и прошлое опять
Придет к тебе, не даст спокойно спать,
И вспыхнувшая кровь набухнет в жилах.
И вновь захочет грудь твоя дышать.

И сон ушел, и мрак ночной угрюм,
И ты во власти невеселых дум,
Тревога обессиливает душу
И вновь ответа не находит ум.
И спят пространства, скованные льдом,
И луч рассвета не заглянет в дом.
А где же голос дальнего комуза?
И вновь ответа не находит ум.
И спят пространства, скованные льдом,
И луч рассвета не заглянет в дом.
А где же голос дальнего комуза,
Что звал меня и разлучил со сном?..

Я встал и вышел. В вышине луна
Туманом осени заслонена.
И грустный отсвет лунного тумана
Вокруг подчеркивает тишина.
Речные камни светятся в ночи,
Река – вся из серебряной парчи,
И волчий след, сплетаясь с лисьим следом,
Уходит в даль, где теплые ключи.

Я шел на звук комуза – грустный звук,
Не ведая, на север ли, на юг,
И оказался на базаре людном,
Где шел народ, теснясь за кругом круг.
Сидел старик с комузом в стороне,
Был худ, оборван. Словно в полусне,
Он пенью в такт покачивался тихо:
Узнал я песню, что приснилась мне.

Он нищим выглядел издалека,
Но не лежало перед ним платка
Для подаянья. Он лишь пел негромко –
И песнь была печальна и горька.
На торжище божились и клялись,
В моем сознанье день и ночь слились –
Кто я, где дом мой, как сюда попал я? –
Но песнь звала в неведомую высь.

Игры не прерывая, старец встал
И прочь побрел, и будто бы не звал
Меня – но силой властною влекомый,
Пошел за ним я и догнал.
Мы шли недолго – сразу, в стороне
Присели молча. Обратясь ко мне,
Старик спросил, хочу ли я услышать
Его рассказ. Кивнул я в тишине.
- Не лгу я песней. Средь людских забот
Мне не нужны богатства, юрты, скот,
Я людям ложь не выдаю за правду,
И кто не верит – пусть уходит тот.
В плену былого, я пою о том,
Что прежде было, в веке золотом,
А сколько было вправду золотого,
Кто знает? – это все в пережитом.

У прошлого в грядущем смысл двойной.
Кто шепчет: юность, миг цветущий мой!
Кто вспоминает прожитое счастье...
Но есть у прошлого и смысл иной.
Увы, воспоминанья вороша,
О чем болит, кровоточит душа? –
Две чаши на весах бегущей жизни,
Что взвесит память, горький суд верша?

Кто глух душою, тот не тратит сил.
Поведать обо всем не хватит сил,
Быть может, сам комуз расскажет лучше,
Коль мой рассказ покажется уныл.
Кто хочет знать, как век ушедший жил,
Как человек, судьбу нашедший, жил,
Пусть, жаждущий к источнику приникнет:
Запой комуз, напомни о Джаныл!..

Старик насвай достал из кушака
И пальцами коснулся струн слегка,

Как будто приласкал их.
Нежный рокот
Озерных волн пришел издалека,
Луна из туч рванулась на простор
Потоком золотым по склонам гор,
И пол его рукой по-человечьи
Вздохнул комуз
И начал разговор.

2

- Пока века неслышимые шли,
О, Ала-Тоо, кто в твоей дали
По вечным звездам вольно вел кочевья,
Чьи тропы по просторам пролегли?
Кто сплачивал примером свой народ? –
Земля цвела, приумножая скот,
И коль все жили в счастье и довольстве,
Что ж на вершины пал холодный лед?
Покуда ветер меж вершин гулял
И вольный люд легко его вдыхал,

Кто мудро и неспешно жизнь киргизов
Хранил от бед, берег и направлял?
И коль вы были, мудрецы, тогда,
Зачем же вы ушли, отцы, тогда? –
С уходом вашим снегом на вершинах
Застыла рек бессмертная вода.

Коль мудрых биев, зная, вспомним мы,
То среди них Тагая вспомним мы,
Он жил давно, но в памяти народа
Он жив и ныне, светоч среди тьмы.
Он мудрым был и мудрости учил,
Он добрым был – и мир его почтил.
Тюльку и Учуке – его потомки.
Сказав о них, мы вспомним о Джаныл.

О, кто – непозабытые – они?..
Как далеки промчавшиеся дни,
Как скоротечен бег их – бег куланов,
Мгновенью промелькнувшему сродни!
Что сказал тогда смеющийся смельчак?
Пыл состязанья, праздный гул атак,
Равнялся юный на батыров славных,
Героем жаждал стать и так и сяк.

Два кровных брата – Учуке с Тюльку –
Коней осаживали на скаку,
Смелы в бою и веселы с друзьями.
Чего б желать им на своем веку? –
В них молодость и сила разлита,
Но подступила зрелости черта.
Кому-то улыбается удача,
Но чья-то не сбывается мечта.

... Пришла весна, и кочевать пора,
Семья Тюльку готовится с утра,
Все собрано, навьючены верблюды,
Разносит ветер пепел от костра.
В отъезде муж, жене – всех торопить,
Чтобы в пути чего не позабыть,
Но с умыслом или захлопотавшись,
Свекровь в седло забыла подсадить.

Хранить обычай – старших уважать,
Им честь за их заслуги воздавать,
Родителям во всем повиноваться –
Есть в этом истинная благодать.
Родился сын – собой горда жена,
Но чтить тот род всегда она должна,
Куда была просватана и замуж,
Обычаю согласно, отдана...
С восходом люди тронулись к горам.

Подобна пестрой ленте, зрима нам
Неспешного кочевья вереница,
Вокруг разноголосье, смех и гам,
Идут гурты, отары, табуны
В плену пьянящих запахов весны,
Звенит ответно блеянью и ржанью
Посуда, что набита в курджуны.
Тюльку лишь к вечеру сумел догнать Кочевку.
И заголосила мать:
– Гони сноху и отбери ребенка,
Чтобы меня не смела оскорблять!
Не стал доискиваться всех причин
И проводил жену послушный сын,
Обычаю он грустно подчинился,
Хоть понимал – останется один.

Осиротел Тынай, сынок Тюльку,
Он к матери святому молоку

Теперь вовек привыкнуть не сумеет,
Не прикоснется мать к его виску.
А сам Тюльку стал хмурым, помрачнел.
Жениться вновь не стал – не захотел,
Перегорело молодое сердце.
И каждый, кто встречал его, – жалел.

Прошло два года. Новая весна
Пришла в наш мир надеждами полна,
И на ущелий молодую зелень
Упала солнца юного волна.
Ах, к осени осыплются цветы,
Ручьи иссякнут, выцветут мечты –
Узри, о человек, в картине этой
Бессмысленность всегдашней суеты.

Тюльку все так же мрачен и суров,
Порой не скажет за день и двух слов,
И взор его тяжел и равнодушен.
Тревожились в аиле: нездоров!
Что ж он так занедужил, затужил,
Неужто бобылем прожить решил?..
Но сам Тюльку вдруг понял с удивлением,
Что думает все время о Джаныл!

«Джаныл – вот бы на ком жениться мне,
Умчать ее однажды на коне,
Украсть жену, в обычаях киргизов,
И жить в любви в родимой стороне.
Но если не смогу ее украсть,
Уж лучше мне в бою бесславно пасть!
Неужто ханша юная Какшаала
Отвергнет страсть, предпочитая власть!..»

Созвал он приближенных. Сели так:
Здесь – Учуке, Атакозу, Чубак,
А на почетном месте – Предсказатель,
Мудрец, вперявший взор в предвечный мрак
(Его послал к Тюльку хан Шырдакбек),
И им Тюльку открылся: – Человек
Один не может жить, душа устанет
И сократится жизни краткий век.

– В твои тревоги сердцем погружен,
Вчера, Тюльку, я видел вещий сон, –
Откликнулся негромко Предсказатель, –

И вот скажу я, что поведал он:
Неколебима юная Джаныл,
Но некто есть, один на целом свете,
Кто б и такое сердце покорил.

Нет трусу выхода, коль дух в огне,
Для храбреца – нет выхода вдвойне,
И поклялись батыры кровной клятвой
Идти в набег к далекой стороне,
Где камни с гор несет седой Какшаал,
Где стойбища уйгуров среди скал,
Где юную владычицу Какшаала
Боготворили все – и стар, и мал.

Заточены мечи и стрелы их,
И в полдень, и в ночи – пределы их,
Доспехи медным солнцем обжигают
И не сдержать руке коней лихих.
Вот, четверо, они пустились в путь,
Что будет дальше – знал ли кто-нибудь,
Дошла ли весть о них к Какшаальским высям?
Звени, комуз, о прошлом не забудь!

... Кто ты, Джаныл? Твой лик во мгле седой
Доселе полон давнею бедой:
На свете не было судьбы печальней,
На свете девы не было такой.
Всех удалью беспечной веселя,
Джаныл прекрасна, как сама земля,
Где род ее от века вел кочевья,
Судьбу о лучшей жизни не моля.

Воительница! Трон ей ни к чему,
Жизнь женская – ни сердцу, ни уму,
Мужской характер, ум – остер и зорок,
Мырза – ее назвали потому.
Установленьям предков вопреки,
Она и одевалась по-мужски,
Ее друзья – лишь беркут да борзая,
Лук, стрел колчан и юные деньки.

За нею ехали издалека,
К Джаныл тянулась не одна рука,
Иные захватить ее пытались,
Но был готов отпор для чужака.
И тот, кто полонить ее хотел,

И тот. кто полюбить ее хотел.
Узнали слишком поздно: нет спасенья
От хищных, тонких, оперенных стрел.

Одной свободы жаждала она,
Блаженным одиночеством полна.
В стрельбе из лука не было ей равных!
Вот так-то – не ребенок, не жена –
Она жила в придуманном раю
И не желала жизнь менять свою
В те дни, когда решил Тюльку с друзьями
Невесту отыскать в чужом краю.

... В тот день Джаныл охотилась вдали,
Борзая впереди неслась в пыли,
Летели стрелы в пустоте простора,
Любую цель они настичь могли.
К ее аилу дерзостью полны,
Скакали смельчаки – хитры, сильны.
Вернувшись к вечеру, Джаныл узнала;
Пришли враги, угнали табуны.

Ночь свой покров взметнула над землей,
Но лук, с натянутою тетивой,
Джаныл из цепких рук не выпускала,
Когда гнала коня в простор ночной.
Борзая молча мчалась впереди,
Внезапно родилось в ее груди
Короткое тревожное рычанье.
Поводья брошены – конец пути.

Вот спешилась и, привязав коня,
Вгляделась в ночь, в багровый плеск огня,
Где у костра сидел Тюльку с друзьями,
Все – на ладони, как при свете дня.
Кипел казан. И в черной глубине
Оврага, в тальниках, на самом дне
Захваченный табун дремотно пасся.
Джаныл на все смотрела в тишине.

Их – четверо. Но взор остановив
Лишь на одном Тюльку, она призыв
Неведомого чувства ощутила,
И защемило сердце: он – красив!
Но тут тайган, учуяв кровь, завыл,
К огню метнулся.

– Это пес Джаныл! –
Вскричал Тюльку.
В ответ запели стрелы,
И каждый павший – навсегда застыл.

Любовь, ты – пламя адского костра,
Любовь – лиса, коварна и быстра,
Что опытного беркута обманет.
Любовь, ты – ветер, вспыхнувший с утра,
Он веет, властный, неостановим...
Любовь – мираж, волнующийся дым.
Одновременно близкий и далекий,
Твой свет недостижим, непостижим.

Лежат джигиты на ковре травы.
Земля, соскучась по людской крови,
Пьет жадно, как вампир, ее по капле:
Вот – молодые, сильные! – мертвы...
Джаныл очнулась.
Медленно сошла
По склону вниз – и молча замерла,
Над умирающим Тюльку склонилась
И прошептала, словно позвала:

– Мой милый, женщина я, признаюсь,
Я этой слабости своей боюсь,
Я женщина – но я вас победила,
Ты слышишь? – победила!
Что за грусть
Быть беззащитной на своем веку –
Скажи, об этом думал ты, Тюльку?
Вот как мы встретились...
Теперь – расстаться? –
И потянулась к острому клинку.

И отрешенно к камню подошла,
Клинок, заплакав, к горлу поднесла,
Почувствовала вдруг, что умирает,
В слезах затихла, словно умерла...
Ночь таяла.
Край неба посветлел.
Костер стал пеплом возле мертвых тел.
О смерти, о любви невоплощенной
Печально ветер утренний запел.

Но солнца луч, прорвавшись, заблистал,
И ветер вновь вздохнул и замолчал –
И вытер слезы на лице прекрасном.
И верный конь копытом застучал.
Умолкла скорбь. И вздрогнула Джаныл,
И поскакала молча в свой аил.
Лежат в овраге четверо джигитов,
Кто их воспел,
Кто их похоронил?..

3

Минувшее, ты – ветер: был – и стих.
Минувшее, ты – мгла глубин морских.
Ты словно праздник, за которым – будни.
Минувшее, кто твой предел постиг?
Минувшее, тень сказочного дня,
Что вспыхивал, иной судьбой маня.
Минувшее, непрожитое счастье,
Угасший отблеск вещего огня...

Печалясь о судьбе моей земли,
Печалюсь о героях, что ушли,
О древних песнях и о вольных людях
Печалюсь: след от них исчез вдали.
Печалюсь о забытых мудрецах,
Чей правый суд нам памятен в веках,
Печалюсь – ибо маревом забвенья
Наш застлан взор, и свет померк в глазах.

Где ты, непогребенная любовь?
Убитым небо – их последний кров,
Могильщики их грифы да вороны,
Что каркают: большая будет кровь!
Копья Тюльку безглавое древко
К седлу приторочив, Недалеко
Ходили соплеменники за вестью,
Стяг, символ скорби реет высоко.

А дни бегут, разматываясь в год,
И смерть Тюльку покоя не дает.
Пытались мстить, но скоро возвращались,
Терпя потери, угоняя скот.
В степях Таласа с кличем боевым
«Киргизы и казахи, отомстим!»,
Все чаще о судьбе Тюльку с друзьями
Роптал народ, и шли вожди за ним.

Но час настал, и зазвучало: месть! –
И всадников вокруг не перечесть,
И ханы, чье обличье – власть и мудрость,
Танке и Шырдакбек сегодня здесь.
Совет родов решил: да будет так,
Коль Учуке, Атакозу, Чубак
И сам Тюльку, погибнув на чужбине,
Не отмщены – пусть ждет расплаты враг.

Кто в силах удержать копье в руках,
Кто в силах робость одолеть и страх,
Кому Джаныл деянье ненавистно,
Кто родичей непогребенный прах
Забыть не может – все здесь, взметены,
Видением побед возбуждены,
Торопятся на битву, как на праздник,
Спеша на смерть, не зная зла войны.

Стреноженные кони на лугу,
Принюхиваясь, фыркают во мглу,
А молодые воины храбрятся:
Вот бы сейчас ударить по врагу!
Поодаль же, собравшись на холме,
Отцы родов беседуют во тьме,
Чураются они братоубийства:
Как быть? – у всех лишь это на уме.

Хмур и печален Предсказатель был,
Иного средства наказать Джаныл
Не знал, и значит, от кровопролитья
Род оскорбленный не отговорил.
Тогда решил он съездить в те места
И выведать, чего же ждут уйгуры,
И крепко ли их заперты врата.

Он, исходивший вдоль и поперек
Все земли предков, сам себя обрек
На трудное и хлопотное дело,
Он знал, что будет, полон был тревог.
Хан Шырдакбек его благословил,
Народ Тюльку его благодарил,
И выехал поспешно Предсказатель
Разведать, что творится у Джаныл.

В поездке был он скор, как обещал,
Вернулся, все увидев,

Рассказал,
Что на земле уйгуров все спокойно.
И войско поднялось – как пенный вал!..
И за аилом двинулся аил,
Хан Шырдакбек в седле неспешен был,
Он видел все.
А рядом с ханом ехал
Джаныл любимец – мальчуган Адыл.

Отрядами на юг войска пошли,
С таласской, чуйской двинулись земли,
Сияли копья, бердыши и луки,
Ряды сливались длинные в пыли.
И среди воинов один ли был,
Кто не мечтал бы захватить Джаныл,
Кто, между тем, при этом о добыче,
Откинувшись в седле, не говорил?..

Все ближе осень.
Хмурые сырты
Печальной сединою налиты,
Иссякли реки – выпило их лето,
И облетели первые кусты.
Изъела пыль ковры зеленых трав.
В безводье обойдясь без переправ,
Отряды скорой рысью друг за другом
Пришли к Какшаал, коней не потеряв.

Привал, за ним полдневный переход.
Что там –
Джаныл с уйгурским войском ждет?
Посовещались.
Молвил Предсказатель,
Кому что делать, чей за кем черед:
- На три отряда все разделены.
Пусть первый под покровом тишины,
Чтобы ослабить конницу уйгуров,
К утру угонит все их табуны.

В ущелье узком пусть второй отряд
Расположится скрытно –
Из засад
Он бросится, когда войдут в теснину
Уйгуры, нас тесня за рядом ряд.
А третий –
Бой начнет, врага маня.

Когда Джаныл прорвется из огня,
Абыл, сынок,
Бросайся из засады –
Ты схватишь под уздцы ее коня!..

К закату ближе, оседлав коней,
Пошли отряды.
По тропе своей
Шел каждый, как велел им Предсказатель.
Все ниже солнце, тени все длинней.
Абыл галопом скачет в свой отряд,
Глаза подростка радостно горят:
Сам схватит он Джаныл –
Вот это подвиг! –
И все о нем тогда заговорят.

Когда совсем был маленьким Адыл,
Однажды на коленях у Джаныл
Сидел – он помнит.
И Джаныл сказала:
- Как этот мир печален и уныл.
Ты, мальчик, вижу, вырастешь – оплот
Сородичей, и будет горд народ
Тобой –
Но сторожит тебя погибель...
Адыл запомнил тот далекий год.

Стемнело. Скрыла мгла второй отряд.
Как ночь темна,
Как зорок ее взгляд! –
И, задремав, бойцы, казалось, слышат:
О них негромко скалы говорят.
В вершинах елей ветер зашумел,
Мрак отступать как будто не хотел,
Но край небес окрасился зарницей –
Как будто кровью алой заалел.

На берегу Какшаала начат бой,
И пылью все охвачено седой,
Отбит и угнан в степь табун уйгуров,
Стоят бойцы – стена перед стеной,
Так сходятся – однажды на веку...
Но вот в рядах сородичей Тюльку
Как вздох: – Джаныл Мырза! –
Она – прекрасна,
Летит, пуская стрелы на скаку!

И дрогнула воинственная рать,
Вниз по ущелью стала отступать –
Все уже стены скал,
Джаныл все ближе,
Все сбилось в кучу, где своих искать?
Вдруг – всадник! –
И стремительно Абыл
Хватает под уздцы коня Джаныл.
Все замерло.
Джаныл клинок взметнула!..
И прянул иноходец.
И застыл.

Что ж дрогнула, Джаныл, рука твоя –
Иль дрогнула, Джаныл, душа твоя? –
Да, это мальчик, тот, кому погибель
Ты предсказала, грусти не тая.
И выпал лук из рук. И спала злость.
И что-то в сердце вдруг оборвалось,
Джаныл клинок, не глядя, уронила
И прошептала только:
– Не сбылось...

Так, славой прежнею озарена,
Джаныл была врагами пленена
И старому седому богатею
Навечно как рабыня отдана,
Ушли войска, похоронив своих,
Дележ добычи вдалеке затих.
И только ветер над Какшаальским кряжем
Печально пел
О павших и живых...

4

Что если барса, жившего в снегах,
Вблизи вершин, парящих в облаках,
Пленить и заточить навеки в клетку? –
Не выжил бы и медленно зачах:
Живя в неволе, заперт на засов,
Он вечно б слышал гул родных лесов,
Ему б шумели ветры, пели реки
На тысячу свободных голосов...

Так и Джаныл. От мест родных вдали
Ей шорохи и шепоты земли,
Напев комуза, горный гром лавины

Звучали ясно, из ума не шли.
Тюльку ей снился,
И во сне она
Слова любви шептала – все, сполна,
Все, что не довелось ему услышать.
А годы шли – за осенью весна...

Джаныл тюрьмой казалось все вокруг.
А рядом жили, не изведав мук,
И шумно жизни радовались люди.
Таков наш мир,
Иного нет, мой друг.
О празднестве однажды весть пришла,
На пышный той аилы позвала,
Все взволновались: пусть на состязанье
Джаныл покажет, какова была!

Пришел об этом ей сказать Адыл,
Почтительно он голову склонил:
Джене, народ мечтает вас увидеть
Как средоточье ловкости и сил.
Пусть юные поучатся у вас,
Джигиты с вас пускай не сводят глаз,
Вы на ристалище всем покажите,
Что луч великой славы не погас!

Рабыня я. Но ею не была,
Своей рукой победы я брала.
Взяв в плен меня, ты думал: победитель! –
Жалея, я удар не нанесла,
В тебе предугадала вожака
И вещая не поднялась рука.
Я, думала, меня убьют, как жертву –
Смерть лучше. Жизнь в неволе так горька...

Адыл, отговори их! Видишь сам –
Я узница,
Я взора к небесам
Не поднимаю.
Но глотку свободы –
И снова в плен загнать себя не дам.
Коль на коне – судьбе не прекословь,

Не удержать – не то прольется кровь!..
Нет, пусть уж дни свои окончу в клетке,
Где сгинет жизнь, как сгинула любовь.

- Тигрица грозная, Джаныл Мырза,
Тебе ль по-женски опускать глаза? –
Сядь на коня и победи батыров,
Своим явленьем храброму грозя!
С себя одежды плена совлеки –
Уж лучше сгинуть от чужой руки,
Ведь слепнут не от каждого удара,
А побеждают – судьбам вопреки.

- Ну что ж, меня никто не подчинил,
Жизнь не согнула, мир не изменил,
И как бы сам тот мир ни изменился,
Всегда я буду прежнею Джаныл.
Где конь мой серый? – приведите мне,
Где лук и стрелы? – принесите мне,
И сколько бы вас ни было,
Узнайте,
Кто я, Джаныл, когда я на коне!..

5

Как вы прекрасны, пастбища в цвету,
Где ветер ветру шепчет на лету
Напев, которым вольные киргизы
Земли родной творили красоту!..
Прослышав, что Джаныл на той придет,
Издалека уже валил народ,
Хотелось всем красу ее увидеть
И удали отчаянной оплот.
Шли слухи, что она решит бежать,
И вмиг, ее готовые догнать,
Коней своих джигиты горячили,
Вот-вот огонь готов был запылать.
Ревет толпа.
Вдруг, сразу – тишина:
Джаныл!..
И появляется она,
Под нею пляшет серый иноходец,
Как лед, ее улыбка холодна.

Как в прежние промчавшиеся дни,
Очей пылают черные огни,
Чернь тонких стрел и серебро булата
И кованое золото брони.
Круг зрителей все ближе, все тесней.
Вздохнула дева, все вздохнули с ней:
- Адыл, неужто прошлое вернулось?
Кайни, подбрось повыше тебетей!

Едва взлетела кунья шапка ввысь,
За нею стрелы черные взвились –
Пятнадцать раз лишь тетива пропела,
И возгласы в молчании слились.
Цель на лету поймав, как шерсти клок,
«Надень!» – швырнула. Тот надеть не смог.
Взглянул Адыл, а тебетей – без верха,
Остался только куний ободок.

Джаныл, я вновь тобою побежден! –
Адыл воскликнул. Повод бросил он
Как знак покорности – себе на шею.
Вокруг народ молчал, заворожен.
Кайни, прощай. Далек мой долгий путь,
Теперь с него мне жизнь не повернуть, –
Джаныл сказала, голос не повысив,
Коня успев лишь бешено хлестнуть.

Сквозь замершие толпы мчит она
Все дальше – навсегда, озарена
Каким-то неземным прощальным светом.
Людская расступается стена.
Жаль, не сразились, – хвастуны ворчат.
Жаль, девкой отпустили, и не взят
В залог наследник этой храброй крови, –
Так вслед постарше люди говорят.

... Кто разлучен с родимою землей,
С народом, где он взрастал душой,
О них не вспомнит?.. Родина залечит
Любую боль – когда она с тобой.
Летит Джаныл, как птица от беды,
И вот – Какшаал, свет гор и плеск воды!
Но что это?! –
На вымершем безлюдье
Пожарищ давних черные следы.,.

Уйгутов с их возлюбленной земли,
Где жили и любили, скот пасли,
Где кочевала радость без опаски,
Напав, китайцы в рабство увели.
Народ и так войной ослаблен был,
Измучен, разорен, ограблен был –
И вот лишь Кур-гора белеет голо.
Где ж ты была, защитница Джаныл?

Увидев это, как не умереть?
Раскаяньем по сердцу хлещет плеть,
Уже не сердце это – пепелище,
Гудит бездомный ветер над хребтом,
Поет и плачет горько об одном,
Кто умер от любви, кто жив в разлуке,
Чье имя позабудется потом.
Земля, где вольной юности полна,
Жила беспечно, радостно она,
Не приняла ее и не узнала,
Ограблена, навек оскорблена.
Идет к оврагу медленно Джаныл,
Где смертный жар уже давно остыл.
Четыре черепа лежат, оскалясь,
Но кто из них
Ее любимым был?

Встав на колени, смотрит: нет примет.
Где ты, Тюльку?
Где юность, давний след?
Но одинаково мертвы глазницы,
В их пустоте глумливой – ей ответ.
И давит зной,
И жизнь – отчуждена,
Бессмысленна, забыта, не нужна.
И зрение, и слух ослабевают
От боли. Но слабеет и она.

Клинок Тюльку, хранимый все года,
Джаныл достала.
Сталь его седа.
И медленно она заговорила:
– Одной не жить мне, знаю, никогда,
К чему свобода, коль такой ценой,
Любовью, видно, крепок свет земной.
Прости, Тюльку, я жизнью расплатилась.
Я женщина. И я теперь с тобой...

***

Зеленый дол на кладбище похож.
Белеют кости, и ржавеет нож.
Земля, вампир, сыта чужою кровью,
Ты память душ ушедших не тревожь!
Живую кровь земля охотно пьет,
Над мертвыми за веком век идет,
И ветер их молитвой отпевает,
Но, видно, никогда не отпоет.

Ах, жизнь...
Мгновенный прошлого полет
На будущее света не прольет,
Но все же вспомним, братья, предков наших
Вольнолюбивый, радостный народ.
И вспомним, как судьбой осуждена,
Была в народе этом рождена
Джаныл Мырза –
Воительница – дева,
Чья жизнь была прекрасна и страшна...

ДЕСЯТЬ ЛЕТ БОРЬБЫ ЗА НОВЫЙ АЛФАВИТ В КИРГИЗИИ

Сжатый исторический очерк

Празднуя десятилетие нового алфавита, не можем не отметить этой знаменательной даты в истории киргизской социалистической культуры вообще, в истории языкового строительства в частности...

Нет теперь ни одной народности в Советском Союзе, которая не принимала бы активного участия в социалистическом строительстве. Вместе с разгромом капитализма в России исчез и термин «туземец», который скрывал под собой сотни национальностей, обреченных на гибель. Нет теперь больше той великорусской культуры, ради которой уничтожались другие культуры, и нет больше «великорусской нации», в интересах которой другие национальности велись «к цивилизации», при помощи русификаторской политики царизма. Нет теперь в Советском Союзе господствующей национальной культуры, а крепнет многонациональная по форме, единая по социалистическому своему содержанию советская культура. Сегодня мы видим, как трудящиеся киргизы, даже в самых отдаленных от центра уголках Тяньшаньских ущелий ежегодно получают десятки разных газет на своем языке, и сидя у себя в доме, знают, что творится во всем мире. Даже дунгане, живущие в СССР в количестве всего двух-трех десятков тысяч человек, имеют возможность через свою национальную газету ежедневно проследить за тяжелой борьбой своих сородичей в капиталистическом Китае...

Мы видим, что громадная территория нашей республики сегодня покрыта густой сетью работающих на национальных языках школ и культурно-просветительных учреждений, где каждому предоставлена возможность штурмовать основы науки на понятном для него языке.

Кто лично пережил ужасы капиталистического строя, тому ясно, как велики достижения Киргизстана, и понятно, почему это достижение именно сегодняшнего дня, как результат диктатуры пролетариата, при национальной политике партии Ленина-Сталина, при повседневной братской помощи великого русского рабочего класса...

Всего несколько лет тому назад их отцы и матери были такими же голодными рабами, какими и сегодня являются трудящиеся в соседнем капиталистическом Китае...

Киргизы, подобно многим другим национальностям бывшей царской России, не имели своей национальной письменности до Октябрьской революции. Ясно, что не могло быть и никакой национальной школы для киргизского населения. Царское правительство проводило в Киргизии такую же национальную политику, какую любое империалистическое

государство проводило и проводит в настоящее время в колониальных странах, поскольку империализм в любой стране имеет одну и ту же цель, цель грабежа слабых национальностей...

Царское правительство, руководимое самыми реакционнейшими из реакционных сил всего мира, проводило столь зверскую политику в Киргизии, что в результате ее киргизский народ перед октябрьской революцией стоял на грани исчезновения как нация. Эта зверская политика царизма наложила свои худшие отпечатки и на историю киргизского языка до революции.

Дооктябрьский период характерен для киргизского языка четырьмя моментами.

Русские миссионеры пропагандировали для киргизов русский язык через русско-туземские школы, выковывая в этих школах из эксплуататорской верхушки киргизского населения верных слуг российского империализма.

Эти русско-туземские школы, где исключительно проводились «божественные права» «великорусской нации» и преимущества русского языка, считались основными приводными ремнями русификаторской политики царизма.

Татарская торговая буржуазия, опираясь на поддержку, главным образом, торговой части байства и манапства, на севере Киргизии активно прививали татарский язык через реформированные татарские школы, привлекая туда сыновей торговых элементов из киргизов.

На юге Киргизии узбекская торговая буржуазия, поддерживаемая киргизскими торговыми кругами и духовенством, через развернутую сеть мечетей и духовных школ активно насаждала старый узбекский литературный язык. В эти духовные школы, организуемые при мечетях, шло и трудящееся население в силу своей забитости и, таким образом, бессознательно попадало в духовный плен Корана.

Феодальные верхушки манапства, мечтавшие о восстановлении своих монопольных прав на эксплуатацию киргизских трудящихся, делали попытки создания своего литературного языка на основе средневекового чагатайского языка. На этом чагатайском языке, считавшимся литературным языком киргизских феодалов, были сделаны даже попытки издать в печати некоторые произведения. Так, в 1912 году в г. Уфе была издана книга О. Садыкова «История Киргизии», перед империалистической войной переизданная после смерти манапа Шабдана Джантаева под названием «История Шабдановской Киргизии». В этой «истории», излагавшей родословные отдельных манапов-феодалов с прибавлением панегириков этим манапам на сто процентов царствовала грамматическая традиция чагатайского языка, абсолютно непонятная киргизу. Вторая книга, изданная до революции на киргизском языке, была поэма К. Шамырканова «Зильзаля» («Катастрофа»). Книга была издана и отредактирована представителем феодальных кругов, Арабаевым с внесением туда грамматических традиций чагатайского языка, хоть в авторской рукописи была попытка отражения особенностей киргизского языка при помощи арабского алфавита, после работы редакторов мало осталось от грамматики киргизского языка, таким образом, поэма осталась малопонятной для киргизского читателя. Сюда надо прибавить, что юридические документы (судебные решения биев, торгово-финансовые документы и т.д.) составлялись на том же чагатайском языке, на котором рядовой киргиз понимал только свое имя и то в искаженном виде...

Крайне отсталое положение киргизского народа в результате царской политики не могло не влиять на ход развития киргизской национальной культуры и на долгие годы после октябрьской революции. Абсолютное отсутствие киргизской трудовой интеллигенции и киргизской национальной письменности заставило советскую власть в годы гражданской войны идти временно на культурное обслуживание киргизского населения на юге Киргизии на узбекском, на севере на казахском языках. В связи с этим нельзя не отметить попытки казахской буржуазной интеллигенции использовать эту исторически сложившуюся обстановку, вынуждавшую советскую власть пойти временно на обслуживание киргизских трудящихся на казахском языке, в своих национальных идеях. Казахская буржуазная интеллигенция, мечтавшая о создании «великодержавного государства «Алаш-Орды», сидя в научных центрах Туркестанской республики, вела борьбу с киргизскими студентами в Ташкенте, организовавшими движение за создание киргизской письменности. Эта великодержавная националистическая работа контрреволюционных алашордынских интеллигентов, затормозивших темпы культурного развития киргизских трудящихся, может быть отмечена в истории киргизской национальной письменности, как одно из выступлений против диктатуры пролетариата.

История киргизской национальной письменности начинается лишь с 1924 года, с момента национального размежевания бывшей Туркестанской республики. В первое время делаются попытки приспособить арабский алфавит к культурным потребностям трудящихся – киргиз. На нем издаются различные газеты и литература...

В первый же год употребления арабского алфавита киргизские трудящиеся убедились в том, что арабский алфавит, какой технической реформе не подвергали бы его, абсолютно негоден быть классовым орудием в руках трудящихся и неспособен выполнить возлагаемый на него революционный долг.

Арабский алфавит, прежде всего, не мог обеспечить перспективу развития киргизского литературного языка, потому что он не отражал всех особенностей этого языка; во-вторых, он не мог быть революционным орудием в руках трудящихся, потому что не соответствовал требованиям современной техники обучения и полиграфической промышленности, т.е. он совершенно не мог обеспечить темпов всего нашего социалистического роста, а плюс к тому, он, как алфавит Корана, еще оставался на службе у байства, манапства и духовенства, как орудие против интересов трудящихся...

В мае 1925 года в гор. Пишпеке (ныне Фрунзе) состоялся научно-педагогический съезд, накануне которого собралось особое совещание ответственных работников, вызванное имевшими место перед этим дискуссиями, предметом занятий его было выяснение политических моментов: поставить ли на съезде вопрос о переходе с арабского на другой, более усовершенствованный алфавит. После упорных боев с буржуазными националистами, возглавлявшимися Арабаевым, совещание приняло следующий исторический протокол. «Слушали: 1. О ликвидации арабского алфавита и переходе на один из европейских алфавитов в связи с созывом первого областного научно-педагогического съезда КАО (доклад Тыныстанова).

Постановили: 1. С мнением Тыныстанова согласиться.
2. Вопрос о переходе к латинскому алфавиту разрешить поставить на областном научно-педагогическом съезде.
3. Дальнейшую реформу арабского алфавита прекратить.
4. Поручить т. Тыныстанову поставить вопрос об алфавите на съезде так, чтобы никакого политического ропота не поднялось».

Националисты, державшие тогда в своих руках органы народного образования и пробравшиеся в ряды членов правительства, чтобы укрепить свои позиции, заранее вызвали на съезд известного казахского контрреволюционера алаш-ордынца А. Байтурсунова, имевшего тогда благодаря своим учебникам по казахскому языку большую популярность среди отсталых киргизских педагогов. На съезде, длившемся с 25 по 27 мая 1926 года, после оже-

сточенной борьбы с националистами во главе с Арабаевым и Байтурсуновым была принята резолюция. В констатирующей части этой резолюции говорилось следующее: «Констатируя огромные культурно-технические недочеты арабского алфавита на пути к созданию культуры, учитывая бесчисленное множество затруднений, связанных с его употреблением, которые встречались в вековой борьбе тюркских народов за свое культурно-экономическое освобождение от гнета европейского капитала, действовавшего главным образом через духовенство ислама, первый областной научно-педагогический съезд КАО считает необходимым ликвидировать арабский алфавит и перейти к новому алфавиту на общеевропейской (латинской) основе...» Далее в резолюции даются конкретные указания о принципах построения латинского алфавита и практические мероприятия по организационным и агитационным вопросам, связанным с введением нового алфавита. Немедленно, после съезда подвергаются изменениям на основании его директив заранее составленный проект (автор тов. Тыныстанов), и в порядке добровольности на летних учительских курсах вводится преподавание нового латинского алфавита...

Прошедшие эти курсы киргизские педагоги отправляются как первые агитаторы за новый алфавит и организаторы Обществ друзей нового алфавита.

Решение первого Всесоюзного Тюркологического съезда, состоявшегося в гор. Баку в феврале-марте 1926 г., высказавшихся в пользу нового алфавита, было большой поддержкой и сильным моральным орудием в деле завоевания дальнейшей позиции новым алфавитом. Во второй половине 1926 года сессией облисполкома КАО выносится решение об организации специального комитета по руководству введением нового алфавита и 2 ноября того же года собирается первое организационное заседание этого комитета... Бессменный председатель КирЦИКа и Комитета нового киргизского алфавита т. Уразбеков.

Еще 14 марта до организации комитета был научной комиссией отдела народного образования разработан план введения нового алфавита, где подробно предусматриваются все виды работ по введению его в жизнь.

Первый учредительный съезд Советов Киргизской АССР одним из вопросов заслушивает вопрос о новом алфавите, устанавливает окончательным сроком введения его пять лет, утвердив преподнесенный ему план введения нового алфавита. На этом же съезде избирается состав центрального комитета нового киргизского алфавита. При кантонных исполкомах были образованы отделения центрального комитета.

Принятый новый Киргизский алфавит не смог стать тоже окончательным, так как уже 1 июля 1926 года особое совещание киргизских культурно-просветительных и ответственных работников в гор. Фрунзе подвергло обсуждению вопрос об унификации киргизского алфавита с алфавитами других тюркских народностей СССР. После работы комиссии по унификации новых тюркских алфавитов, заседавшей в июне 1926 г. в гор. Баку, разворачивается новая разъяснительная работа по введению уже унифицированного алфавита, и переобучаются кадры...

Киргизским правительством уже 12 декабря 1927 года выносится постановление о признании нового алфавита государственным алфавитом, причем последний вводится наряду с арабским в практику учреждений с тем преимуществом, что документы на новом алфавите исполняются в первую очередь, а должностные лица, игнорирующие этот алфавит, привлекаются к уголовной ответственности.

В 1928-1929 учебном году приказом НКПроса за № 165 все преподавание в школах и делопроизводстве органов просвещения переводится на новый алфавит. ЦИК Кирг. ССР в октябре 1928 года в своем постановлении констатирует, что рост количества грамотных

на новом алфавите уже догнал за короткое время грамотных на арабском алфавите. ЦИК в этом своем постановлении устанавливает сроки перехода на новый алфавит делопроизводства во всех учреждениях следующие: в центральных учреждениях не позже 1 января 1929 г., в кантонных и районных не позже 1 марта, а в аулосоветах не позже 1 сентября того же года.

Данное постановление было выполнено настолько успешно, что ЦИК в январе 1930 года вынес свое историческое решение об окончательной ликвидации арабского алфавита. Этим постановлением последний был изъят из практики. Так был похоронен старый алфавит на два года раньше, чем установленный учредительным съездом советов срок. Такой успех объясняется, кратко говоря, активной и сознательной борьбой широчайших трудящихся киргизских масс за новую социалистическую культуру.

Но победа эта досталась в жесточайшей борьбе с агентурой классового врага. Классовую борьбу вокруг нового алфавита можно разбить на четыре этапа.

Первый этап характеризуется тем, что вначале движения за новый алфавит представители байства, манапства и духовенства во главе с Байтурсуновым и Арабаевым, как мы видели это выше, выступали открыто. Они свои позиции мотивировали тем, что, во-первых, латинский алфавит, на основе которого построен новый алфавит, не может быть национальным, поскольку он является алфавитом европейского происхождения; во-вторых, культурный подъем народа нисколько не зависит от системы алфавита вообще, на что может служить примером Япония, которая, сохраняя иероглифическую систему письма, одновременно достигла наивысшей стадии культурного и экономического развития.

Второй этап характерен тем, что после решения вопроса в пользу нового алфавита буржуазные националисты, переменив свою тактику, пошли апеллировать к массам о сроке введения нового алфавита: «Мы не против нового алфавита, а против срока его введения. Народ должен стать, прежде всего, культурным, а потом перейти на новый алфавит». (Трогательное сходство с «философией» меньшевиков и троцкистов). Когда правительственными органами были установлены твердые сроки перехода на новый алфавит, буржуазные националисты переключились на метод использования нового алфавита в своих классовых интересах. От имени духовных лиц гор. Токмака была прислана делегация в научную комиссию при Облотделе народного образования, которая тогда разрабатывала вопросы алфавита. Делегация сообщила о том, что все духовные лица решили популяризировать новый алфавит среди широких масс, и для этого просят отпечатать Коран на новом алфавите в количестве десяти тысяч экземпляров за наличные деньги духовного общества. На ответ Научной комиссии, что Коран может быть отпечатан только при условии перевода его на киргизский язык, делегация отмахнулась руками и ногами.

Четвертый этап характеризуется тем, что враги нового алфавита, после превращения последнего в государственный и массовый, перешли на прямое вредительство, принимая всяческие меры в ряде районов (особенно на юге Киргизии) к задержке перевода делопроизводства на новый алфавит. К этому они имели возможность, т.к. пользуясь своей грамотностью, могли некоторое время держать в своих руках технический аппарат кое-каких сельсоветов. Но мероприятиями правительства быстро был ликвидирован указанный саботаж путем быстро проведенной подготовки новых кадров, а также путем изгнания классовых врагов из аппарата.

Классовые враги быстро просчитались в своих надеждах в борьбе с новым алфавитом. Широкие массы трудящихся с колоссальным энтузиазмом овладели новым алфавитом и уже в 1928 г. запугали канцелярских чиновников своими «латинскими заявлениями». Неи-

моверно быстрыми темпами росло число обществ друзей нового алфавита. Если в 1926-27 учебном году число добровольных обществ друзей нового алфавита равнялось всего двенадцати, с числом членов 670, то уже в сентябре 1927 года было 174 общества с числом членов 5721. Если возьмем социальный состав членов общества, мы увидим при анализе этого состава ясную картину революционной роли нового алфавита: крестьян середняков – 1450, бедняков и батраков – 1918, учащихся (с грамотностью на арабском языке, прошедших через кружки нового алфавита) 1523, служащих – 578, красноармейцев –252...

За полтора года работы Комитета нового алфавита (т.е. в конце 1928 г.) грамотность взрослого населения дошла до 5,31%, а число грамотных на арабском алфавите, считая с дореволюционным периодом равно было 6,8%. Таким образом, за полтора года к числу грамотных на арабском алфавите взрослого населения это составило 80,5%. В эту статистику не вошли те, которые переобучались заочно и путем самообразования (через газеты, буквари). Если учесть это последнее обстоятельство, то можно считать, что к концу 1928 г. число грамотных на новом алфавите уже превысило число грамотных на арабском. Если сопоставить проценты грамотных на арабском и новом алфавитах за следующие годы, то мы увидим такую интересную картину. Если за все годы обучения на арабском алфавите мы имеем грамотность среди взрослого населения только 6,8%, то за три года обучения на новом алфавите (1929-1931 гг.) мы имеем грамотность уже 44%. Успех нового алфавита сказался очень ярко в особенности в тиражах газет и книг. Тиражи двух центральных киргизских газет: «Кызыл-Киргизстан» и «Ленинчил-Джаш» – со времени введения в печать нового алфавита с 3500 и 1700 экземпляров в 1928 г. выросли в 1931 году до 250000 и 15000 экземпляров, а тиражи учебников с 5 – 10 тыс. экземпляров в 1928 г. до 50-120 тыс. в 1931 году...

Несмотря на слабость полиграфической базы на новом алфавите, связанной с поздним получением шрифтов, продукция государственного издательства на новом алфавите тоже росла быстрым темпом. Если в 1928-29 годах удельный вес книги на новом алфавите в книжной продукции Киргосиздата составлял 22,9%, то в 1929 г он был равен уже 72,2%, а с начала 1930 г. издательство целиком перешло на новый алфавит...

В свете общей культурной революции знаменательны показатели роста школьной сети. Если до революции имелось всего 99 школ (русские, русско-туземные, татарские, духовные), с количеством учащихся 5091, из которых всего 574 киргиза, то со дня ликвидации арабского алфавита, т.е. в 1930 г. число школ было 990 с количеством учащихся – 104800, из которых киргиз – 44370, а в 1937 – 1754 школы с контингентом учащихся 224859 человек, из которых киргиз 102504. Из числа киргиз учащихся число девочек нормально в процентном отношении к числу мальчиков, тогда как до революции киргизские девочки не учились вовсе.

Таковы огромные заслуги нового алфавита в системе всей культурной революции, особенно в деле роста грамотности населения республики, достигшего в 1937 г. 63%...

Отмечая славную роль многотысячной армии на фронте борьбы за новый алфавит, нельзя не отметить вместе с этим принципиальных ошибок лингвистов этой армии. Как известно, некоторые принципы построения нового киргизского алфавита, составленного на основе директив первого Научно-педагогического съезда К. Тыныстановым, автором, пишущим эти строки, страдали национальной ограниченностью, и эта национальная ограниченность тормозила до 1928 года правильное развитие киргизского литературного языка... Узко буржуазно-националистическое мировоззрение, на котором стоял автор проекта в первые годы великой пролетарской социалистической революции и от которого он не сумел

окончательно решительно и быстро отмежеваться, не могло не оказать своего влияния на принципы построения первого проекта алфавита.

Построение нового киргизского алфавита на принципах сингармонизма и отсутствие в составе нового алфавита специальных букв для советских и международных терминов были по сути дела продолжением идей буржуазных националистов о перспективах развития национального языка. Только в 1928 г. в процессе разработки деталей киргизской орфографии выяснилось, что исключительно фонетический принцип, выдвинутый первым научно-педагогическим съездом в 1925 г., страдает однобокостью и национальной ограниченностью и тем самым тормозит развитие киргизского литературного языка по верному пути.

Исключительно фонетический принцип обходил синтаксический строй языка и некоторые законы морфологии, а также, распространяя законы киргизского языка на заимствуемые из других языков слова в полной мере, фактически закрывал путь интернациональным терминам. Буржуазные националисты, эти непримиримые враги советской культуры, на научно-педагогическом съезде 1925 г. сыграли ту же гнусную роль в вопросе орфографии (выдвинув фонетический принцип, как принцип исключительный). При решении вопроса о принципах орфографии на научно-педагогическом съезде оказал свои давно испытанные услуги буржуазным националистам тот же арабский алфавит, так как только этот алфавит и исторически сложившиеся на нем казахская и узбекская орфографии, орфографии узко феодальных кругов, которыми пользовались раньше киргизские школы, были единственными источниками познания для крайне малоиспытанных киргизских педагогов делегатов съезда при обсуждении вопроса о принципах построения киргизской орфографии. Фонетический принцип, как принцип исключительный, отвергнут был только лишь в 1928 году. В состав нового киргизского алфавита введены дополнительные буквы постановлением специального заседания членов Центрального Комитета нового киргизского алфавита с участием членов правительств и работников культурного фронта от 13 мая 1928 г., по докладу пишущего эти строки, постановление было утверждено ЦИКом 4 июня (протокол № 100). Приказом Наркомпроса еще от 25 мая того же года за № 85 новый, исправленный алфавит был введен в практику...

Ранее бесписьменный язык имеет теперь свою грамматику, свою орфографию, свою терминологию и т.д. Первая орфография и грамматика (часть 1 фонетика и часть морфологии) разработаны Тыныстановым и изданы в 1927 г. Киргосиздатом еще на арабском алфавите. Эта орфография была утверждена Академическим центром Народного Комиссариата просвещения. Последняя, ныне действующая, орфография разработана в 1934 г. и издана Киргизским научно-исследовательским институтом культурного строительства как проект. Проект этот отличался от первой орфографии главным образом тем, что в нем подробно рассматривались правила передачи советских и интернациональных терминов. Этот проект после двухгодичной дискуссии был представлен на рассмотрение конференции по языковому строительству, которая состоялась в сентябре 1936 г в гор. Фрунзе. К этому проекту был приложен краткий свод правил пунктуации. Проект с незначительными изменениями был одобрен конференцией и представлен на утверждение киргизского правительства, которое, внеся изменения в отдельные положения, утвердило его в начале 1937 года и отправило в Москву в ЦКНА на отзыв для получения санкции Совета Национальностей. При этом правительство также окончательно утвердило состав и порядок киргизского алфавита, как стабильный, не внеся никакого изменения в его состав. Таким образом, Киргизия имеет стабильную орфографию.

Разнобой в орфографии, еще имеющий место в печати, должен будет ликвидироваться с опубликованием утвержденной орфографии.

Киргизский язык имеет уже разработанную грамматику со всеми ее разделами. О первой киргизской грамматике мы уже упоминали. Раздел морфологии подробно разработан в 1928 г. и издан в Москве в 1930 году, этот раздел переиздан с некоторыми дополнениями в 1934 году. Синтаксис киргизского языка разработан также Тыныстановым и издан в 1936 г. Таким образом, по части грамматики основная работа закончена и начальная и средняя школы обеспечены. Над научной грамматикой работа продолжается и сосредоточена в Кирг. научно-исследовательском институте языка и письменности и по плану его должна быть закончена к концу 1937 года.

Успехи по части родного языка имеются и по программам. В 1937 г. киргизские школы, как начальные, так и полные средние, будут иметь стабильные программы по родному языку.

По части терминологии тоже проделана значительная работа. Термины по всем дисциплинам в объеме средней школы разработаны, даже по некоторым дисциплинам (например, общественно-политические) в значительно более широком объеме. Но беда в том, что терминологические словари в результате бездействия терминологической комиссии при Киргизском Комитете нового алфавита не опубликованы. Сейчас создана правительственная комиссия, которая приступила к работе по реализации терминов.

В области чисто словарной работы Киргизская республика далеко отстала от других республик. Не издано до сих пор ни русско-киргизского, ни киргизско-русского словаря, хотя первый киргизско-русский словарь был разработан пять лет тому назад К.К. Юдахиным, который был первым пионером в работе над киргизскими словарями и который первым из европейских работников морально поддержал новый алфавит в Киргизии.

Полный русско-киргизский словарь ныне разрабатывается под руководством ВЦКНА и должен быть окончен к началу 1938 года.

В области научной работы по киргизскому литературному языку Кирг. ССР имеет и свои научные центры. Создан несколько лет тому назад и сейчас работает Киргизский научно-исследовательский институт языка и письменности, который руководит также дунганским языковым строительством, и педагогический институт, который выковывает кадры также и по киргизскому языку. Эти институты, хотя пока работают слабо из-за недостатка высококвалифицированных кадров, имеют бесспорные достижения.

Та ожесточенная классовая борьба вокруг нового алфавита, орфографии, о которой мы говорили выше, велась также вокруг других вопросов языкового строительства. Имевшие место весною 1933 г. в гор. Фрунзе выступления двух преподавателей киргизских ВУЗов ясно показали, какими утонченными методами вели контрреволюционную подрывную работу киргизские буржуазные националисты и великодержавные русские шовинисты. И те и другие выступали, прикрываясь революционной фразой. Главным выразителем настроения буржуазных националистов после разгрома арабаевщины был бывший преподаватель комвуза Сопиев, ныне осужденный за контрреволюционную работу. Он выдвинул «теорию» внедрения интернациональных терминов в массы путем полного распространения на них законов киргизского языка, т.е. предлагал орфографировать их до неузнаваемости. При этом он исходил из того, что будто законы современного киргизского языка – нечто вечное и неизменное. Эти буржуазные националисты предлагали вытеснить советские и интернациональные термины киргизскими терминами, основываясь на том, что якобы киргизский язык самый богатый в Советском Союзе и настолько гибок, что при помощи множества

имеющихся в киргизском языке суффиксов можно создавать искусственно любое понятие. В этом вопросе буржуазные националисты до 1933 года имели кое-какие успехи. В печати часто заменялись киргизскими словами термины, как «социализм», «коммунизм» и т.д. В вопросах терминологии небезгрешен и пишущий эти строки, который в своем труде «Социально-экономические термины» (в соавторстве с И. Тойчиновым) допустил подмену слов «совет» и «диктатура» внедренными буржуазными националистами киргизскими словами.

Бывший преподаватель ряда ВУЗов Идрисов, явившийся выразителем великодержавного шовинизма из коренных работников (яркий пример смычки националистов и шовинистов), выдвинул противоположную Сопиеву «теорию» в области орфографии. По его мнению, в период строительства социализма происходит скрещивание национальностей и языков, а киргизский язык, как язык агглютинирующей системы, так или иначе будет терять свою потенцию в развитии, а потому теперь же надо отказаться от киргизского языка. Таким образом, по Идрисову выходило, что в этом «скрещивании» национальностей в СССР другие народности, в том числе и киргизы, вольются в русскую нацию, а русский язык явится единым для всех народностей Советского Союза. В связи с этим, небезынтересно отметить еще один факт. Когда научно-исследовательским институтом культурного строительства было собрано около 100000 киргизских слов и когда на этом факте было разбито великодержавное буржуазное учение о ничтожном количестве словарного запаса бывших «туземцев», то тот же Идрисов совместно с бывшим директором Киргизского института краеведения С.Ф. Преображенским, оказавшимся впоследствии контрреволюционером, на все лады стали утверждать, что весь этот выявленный словарный запас феодального происхождения, а потому слова эти не должны иметь место в литературном языке периода социалистического строительства. Классовая борьба вокруг вопросов строительства киргизского литературного языка была такой ожесточенной, что даже отдельные партийные руководители временами попадали под чужие влияния. Например, бывший секретарь Кирг. ОК ВКП(б) тов. Шахрай и бывший секретарь Фрунзенского Горкома ВКП(б) тов. Каракозов в своих практических работах часто игнорировали значение киргизского литературного языка как могучего орудия культурно-политического подъема.

Современный человеческий язык давным-давно перестал быть только обыкновенным средством общения между отдельными людьми, а превратился в самое сильнейшее орудие в руках отдельных классов для осуществления своего господства.

Национальные языки в Советском Союзе в своем дальнейшем развитии должны стремиться к максимальному отрицанию всего того, что разобщает их друг от друга, к максимальному поощрению всего того, что приобщает друг к другу эти языки...

Культурно влияющая роль русского языка для национальностей СССР выделяется исторической необходимостью: во-первых, потому, что русский рабочий класс был авангардом в деле свержения власти капитала в России, и он же, как более опытный рабочий класс остается авангардом в дальнейших боях за окончательную победу социализма; во-вторых, потому, что только через русский язык, как язык более культурный, может быть создано на национальных языках то количество социально-экономических и научно-технических знаний, которые необходимы для окончательной победы социалистического общества. Только в свете такой постановки могут быть успешно разрешены вопросы грамматики, орфографии, терминологии и других разделов языкового строительства...

10 мая 1937 г.

ÑËÎÂÎ ÎÁÀÂÒÎÐÅ

***

Касым Тыныстанов обладал мощным интеллектуальным потенциалом среди образованной киргизской молодежи своего времени. Он свободно владел русской грамотой, писал стихи на казахском, узбекском, уйгурском, азербайджанском языках. Мастерски с музыкальным инструментом читал наизусть большие отрывки из эпоса «Манас». Касым Тыныстанов, бесспорно, является одним из основателей киргизской письменной литературы в различных ее сферах – поэзии, прозе, драматургии.

Долил Тыныстанов

***

Касым Тыныстанов – выдающийся ученый лингвист-тюрколог, поэт и прозаик, фольклорист – манасовед, драматург и журналист, переводчик – билингвист, основатель фундамента киргизского литературного языка, организатор и зачинатель отдельных разделов только зарождающейся науки в Киргизии, просветитель киргизского народа, общественный и государственный деятель.

Ч. Джаныбеков

***

Сборник стихов Касыма – первая книга, которая выходит на киргизском языке. Для киргизского народа, не имеющего письменной литературы и культуры, дар этой книги таким молодым поэтом, как Касым, поистине является большой удачей...

Стихи Касыма последних лет, написанные на чистом киргизском наречии, исключительно изящны. Они ценны прежде всего своим прекрасным слогом, который может служить наглядным примером того, как наш несуразный, художественно еще необработанный язык должен использоваться для нужд будущей литературы.

Б. Данияр уулу

***

Творчество К. Тыныстанова представляло собой значительное явление в истории киргизской словесности. Оно в первую очередь отличалось своей новизной мировосприятия, образного выражения, стихосложения. Тыныстанов – литературный первопроходец, заставивший киргизскую речь впервые заговорить довольно необычным образом, достаточно свежо, экспрессивно, красиво.

С. Джигитов

***

...все, кто умел читать, знали стихи Тыныстанова, носили сборник с собой. Молодежь его стихи знала наизусть...

Т. Сыдыкбеков

КАСЫМАЛЫ БАЯЛИНОВ

АЖАР

Ажар – единственная дочь Батымы и Аеткула. Правда, были у них и другие дети, но все они умерли, только появившись на свет. Потом долго детей не было. Батыма и Аеткул обращались к разным знахарям, муллам, издержали много денег, залезли в неоплатные долги, даже пригласили известного Хазрета, приехавшего из Кашгара. Хазрет прожил у Аеткула несколько дней. Он повесил на шею Батымы «Тумар», написал чернилами на стекле молитву и, смыв её, дал выпить Батыме заколдованную воду; до полуночи Хазрет шептал молитвы, произносил заклинания. Утром, уплетая вкусные угощения, он сообщил, что было ему откровение –рождению детей у Батымы препятствует пятнистый тигр с седой гривой; но он, Хазрет, победил его и разговаривал с сорока ангелами, которые охраняют святых людей. Хазрет уверил Аеткула, что не пройдет и двух месяцев, как Батыма зачнет сына, который родится живым и здоровым и проживет до глубокой старости. Но ангелы сказали, что для исполнения откровения нужно достойным образом отблагодарить мудрого Хазрета. Обрадованный Аеткул отдал знаменитому Хазрету свою единственную лошадь.

Батыма с нетерпением ждала исполнения пророчества. Только через три года родила она, но не сына, а дочь, которую они назвали Ажар.

Ажар росла баловнем семьи, не испытывая ни горя, ни нужды. Так продолжалось до тех пор, пока ее народ, теснимый белым царем, не бежал в Китай. Царские отряды гнались за жителями побережья реки Чу, и им пришлось переселиться в Конгур-Олен н Алабаш. Манапы отдали приказ, чтобы для защиты от этих отрядов из каждой кибитки вышел один человек. В числе прочих должен был идти и Аеткул. Но как может он покинуть жену и ребенка? На кого он оставит их? И Аеткул, взяв маленькую Ажар, пришел к манапу Сагыну.

- Герой, ты повелел мне вступить в войско, но я не могу исполнить твой приказ. На кого я оставлю жену и ребенка в такое смутное время, когда враг теснит нас? Я не могу идти. Оставь меня! Возьми другого, у которого есть взрослые дети. Вон у богача Алимкула два взрослых сына. Будь справедлив, возьми их, оставь меня.
- Уйди, собака! Не смей сравнивать себя с Алимкулом. Кто ты такой! Завтра же садись на коня и отправляйся, – сказал Сагын и выгнал Аеткула из кибитки.

Ранним утром посланник манапа Сагына разбудил Аеткула. Аеткул быстро вскочил с постели, оделся, заткнул за пояс ай-балта. Потом он поднял Ажар и крепко поцеловал её.

- Атаке, куда ты едешь? – спросила Ажар.
- Садагасе, я еду недалеко, скоро вернусь!

Но надломленный голос Аеткула выдавал его волнение. Словно предчувствуя беду, он долго ласкал Ажар и Батыму. Направляясь к выходу, Аеткул сказал жене:

- Если народ перекочует, сложи все, что есть, на вола, посади туда же Ажар. Не отставай от народа! Ходят слухи, что в Кет-Малды пришли царские войска. Мы едем, чтобы драться с ними и не допустить их сюда, к нашим семьям. Прощай!

Батыма вышла из кибитки, помогла мужу сесть на коня.

Аеткул присоединился к большому отряду верховых с разноцветными знаменами; они двигались в сторону Иссык-Куля.

Прошло два дня. На третий день народ стал торопливо укладываться, собираясь перекочевать в другое место. Все знали, что войска царя разбили отряды киргизов, и ужас охватил народ. Вернулись все, кто уцелел в битве. Но Аеткула не было среди них, и Батыма услышала страшную весть о его смерти. Горько зарыдала Батыма, поражённая неожиданным горем. Громко заплакала Ажар.

- Не плачьте! Он умер, как герой. Да будет его место в раю, – утешали её соседи. Старики, женщины и дети обступили Кузубека, привезшего известие о смерти Аеткула. И он рассказал:

- Наш отряд в пятьсот человек подъехал к Иссык-Кулю. У нас было всего пять берданок, штук десять кремневых ружей, а остальное вооружение состояло из копий, сабель, ай-балта, дубинок, палиц. На берегу Иссык-Куля мы спешились, выставили караулы и легли. Наутро пришло известие о приближении царских войск. Мы все вскочили на коней и двинулись им навстречу. Вскоре мы увидели цепь царских войск. Их было больше двухсот человек. Пораженные, мы остановились. Солдаты стали нас обстреливать. Двоих убили. Наши стрелки ответили им, но солдаты все приближались, двигаясь по степи, как отара овец. Мы отступили к месту стоянки. Жакуб-хан приказал идти в наступление. От царских войск отделился небольшой отряд, который хотел преградить нам путь. Наши смешались, но снова раздался голос хана: «Наступать!» Мы помчались. Солдаты не ожидали наступления и стали отходить. Аи, почему у нас не было такого же порядка, как у них. Но не успели мы приблизиться к солдатам, как трое наших всадников, чего-то испугавшись, повернули коней и поскакали обратно. За ними последовали остальные, а царские отряды, видя наше бегство, открыли пальбу. Пули жужжали вокруг нас, как пчелы. Наши лошади, испугавшись непривычного шума, взбесились. Они скидывали всадников, волочили мертвых по земле. Под вражьими пулями наши люди валились, как снопы. Так погибло сто лучших всадников. Мы хотели отступать дальше, но хан приказал остановиться. Он намеревался подпустить врага ближе и тогда напасть на него. Аеткул возразил хану:

- Ты, видно, принимаешь их за перепелок, которых можно перебить палками? Они – не мы. Они слушаются команды и вооружены отличными ружьями. Мы не можем тягаться с ними. Довольно с нас и этих жертв.

Но хан был обозлен неудачей и не хотел слушать ничьих советов. Размахнувшись, он два раза стегнул Аеткула плеткой. Аеткул не стерпел обиды и ответил хану ударом на удар. Плетка Аеткула рассекла щеку хана. Хан, вне себя от злобы, закричал: «Меня ранили, стреляйте!» Грохнул выстрел, Аеткул, как мешок, свалился с лошади. Войско окружило его труп. Я спешился, поднял голову Аеткула и заплакал. И пока мы стояли около убитого, царские отряды начали обстреливать нас. Убили еще двоих. Они упали рядом с Аеткулом. Мы в страхе бежали...

На другом конце аула кто-то громко зарыдал, – то старый Кубеген оплакивал смерть единственного сына, Жапаркула, тоже погибшего в этом бою.

Народ уходил. Батыма сложила свои пожитки на вола, посадила на него Ажар и двинулась в путь, стараясь не отставать от других.

Манап Сагын покинул становище раньше всех. Он отыскал удобное место для новой стоянки, вбил в центре облюбованной ложбины высокий шест, на который привесил своё знамя. Народ собрался к этому знамени.

На пятый день вол Батымы споткнулся о камень, кладь съехала с его спины, и Ажар упала. Батыма с криком подбежала к дочери, подняла её с земли. Убедившись, что Ажар жива и невредима, Батыма снова принялась укладывать свои пожитки. Её слабые руки не могли

справиться с непосильной работой, и даже вол, будто почувствовав бессилие Батымы, стал проявлять непослушание. Давно прошли жители родного аула. Теперь мимо Батымы шли чужие люди. Никто не остановился, чтобы помочь ей. Каждый был занят только собой, никому не было дела до бедной вдовы. В хвосте переселяющегося народа шел, опираясь на палку, старый сгорбившийся Кубеген со своей старухой, ведшей за повод хромую изможденную лошадь. Кубеген знал Батыму и слышал о смерти Аеткула. Он остановился, помог ей уложить вещи, и они вместе двинулись дальше. Скоро их догнала группа вооруженных верховых. При виде их Кубеген встрепенулся, бросился к лошади одного из всадников и крикнул:

- Убей и меня! Убей! Ты лишил меня единственной надежды – сына. Пусть же бог покарает тебя. Да постигнет тебя такое же горе. Изведай ты при жизни мучения ада. Умри голодной смертью на безлюдном перевале.

Это был Жакуб-хан. Он хотел оттолкнуть старика, но Кубеген крепко вцепился в узду его лошади. Жакуб-хан обозлился, слез с лошади, приказал двум всадникам держать руки старика и стал стегать его камчой. Старуха кинулась к мужу. А хан все продолжал наносить удары Кубегену. Тогда старуха повернулась к хану и ударила его клюкой.

- Она подняла руку на хана! – крикнула свита, набрасываясь на старуху.

Жакуб-хан в его джигиты до полусмерти избили старуху и Кубегена, скрутили им руки за спину и со смехом поскакали дальше.

Наступил вечер. Народ стал готовиться ко сну. Становище наполнилось ржанием лошадей, блеянием овец, шумом, криком. Одни искали затерявшихся в толпе родственников, другие – скот, попавший в чужой табун. Но никто не вспомнил Ажар и Батыму. Эту ночь они провели в степи, вдалеке от родного аула. Только к вечеру следующего дня нашли они своих.

Прошло шесть дней. Бедняки, испытавшие много горя от Сагына, уговорились покинуть своего манапа, чтобы попытать счастья у другого. Среди них были Кубеген, Батыма и Кузебек, родственник Аеткула. С вечера заговорщики отогнали свою скотину на гору и спрятались там. Только женщины и Кубеген остались среди народа.

Утром народ собрал шалаши, стал приготовляться к дальнейшему переходу. Лишь Кубеген и Батыма не участвовали в общей суматохе.

Посланцу Сагына, привезшему приказ двигаться, они ответили:

- Прошлой ночью у нас заблудился скот. Искать его пошли два человека. Мы не тронемся с места до тех пор, пока они не вернутся.

Когда аул Сагына скрылся из виду, беглецы быстро навьючили волов и торопливо двинулись по пути, ведущему в другую волость. Но не успели они отъехать и двух километров, как Сагын с группой баев догнал их, приказал развьючить лошадей и волов, избил зачинщиков, отобрал весь их скот, а имущество раскидал по дороге.

- Теперь идите, куда хотели!

Куда пойти беднякам, лишившимся всего имущества? Они бросились перед Сагыном на колени, моля о прощении. Желая умилостивить манапа, они подвели к нему единственную гнедую лошадь Кузубека, просили принять её в дар и сменить гнев на милость.

Это была отличная лошадь. Сагыну давно хотелось иметь ее в своем табуне, он даже предлагал Кузубеку продать ее. Но Кузубек ни за что не соглашался расстаться со своим конем. Теперь же счастье улыбнулось Сагыну, – лошадь сама шла к нему в руки. Он принял подарок и милостиво разрешил всем вернуться в свой аул.

Прошло несколько дней. Народ подошел к китайской границе и двинулся по перевалам Тянь-шаньского хребта. Аул Батымы остановился около Ак-Угизского перевала.

Утро встало пасмурное, перевал окутался туманом, пошел снег, поднялся северный ветер, который усиливался с каждой минутой, заметая дорогу снегом. Люди и скот скользили по обледенелой дороге, падали в пропасть. Среди голых камней не виднелось ни одной травинки. Голодные овцы и козы щипали свою собственную шерсть; лошади грызли стремена; верблюды опустились на колени и не могли больше подняться; быки сбрасывали навьюченную на них кладь; люди отморозили руки и ноги.

Перевал гудел от стонов людей, ржания и блеяния животных. А снег все шел. Скоро наступила ночь, но и она не принесла успокоения. Люди и животные сбились в одну кучу. Холод пробирал всех до костей. Когда робкий свет зимнего утра осветил перевал, он казался пустым. И люди и животные – все было засыпано снегом, все замерло, и только по редкому трепыханию овец можно было понять, что под снегом лежали не камни, а живые существа. За ночь умерло множество людей.

Буря продолжалась два дня. На третий день выглянуло солнце. Туман медленно рассеялся. Резкий северный ветер утих. Люди, оставшиеся в живых, с уцелевшим скотом перевалили через горный хребет. Среди них тащились Батыма и Ажар.

На середине перевала Батыма увидела два окоченевших трупа, лежащих рядом с замерзшей лошадью. Это были Кубеген и его старуха.

Народ стал рассеиваться по пограничным городам Китая. Батыма и Кузубек остались в Турпане. У них не было никакого имущества. Единственный бык Батымы пал на перевале, несколько овец и коз Кузубека потерялись в дороге. После долгих скитаний Кузубек нашел пустующую конюшню, хозяин которой, Сабит ахун, разрешил занять ее под жилье. В конюшне не было ни окон, ни дверей, свет падал из небольшого отверстия на крыше. Пол был земляной. Здесь стоял спёртый воздух, пропитанный конским потом и пометом. Кузубек прикрыл кошмой отверстие, служившее дверью, застелил пол сеном. Здесь и разместились Батыма, Ажар и Кузубек с женой и детьми.

Шли дни, недели, месяцы. Наступила зима. Она принесла новые заботы. Откуда достать топлива? У кого просить? У переселенцев ничего нет, а турпанцы даже щепки даром не дают. А откуда взять денег? Что продать? Чем прокормить семью?

II

Темная зимняя ночь сменилась белесоватой зарей. На востоке засияла Чолпон. Звезды будто улыбались в небе, прощаясь с землей. Вот они исчезли. Медленно всплыло солнце, закутанное в пурпур.

Земля ожила. Народ принялся за повседневную работу. От сильного мороза нельзя выйти на улицу. Ажар, вместе с детьми Кузубека, Талыб и Кубат, лежит на соломе. Кузубек ранним утром, заткнув за пояс маленький топор, отправился на поиски дров и еще не возвращался. Батыма и жена Кузубека Айнагуль, дрожа от холода, сидели около детей.

Только к вечеру открылась кошма, заменяющая дверь. В жилище ворвалась струя холодного воздуха. Вошел Кузубек с небольшой охапкой хвороста за спиной. Он был весь в снегу, усы и борода покрыты ледяной корой.

- Это все, что ты принес? – спросила Айнагуль.
- Что мне было делать? Мой топор отняли турпанцы. Этот хворост я собрал голыми руками.
- Апа, я замерзаю, – заплакала Ажар.
- Садагасе, потерпи немножко, – ответила Батыма и окоченевшими руками плотнее закутала Ажар в старенькую кошму.

Все принялись разжигать хворост, принесенный Кузубеком, но ветер, крутя снежинки, врывался через отверстие в крыше и гасил огонь. Дым ел глаза. Наконец затеплился маленький огонек. Постепенно жилище стало согреваться. Снег, покрывавший пол и стены, оттаял. Но пищи не было. Все легли голодные.

Наутро Кузубек снова отправился за хворостом. Батыма и Айнагуль тоже вышли из жилища и стали обходить турпанцев, надеясь раздобыть у них пищу. Вечером они принесли домой немного чечевицы и маленький хлебец. Кузубек еще не возвращался. Все с нетерпением ждали его, надеясь, что он принесет хворосту. Занятые разговором, они даже не заметили, как вошел Кузубек. Вид его был страшен. Он весь посинел.

- Что случилось?
- Принес хворосту?
- Пропади он совсем, – с трудом проговорил Кузубек. – Все покрыто снегом, нет ничего заметного для глаз, доступного для рук.

Младший сын Айнагуль, Кубат, плаксиво затянул: –Апа...

- Айлянаен, что тебе?
- Есть хочу!..
- И я хочу. Я озяб. Я голоден, – заплакал другой. Заплакала и Ажар.

Батыма, как только узнала, что Кузубек вернулся с пустыми руками, сейчас же куда-то ушла. Через некоторое время она внесла вязанку камыша.

- Выпросила у хозяйки, обещала за это выстирать ей белье, – сказала она.

Половину камыша и хлеба оставили на завтра и принялись жарить чечевицу. К вечеру маленький Кубат захворал. На следующий день ему стало совсем плохо. Айнагуль не знала, чем помочь сыну. Батыма, отрабатывая взятый камыш, целый день провела на холоде, полоща белье. Вечером слегла и она. Болезнь была тяжелой, Батыма не могла подняться с постели, всю ночь она бредила.

- Единственная... дочь моя... что с тобой будет? Подойди ко мне... Убит... Аеткул... Аи! Где ты?.. Возьми, Ажар, возьми... Озябла? Накормить тебя?.. – шептали ее посиневшие губы.

Ажар не отходила от матери. Сердце ее сжималось, предчувствуя беду.

- Апа, джаным, апа!.. Проснись... открой глаза, посмотри на меня. Скажи хоть одно слово. Батыма открыла глаза, посмотрела на дочь. Она хотела что-то сказать, но язык не повиновался ей.
- Ажар! – простонала она. Из ее груди вырвался последний вздох, и Батымы не стало. С громким рыданием упала Ажар на труп матери.

Батыму похоронили на краю кладбища.

Ажар осталась круглой сиротой. Теперь всякий мог распоряжаться ею, приказывать ей.

Наступил март. Люди и животные, отощавшие за долгую зиму, обрадовались теплу. Беженцы-киргизы в борьбе с голодом распродали остатки своего скудного имущества и последний скот. Теперь у них не осталось ничего. В поисках пропитания они стали рассеиваться по окрестным городам и селам. Их одежда, сшитая еще до бегства, превратилась в лохмотья и висела клочьями, как шерсть овец весной. На дорогах то и дело попадались трупы распухших от голода киргизов. Исхудавшие, изможденные женщины и дети двигались, как тени. Из рук в руки передавались киргизские девушки и дети, проданные родителями в приступе отчаяния. Цена им – мешок чечевицы.

Не выжил и Кубат. Турпанцы не разрешили похоронить его около Батымы, а потребовали, чтобы родители купили для него могилу. Где же Кузубеку взять для этого денег? Они и

сами были накануне голодной смерти. И вот ранним утром Кузубек отнес труп сына к стене, окаймлявшей поместье богатого турпанца, выковырял в ней отверстие и положил туда мальчика. Так похоронил он своего сына Кубата.

Часть беженцев отправилась в Какшаал, где жили китайские киргизы. Кузубек хотел пойти с ними, но Сабит-ахун не отпустил его. Он потребовал уплаты несуществующих долгов. За щепотку чаю, за кусок хлеба, данный зимой, он теперь требовал денег. Кузубек упал перед ним на колени, умоляя снять долги, но Сабит-ахун оставался неумолим.

- Эй, жена, – обратился Кузубек к Айнагуль.
- Чего тебе?
- Требования Сабит-ахуна страшнее голода. Как быть?
- Откуда мне знать!
- А если продать Ажар? Тогда Сабит-ахун отпустит нас.
- Что ты! Опомнись! – ахнула Айнагуль.

Она вспомнила, как Батыма перед смертью поручила ей Ажар, умоляя заботиться о ней. Но выхода не было.

Сабит-ахун давно приметил красивое личико Ажар и решил во что бы то ни стало заполучить ее. И он достиг цели. Он дал за нее Кузубеку осла, три сээра денег, один пуд чечевичной муки и простил долги. Кузубек с семьей уехал в Какшаал, Ажар осталась среди чужих людей. Сначала она тосковала, плакала, но постепенно ознакомилась с жизнью в доме Сабит-ахуна и привыкла к ней.

Прошел год. Ажар исполнилось пятнадцать лет. За это время она очень похорошела. Был у Сабит-ахуна друг, старый дунган Чер. Однажды он увидел Ажар, и красота девушки поразила его.

- Отдай мне Ажар. Проси за нее что хочешь – отказа не встретишь, – сказал Чер.
- Мне лишнего не надо, – ответил довольный Сабит-ахун. – Верни издержки по ее содержанию, и я уступлю ее тебе.

Много насчитал Сабит-ахун. Припомнил все, что дал Кузубеку, а еще больше наговорил, чего никогда не было. Чер не возражал, молча – отсчитал шестьдесят сээров и взял Ажар. Он твердо решил под старость жениться на молодой девушке, чтобы видеть подле себя цветущую юность и в ее объятиях забыть приближение смерти.

III

Солнце склонялось к западу. Вершину Алатау окутывали облака, окрашенные заходящим солнцем в розовые тона. Бездонное, безграничное небо обняло всю землю.

По тропинке, ведущей к кладбищу, идут три женщины. Одна из них одета в шелковый пестрый чапан; платок спущен на плечи, на ногах ичеги и кауши; усталое лицо, под глазами большие черные круги. Она еле передвигает ноги. Это Ажар. А ее спутницы – местные женщины. Они остановились на краю кладбища, около могилы матери Ажар.

- Джаным, мама! – заговорила Ажар, падая на могилу.
- Джаным, мама, встань! Выслушай меня, мама, пожалей! Твою дочь отдают сегодня чужому человеку, отдают ему в рабыни. Спаси меня, возьми к себе. Я так много страдала после твоей смерти. Твой родственник, которому ты поручила мое воспитание, продал меня чужому человеку. Он обидел, измучил меня, мама! Мне смерть стала желанней жизни, но бог, давший тебе успокоение, не хочет взять меня к себе. Творец! Почему ты так сделал? Если ты существуешь, почему ты не избавишь меня от мук? Как я буду жить с человеком,

который старше моего покойного отца? Как мне избавиться от этого горя? У кого просить совета и помощи? Скажи, мама! Кроме тебя, мне не к кому идти.

А в доме Чера справляли свадьбу. Наступила ночь. Гости разошлись. Не обращая внимания на слезы Ажар, женщины ввели ее в помещение, приготовленное для «молодых», насильно раздели и уложили в постель. Ажар зарылась в подушки и громко зарыдала.

- Творец, зачем ты создал меня рабой? Неужели ты отдашь меня этому старику?

Ажар погрузилась в глубокую думу. Она вспомнила свое детство. В памяти всплыл родной Ала-Тай, прозрачный и сладкий, как мед, ключ, куда она ходила со своей матерью, дом родителей, безграничная степь, где она скакала на лошади с соколом в руке.

Особенно ясно вспомнила она отца, который часто брал ее к себе на седло, и мать, так нежно любившую ее.

А теперь, теперь! Что сулит ей жизнь? Сколько горя изведает она? Наступит ли минута радости? Ажар не надеется на счастье. Ведь она знает судьбу младшей жены. Еще с детских лет помнит Ажар младшую жену богача Алимкула, красавицу Айганыш. Тяжелой была ее жизнь. Айганыш носила хворост, таскала воду, стирала белье, смотрела за ягнятами, доила овец и кобылиц. Нередко палка байбиче гуляла по ее спине.

Вот такая же судьба ждет и Ажар. Ведь она третья жена старого Чера. Невольно Ажар сравнивает себя с Айганыш. Ведь ее жизнь будет не лучше, чем у Айганыш. Ведь она не встретит храброго джигита, каким был батрак Сатаркул, который увез молодую Сааракан, дочь богача Бурабая, просватанную Кожумкулу в младшие жены. Ажар увидела ее через год, когда вместе с мужем, Сатаркулом, приехала она в гости к отцу. Как счастлива была Сааракан! Как гордилась она своим мужем! Как он любил ее!

А что знает Ажар о жизни чужого ей народа? Здешняя жизнь, язык, обычаи непонятны ей.

Скрипнула дверь. В комнату вошел низенький человек, широконосый, рябой, с маленькими глазками, реденькой седой бородкой.

Ажар похолодела. Вот послышались приближающиеся шаги и сопение Чера. Руки, похожие на когти беркута, скользнули по одеялу. Холодное, как змея, жилистое тело улеглось на постели. Ажар скорчилась, хотела бежать, кричать, но силы покинули ее, – дыхание перехватило, сознание помутилось. Безжизненное тело попало в холодные объятия старика.

...Прошло шесть месяцев. Ажар потеряла для Чера прелесть новизны. Он меньше обращал на нее внимания, заходил к ней только раз в неделю. Две старшие жены Чера стали обращаться с Ажар как с рабой, они заставляли ее, исполнять всю грязную работу и награждали тумаками. Ажар измучилась, похудела. Жизнь ее с каждым днем делалась все тяжелее.

IV

Теплая майская ночь. Ясное звездное небо. Вся природа отдыхает, все спит спокойным сном. Легкий ветерок колышет молодые побеги. Только колотушка караульщика нарушает тишину.

Неслышными шагами вышла Ажар из ворот дома Чера. Испуганно оглянувшись по сторонам, она побежала.

Вот кладбище. Вот на краю его могила Батымы. Ажар в последний раз приникла к дорогой могиле. Потом встала и зашагала по степи.

Ажар пошла в сторону Какшаала. Она знала, что Какшаал находится на границе ее родины и там живут китайские киргизы. Там она надеялась найти приют и освободиться от ненавистного Чера.

На рассвете Ажар достигла купы деревьев, растущих на берегу Кум-арыка, и спряталась в их тени.

Взошло солнце. Все живое, спавшее ночью, проснулось от его ласковых лучей. Ажар пробыла в своем убежище до вечера. Тело ее ныло, израненные ноги болели. Голод с каждой минутой делался все сильнее и сильнее. И все же вечером Ажар поднялась, чтобы продолжать путь.

Прошло много времени. Приближалось утро. Заалел восток. Ажар успела пройти область Турпана. Теперь она шла по пустыне, лежащей на границе Какшаала. Здесь нет тенистого убежища, нет ни капли воды. Лишь кое-где растут кусты саксаула. Кругом пески. Тело Ажар отяжелело, ноги с трудом передвигались по глубокому песку. Долго шла Ажар, но силы покинули ее, и она упала на песчаный холм. Высоко поднялось солнце. Песок накалялся. С трудом доползла Ажар до куста саксаула. Но жаркие лучи солнца проникли через редкие ветви кустарника. Они жгли тело Ажар. Жажда мучила ее все сильнее и сильнее.

– Каплю воды! Один глоток, и смерть была бы для меня легкой! – простонала Ажар.

Но какая вода в песчаной пустыне? Нет воды! Чтобы добраться до источника, нужно идти целую ночь!

Полуденные лучи солнца вертикально падали на раскаленный песок. Зной усиливался с каждой минутой. С каждой минутой усиливались страдания Ажар. Но жизнь дорога человеку! Несчастная сняла с себя чапан и набросила на ветви саксаула.

Подул холодный ветер. Белые облачка, как барашки, кружатся в небе. Ветер гонит и кружит их вокруг вершин Тянь-Шаня. Иногда облако закрывает заходящее солнце, отбрасывает тень на безлюдную, безграничную пустыню Какшаала.

Пустыня охвачена тишиной... Тень облака падает на куст саксаула, под которым лежит Ажар. Ветер щекочет Ажар, играет с ней, будит ее.

Ажар поднялась и снова пустилась в путь.

Сумерки сгущаются, приближается ночь. Давно скрылось солнце. Выплыла бледная луна, окутанная золотым сиянием. Ее серебряный свет разогнал глубокую темноту, осветил молчаливую пустыню. И пустыня, как дитя, улыбающееся сквозь слезы, обрадовалась сиянию луны. Она раскрыла свои объятия, дала дорогу Ажар.

Ажар все шла и шла... Вдруг она услышала за собой какое-то завывание. Вой приближался, делался все явственней. Ажар встрепенулась, сердце ее неспокойно забилось.

Стая голодных волков окружила Ажар. Они были настолько худы, что ребра их явственно выделялись из-под всклокоченной шерсти.

Ажар охватил ужас... Она стала поднимать попадающиеся по пути камни и швырять их в волков. Страх придал Ажар силы. Она побежала, забыв про израненные ноги. Но разве отступит жестокий враг? Волки окружили Ажар со всех сторон... Но вот Ажар достигла куста саксаула. В ее голове мелькнула мысль, слышанная в детстве от матери: «Волки боятся огня». Она судорожно обыскала себя, нашла в кармане чапана неполную коробку спичек.

Быстро зажгла Ажар спичку. Напуганные светом, волки немного отступили. Спичка догорела. Волки снова стали приближаться. Обезумевшая от страха Ажар зажигала спичку всякий раз, как волки повторяли попытку приблизиться к ней. Вдруг коробка выскользнула из дрожащих рук девушки, спички рассыпались... Ажар подняла коробку, в ней уцелела одна спичка.

Как молния, пронзила Ажар мысль поджечь саксаул. Она поднесла спичку к кусту, и он, высохший от зноя, вспыхнул, как порох. Языки пламени поднялись к небу.

Волки отступили. Ажар вздохнула свободнее. Вся ее надежда, ее спасение заключались в этом огне. Ее жизнь зависела от него. Потухни огонь – потухнет жизнь Ажар...

А пламя, между тем, стало утихать. Снова с воем стали приближаться волки. Они окружили Ажар плотным кольцом.

Последняя надежда покинула девушку. Земля, ветер, трава, горы, камни – все стало казаться ей врагом. Но Ажар не желала сдаться без борьбы. Голыми руками стала она разбрасывать тлеющие головни, но волки осмелели и с визгом и воем бросились на девушку...

Предсмертный стон Ажар, полный безысходного страдания, огласил пустыню.

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ ВЕЛИКОГО ПОЭТА

А. С. Пушкин – великий русский национальный поэт, гениальный создатель новой русской литературы. Это с исключительной силой подчеркнул великий критик Белинский, заявив: «Пушкин был более национальный русский поэт, нежели кто-либо из его предшественников», «общий голос нарек его русским национальным поэтом».

Высокую оценку выдающейся роли Пушкина в русской литературе дал великий революционный демократ Н. Г. Чернышевский.

«Он первый возвел у нас литературу в достоинство национального дела», – писал о Пушкине Чернышевский.

Эту оценку творчества Пушкина разделял и... писатель А. М. Горький. Он писал, что «гигант – Пушкин величайшая гордость наша и самое полное выражение духовных сил России».

Полное любви и радости жизни творчество Пушкина правдиво, смело и глубоко отобразило жизнь, оно пронизано пламенной любовью к родине, к родному народу...

Пушкинское творчество, чудесно отображая черты характера великого русского народа, было в то же время глубоко интернациональным. Великий поэт писал не только для русского народа, но и для всех национальностей, относясь с большим уважением к их культуре. В своих произведениях Пушкин с особой силой выразил отрицательное отношение к угнетению народов, к колонизаторской политике царизма. Великому русскому поэту были дороги трудящиеся всех национальностей, дорог каждый язык, каждая культура. Он был подлинным другом народов своей страны и всего мира, народов больших и малых. Неизвестный автор листовки, выпущенной до революции в связи со столетней годовщиной со дня рождения поэта и конфискованной царским правительством, с особой силой подчеркнул эту сторону творчества поэта, заявив, что Пушкин, «написав сто строк, не написал ни одной, которая могла бы обидеть какое-либо племя».

Пушкин неизменно интересовался творчеством тех национальностей, с которыми его сталкивала судьба.

В Крыму, на Кавказе, в степях Заволжья – всюду, куда забрасывала Пушкина его тревожная судьба, он присматривался к местным обычаям края, размышлял о правах и обязанностях России по отношению к многочисленным, населяющим ее народам и отражал это в своих чудесных произведениях. Поэтому Пушкин не только великий русский народный поэт, но для своего времени и гениальный организатор духовной связи между русским народом и другими народами России. Ясно представляя значение этой стороны своей деятель-

ности, Пушкин пророчески угадал, что его творчество будет служить как бы воротами для всех национальностей в великую культуру великого русского свободолюбивого народа. Эта мысль ясно выражена в чудесном предсмертном произведении «Памятник».

Образы нерусских народов царской России в пушкинском творчестве занимают не последнее место. Признавая полное право на жизнь и свободное развитие этих народов, великий поэт рисует их, как активных борцов против самодержавия – душителя свободы этих народов.

В «Капитанской дочке» Пушкин описывает трагедию одного башкира. Царские палачи за участие в восстании против самодержавия вырезали у него нос, язык, ухо. Несмотря, однако, на эти страшные следы пыток, башкир остается твердым в своей ненависти к угнетателям, горя желанием отомстить поработителям своего народа. Лютая ненависть к самодержавию только утроила его энергию: изуродованными руками он вешает капитана крепости Миронова, видя в нем представителя ненавистной царской власти.

В этом произведении симпатии Пушкина не были на стороне «бунтовщиков», однако поэт воссоздает правдивый образ Пугачева, как благородного мужественного человека, стоявшего во главе крестьянского движения. Впервые в русской художественной литературе вождь народного восстания был изображен без предвзятого мнения, не как романтический разбойник-дикарь и государственный преступник, а как гордый, свободолюбивый человек и крестьянский вождь.

Пугачев – яркая индивидуальность: человек жесткий, но великодушный, необычайно мужественный, с непреодолимым стремлением к свободе. Он лучше согласен умереть, чем жить в неволе.

Кровная связь с народом – вот в чем секрет силы Пугачева. «Весь черный народ был за Пугачева», – писал Пушкин. Его воззвание к яицким казакам, по словам поэта, «есть удивительный образец красноречия».

Другого вождя крестьянского восстания Степана Разина Пушкин назвал «самым поэтическим лицом русской истории». Великий поэт в течение нескольких лет подряд собирал народные песни и легенды о Степане Разине и подготовил к изданию целый сборник. Как известно, шеф жандармов Бенкендорф, выражая мнение царя, написал резолюцию о том, что эти песни «по содержанию своему не приняты к напечатанию». И лишь спустя почти сто лет, только в условиях советской власти, по-настоящему могло развернуться задуманное Пушкиным изучение народного фольклора о Степане Разине и Пугачеве.

Описывая борьбу кавказских народов против царизма, Пушкин дает яркую картину, рисующую удаль и отвагу свободолюбивых горцев:

Эй, казак! Не рвися к бою:
Делибаш на всём скаку
Срежет саблею кривою
С. плеч удалую башку.
Мчатся, сшиблись в общем крике,
Посмотрите! Каковы?
Делибаш уже на пике,
А казак без головы.

В поэме «Цыганы» Алеко, враждебно относящийся к людям своего народа, бежит к цыганам, которые представляются ему олицетворением вольности, свободы. Идеал Алеко

–вольность. Однако в основе этого идеала Алеко было стремление получить свободу только для себя, остальных он по-прежнему считает рабами. И гордые, хотя и некультурные люди, движимые подлинной любовью к свободе, говорят Алеко:

Оставь нас, гордый человек,
Мы дики, нету нам законов,
Мы не терзаем, не казним,
Не нужно крови нам и стонов,
Но жить с убийцей не хотим,
Ты не рожден для дикой доли,
Ты для себя лишь хочешь воли,
Ужасен нам твой будет глас.

В «Путешествии в Арзрум» Пушкин очень высоко расценил художественную культуру грузинского народа. Цитируя сложенные грузинами мифические песни, поэт подчеркивал, что творчество этого талантливого народа, несомненно, развернулось бы еще ярче, если бы он был свободен.

Интернационализм поэзии Пушкина роднит его со всеми народами мира. Пушкин одинаково дорог, близок и любим всеми народами великой нашей Родины. Творчество поэта поэтому оказало и оказывает большое влияние на развитие многонациональной литературы нашей страны и в том числе на развитие киргизской литературы.

Киргизские писатели безгранично любят Пушкина, глубоко изучают его, любовно переводят произведения великого поэта на родной язык.

Как известно, киргизы до революции не имели своей письменности. Это не давало им возможности читать на своем родном языке творения писателей великого русского народа. Но, несмотря на это, некоторые представители нашего народа знали Пушкина через татарские переводы.

Вот что рассказывает об этом один из старейших киргизских учителей, крупный знаток эпоса «Манас» Ибрай Абдурахманов:

«В первые годы нашего века я учился в школе в городе Пржевальске. Я и мои товарищи, не имея изданий на своем родном языке, жадно читали татарские издания, в которых печатались переводы произведений классиков русской литературы и в том числе великого Пушкина. Тогда мы впервые познакомились с такими шедеврами Пушкина, как «Капитанская дочка», «Дубровский», с его социальной лирикой».

После окончания школы Ибрай Абдурахманов стал учителем в киргизской школе, где он знакомил своих шакиртов (учеников) с творчеством Пушкина. Часто по вечерам он рассказывал старикам-киргизам о жизни и трагической смерти великого русского поэта. «О, благородный человек! Он стал жертвой царя и его слуг!» – говорили слушатели, выражая сочувствие русскому певцу свободы и дружбы между народами.

В районах, расположенных рядом с Казахстаном, киргизам были известны в устном распространении «Письмо Татьяны к Онегину» и «Ответ Онегина Татьяне» в переводе классика казахской поэзии Абая Кунанбаева.

Таким образом, произведения Пушкина были известны еще до Октябрьской революции через переводы на языки братских и родственных по языку нам народов. Стихотворения Пушкина будили сознание отсталого, угнетенного киргизского народа, рождали в нем стремления к сближению с великим братом – русским народом.

Киргизский народ, как и все народы нашей необъятной Родины, может с радостью и гордостью сказать, что он в условиях советского строя не только приобщился к великой русской культуре, но и с большим размахом осваивает ее, она стала для него родной культурой. Наш народ сегодня читает на своем родном языке все основные произведения величайшего поэта России Александра Сергеевича Пушкина, наши ученые – литературоведы в своих научно-исследовательских учреждениях изучают его жизнь и творчество, наши поэты считают себя учениками Пушкина.

Современные киргизские писатели росли и воспитывались под благотворным влиянием культуры русского народа, на произведениях классиков русской литературы и, в том числе, гениального Пушкина.

– Я учился писательскому мастерству и реализму у Пушкина, Чехова и Тургенева, а социалистическому реализму у Горького и Шолохова, которым я обязан своими скромными творческими успехами, – говорит лауреат Сталинской премии писатель Тугельбай Сыдыкбеков, выразив мнение всех киргизских писателей. Наши писатели учились у русских классиков и, в первую очередь, у Пушкина настоящему гуманизму, воспеванию глубокой человечности, радостей и горестей человеческой души, раскрытию мира природы в сочетании с внутренним миром человека.

Глубокое изучение и проникновение в произведения Пушкина способствовали росту поэтического мастерства наших писателей, обогащению киргизской литературы новыми жанрами, новыми формами, высоко подняли художественную выразительность их произведений. Влияние творчества Пушкина можно проследить в творчестве большинства писателей Киргизии, начиная с Токтогула.

Великий киргизский поэт-демократ Токтогул 10 лет своей жизни провел в царской ссылке в Сибири, где сблизился с русскими революционерами – политическими ссыльными.

У нас, к сожалению, нет документальных данных, говорящих о том, что Токтогул был знаком с творчеством Пушкина. Однако социальная лирика Токтогула, созданная им после побега из ссылки, лирика, направленная против угнетателей народа – баев, манапов, мулл и ишанов, продажных слуг царизма, по духу очень близка манере социальной лирики великого русского поэта. Это дает основание думать, что русские политкаторжане познакомили нашего великого акына с творениями великого поэта.

В первые годы своей литературной деятельности Тугельбай Сыдыкбеков написал поэму «Капкакбай» по сюжетам киргизских сказок. В этой поэме, написанной под влиянием сказок Пушкина, автор реалистически показал алчность, жадность, скупость и хитрость богача Капкакбая. В образе этого богача читатель ясно видит многие черты образов, навеянных пушкинской «Сказкой о рыбаке и рыбке».

Ярко и образно выразил любовь киргизского народа к Пушкину в своем стихотворении «Друг» поэт Джоомарт Боконбаев.

Он с нами поет по-киргизски,
Стихи его учит татарин,
Узбек ему внемлет, как близкий,
И каждый ему благодарен.
О Пушкин! В кипучей борьбе
Твой образ влечет нас к тебе.
Ты в песнях ашугов, акынов,
Джирши и шаиров народных,

Ты – гордость людей-исполинов,
Ты – гордость потомков свободных,
Дунганин, казах и таджик
Познали твой дивный язык.

В творчестве Боконбаева сказалось влияние пушкинских приемов и средств художественного выражения. Стихи Боконбаева о четырех временах года, о красоте, о любви и дружбе были написаны под прямым влиянием великого поэта.

Пушкин, воспевая чистую любовь к женщине, её красоту, осуждал несправедливое, грубое отношение к женщине, осуждал социальные отношения, порождающие эту несправедливость и гнет.

У него мать, прощаясь со своим незаконнорожденным сыном, говорит:

Ты спишь! Позволь тебя, несчастный,
Прижать к груди в последний раз.
Закон неправедный, ужасный
К страданью осуждает нас.

С этими мотивами Пушкина перекликаются такие стихи Джоомарта Боконбаева об угнетенной в прошлом женщине, как «Жибек Самай», «Камчи Тогы», «Турмуш Челу» и другие.

Влияние лирики Пушкина сильно сказалось в творчестве народного поэта Киргизии Аалы Токомбаева. Философская лирика пушкинских стихов: «Воспоминание», «Брожу ли я вдоль улиц шумных», «Анчар», «Телега жизни» – наложила отпечаток на такие произведения Аалы Токомбаева, как «Турмуш Арабасы» («Телега жизни») и ряд других стихотворений, манера пушкинского эпического письма видна в поэме Токомбаева «Мудрец Улумкан».

О своей учебе у Пушкина видный киргизский поэт Темиркул Уметалиев рассказывает:

– На школьной скамье, в стенах Джалал-Абадского педучилища, я познакомился с «Полтавой» Пушкина и мне открылся огромный мир поэзии. Потом я жадно стал читать «Евгения Онегина», повести, драмы, стихотворения Пушкина и понял, что Пушкин – вершина поэзии. Я стал писать стихи, стараясь подражать Пушкину, его форме, стихи перекрестной и парной рифмой, которые в киргизской поэзии тогда еще отсутствовали. В этой форме написаны мои стихи: «Сталин – наш отец», «Богатыри», «Разговор с Черным морем».

С особой яркостью мир гениальной поэзии Пушкина открылся поэту Уметалиеву в работе над переводами произведений Пушкина на киргизский язык. Взволнованный силой обаяния Пушкина Уметалиев написал стихотворение, посвященное великому поэту:

Ты звезда моей светлой прекрасной мечты,
Мой учитель и друг, и наставник мой – ты.

Большим событием в киргизской литературе явился новый перевод «Евгения Онегина», выполненный Алыкулом Осмоновым. Эта работа, явившаяся результатом учебы у Пушкина, оказала большое влияние на творчество А. Осмонова. В стихах Осмонова, посвященных современному киргизскому колхозу, чувствуется стремление сохранить пушкинскую музыкальность стиха, яркость образов, точность и краткость в выражениях чувств.

Творчество Пушкина оказало благотворное влияние на представителей устной поэзии Киргизии – акынов. Они улавливают в переводах пушкинских стихов родственные им мо-

тивы, находят в них чудесный источник для вдохновения при создании песен, посвященных прославлению героической жизни и труда народа.

Народный акын Алымкул Усенбаев в песне «Великий Пушкин» говорит:

Ты радостью вечной служишь для нас,
Чудесными песнями радуя нас.
Взяв в руки комуз и волненьем объят,
О, Пушкин, я песнею славлю тебя.
И вместе со мною, во славу твою
Акыны Киргизии песню поют.

Творчество бессмертного поэта входит, таким образом, в золотой фонд киргизской литературы.

Юбилей Пушкина является праздником для всего киргизского народа. Творчество Пушкина – учителя киргизских поэтов – проникает в самые отдаленные уголки республики, становится еще более близким и родным киргизскому народу.

Молодая киргизская советская культура и особенно литература, обогащенная гениальным творческим наследием Пушкина, будут еще быстрее двигаться вперед и расти...

ÑËÎÂÎ ÎÁÀÂÒÎÐÅ

***

«Ажар» украшает не только творчество Баялинова, но и всю киргизскую реалистическую прозу. Киргизские читатели любят и высоко ценят это произведение...

В одном из номеров газеты «Эркин Тоо» в 1927 году появились первые главы повести Баялинова «Ажар». С тех пор эта повесть издавалась много раз, переведена на десятки языков. С большим волнением автор рассказывает о печальной судьбе девушки, которая со своими родителями бежала в Китай в 1916 году.

К. Бобулов

***

Как и всякий серьезный художник, К. Баялинов стремится придать создаваемым образам наибольшую жизненность, реалистическую убедительность. А это значит для него – прежде всего видеть и отображать действительность во всей ее полноте, многообразных проявлениях сложности. Писателем создана галерея живых и ярких образов, воплощающих в себе лучшие черты своего народа – его ум и доброту, простоту и человечность. В этой галерее –трагическая и обаятельная Ажар, умная и отзывчивая Айша, легкомысленная и шаловливая Джамиля, мудрый работяга Тойчубек, умелый и настойчивый руководитель Джапар.

В лучших своих вещах писатель достиг добротной реалистической простоты художественной формы, во многом облегчившей путь его книг к сердцу читателей... Однако главным все-таки в творчестве писателя является его открытый гуманистический пафос.

Б. Керимжанова

***

Стихотворение Лермонтова «Три пальмы» в переводе К. Баялинова, написанное новым размером, явилось для меня настоящим откровением. С тех пор передо мной всё новые и новые богатства, всё бесконечное многообразие русской поэзии.

Аалы Токомбаев

***

В биографии Касымалы Баялинова часто стоит слово «первый»... Он представлял первый –в начальный период еще малочисленный – отряд новой киргизской интеллигенции, из рядов которой вышли затем известные в республике и во всей стране творческие работники, педагоги, ученые.

В числе первых переводов русской литературы на киргизский язык – стихотворение М.Ю. Лермонтова «Три пальмы». Перевод принадлежит Касымалы Баялинову.

Киргизская литература для детей и юношества открывается сказками Касымалы Баялинова «Ласточка и змея», «Лисица и сурок».

Он продолжил глубокую и обильную борозду, поднимая целину киргизской художественной прозы. Его талантливая книга «Ажар» стала этапным явлением киргизской советской литературы... Она возвестила всему миру о первых шагах литературы народа, еще недавно не имевшего своей письменности... Более чем за полвека Касымалы Баялинов создал десятки различных художественных книг. В его наследии выделяются повести «Долина Курмана» и «Счастье», роман «На берегах Иссык-Куля», многотомная эпопея **о** преобразовании родного края, о духовной красоте людей труда...

М. Рудов

АЛЫ ТОКОМБАЕВ

ТАЙНА МЕЛОДИИ

За долгую дорогу мы подружились со стариком. Его чалая бородёнка, будто приклеенная, гармонировала с его невысокой фигурой. На вид старику было не больше пятидесяти пяти лет. За эту грань, судя по внешности, его годы вряд ли перевалили. Когда старик говорил, он, словно магнит, притягивал к себе внимание тех, кто его слушал.

Чего только не приходится переносить путнику в дороге! Нас настиг проливной дождь и град. Вспыхивали молнии. Идти было почти невозможно. Мы едва брели, поддерживая друг друга.

- Эх, и повезло же нам! Неужели будет хуже?.. Как бы ливень не разыгрался еще сильней, – произнес один из спутников.

- Пусть только забрезжит рассвет, ливень рассвета не любит, тогда и кончатся дождь и гроза. Ну и нечестивая буря! – засмеялся другой.

- Ливень нас не задержит. Рассвет уже обливает небо, – вставил я, скользнув глазами в сторону невидимых спутников.

Тут опять вспыхнула молния, и я поймал выжидательный взгляд моего спутника – старика.

- Отец, – сказал я, – твои проницательные глаза, видимо, заворожили мой взгляд. При свете молнии они сверкнули еще ярче, и я до сих пор ощущаю их властную силу. Так зачаруй меня теперь и силою твоего слова.

Один из спутников промолвил:

Скуку долгого пути и страх рассеивают рассказы, затейливые, как вышивка.

- Сказал бы я вам: «Начинайте рассказывать», да боюсь насмешки: он, мол, надевает свой чапан, начиная с ворота. Так ведь? Ну уж ладно. Я не откажусь начать, но и вы не упрямьтесь, когда очередь дойдет до вас.

И старик откашлялся.

Гроза с шумом проносилась над нами. Старик начал свою повесть.

- Жизнь человека падает на землю, как вспышка огня, и спешит угаснуть... Историю, о которой хочу вам рассказать, я узнал давно. Мне тогда было лет двадцать. Теперь, когда вереница моих дней достигла восьмидесяти лет, помню все ясно, хоть и стою уже у самого края жизни.

- Э-э, отец, ты еще не дожил до середины ее, ты еще и сто лет будешь держать жизнь прочно, как в своем кармане! – ободрил я его.

- Спасибо на добром слове. Но смерть ведь не считается с пожеланиями, – возразил старик и вернулся к начатому рассказу.

- Это было в самом разгаре лета. Солнце, подобное золотой чаше, начинало склоняться к своему пределу. Огненные лучи окрасили горизонт таким густо-багровым цветом, будто хотели поджечь его. Облака над заходящим солнцем, словно дым, величественным пожарищем окаймляли золотом угасающее пламя. А над ними постепенно сгущался трепетный сумрак мглистого покоя.

В ту пору года на джайлоо особенно привольно. Я ехал; высокая густая трава цеплялась за стремена; безвольно качались головки цветов, колеблемые ветром. Жара и долгая езда утомили меня. Хотелось прилечь отдохнуть, но мучил голод.

«Будь, что будет, – решил я, – поднимусь еще на тот перевал и, если там не будет аилов, лягу прямо в степи!» Я вскачь выехал на вершину. Перед моими глазами предстало множество аилов, разбросанных по отлогому склону. Они выступали пятнами на свежей траве новых кочевий, безбрежных, как море.

Я пустил коня во весь опор, как хабарчи подскакал к юртам аила, сгрудившимся на холме, и произнес салам.

От кучки людей быстро отделился смуглый джигит, опоясанный красным матерчатым поясом – куру, и принял у меня коня.

- Иди, сынок, иди сюда, – обратился ко мне сидевший в центре сборища желтолицый тучный старик и указал место по правую сторону от себя.

Беглый взгляд на одни его веки обличал в нем прежнюю удаль и силу – так выпуклы были они. Его глубоко запавшие глазницы напоминали собой колодцы, из глубины которых остро сверкали зрачки. Хищный нос, как могучий клюв, загибался к провалу беззубого рта. При взгляде на его полное лицо нельзя было сказать, что он очень стар, но оттопыренные, совершенно бескровные уши и острота хрящеватого носа сразу выдавали его возраст.

В руках старик держал комуз, сделанный из древесины урюка, по-видимому, давний спутник своего хозяина: до того он покраснел и залоснился от прикосновений. Тенкек комуза своей краснотой также говорил о долголетнем существовании.

- Удачлив ли был твой путь? – спросил меня старик, слегка бренча на струнах комуза, и начал тихонько напевать заунывную мелодию.

Слышал ли он мой ответ или нет, этого нельзя было узнать по его лицу. Казалось, что он всегда сидит вот так, в одном положении, никого не видя перед собой, ни о ком не думая, никого не слыша.

«Это, верно, чванливый гордец или выживший из ума старик», – подумал я. Но в действительности оказалось иначе. Старик как будто прочитал мои мысли:

- Сын мой, ты, видно, человек наблюдательный: прежде, чем разговаривать с путником, надо его угостить. Подай-ка сюда кумысу, – крикнул он и, подтянув колок комуза, вновь затянул свой печальный напев.

- Сын мой, ты, видимо, едешь издалека? Употребляешь ли ты насвай? – спросил меня старик, опять обрывая мелодию.

- Употребляю, отец, – сказал я, – но у меня сейчас нет табака. Посмотри мою чакчу. Мне нечем тебя угостить.

Но старик и не ждал от меня угощения, он вытащил из широкого узорного голенища рог-чакчу, высыпал себе на ладонь щепотку насвая и бросил чакчу мне на колени. Он подождал, пока я возьму в рот горстку, и только тогда уже высыпал свой насвай под язык. Потом тронул струны комуза и вновь затянул прежнюю мелодию.

Пока пили кумыс, старик раз десять повторил один и тот же мотив.

Была ли его песня неинтересна сидящим или они ее не понимали? Этого нельзя было угадать по равнодушным лицам окружающих. А старик, много раз повторив свой напев, снова обратился ко мне с вопросом:

- И-и, сынок! Здоровы ли твои сородичи? Ты, видно, собрался стрелять оленей? И-и, сынок! Каким ты искусством владеешь? – И он снова затянул свой напев. Казалось, все помыслы, все желания старика вращались вокруг этой единственной мелодии...

Понимали ли окружающие его люди мелодию или нет – для него было безразлично: сам он себя понимал, и, казалось, для него никого не существует.

Так и не удалось мне разгадать странное поведение старика. Внезапно он произнес:

- И-и, сынок! Войдем в юрту.

Закололи барана, мясо положили варить в казан, а старик все тянул свой мотив.

- Как называется эта песня, аксакал? – спросил я сидящего рядом со мной пожилого мужчину.

- Не знаю, и никто этого не знает, – отвечал он мне.

- Вы же из этого аила, как же вы не знаете? – настаивал я.

- Да, братец мой, – сказал он, улыбаясь, – я из этого аила, но я на пятьдесят лет моложе аксакала, и он не отвечает на мои вопросы. И нет среди нас такого, кто был бы ему ровесником и мог бы спросить... Поэтому никто ничего не знает о песне старика.

Эти слова еще больше подстрекнули меня. Во что бы то ни стало я должен узнать тайну этой мелодии! Старик как будто только и ждал этой мысли:

- Э-э, сынок! Умеешь ли ты играть на комузе? – спросил он, закручивая колки.

- Судьба не одарила меня этим искусством, чем я очень огорчен. Но слушать я могу без конца.

- Э-э, сынок! Всякая жизнь складывается по-своему. Если бы каждый достигал того, чего хотел, разве не стал бы весь народ святым? Разве осталась бы тогда горечь неудачи? – сказал старик, продолжая настраивать комуз.

Я не сдержался:

- Отец, я хочу задать один вопрос: разве желание одного народа в одном аиле для другого не свято? Не покраснею ли я от стыда, не получив от тебя ответа?

- Нет, сынок. Гость – это счастье. Кто пожалеет для гостя – пожалеет для аллаха. Получи, что просишь.

И он взялся за гриф комуза, застыв в ожидании, как беркут, выслеживающий пташку. Я сказал старику:

- Народу дорог доблестный батыр. Батыру дороги его народ и земля. Для них обоих драгоценно высокое искусство. Для меня таков твой напев. Но для меня он – загадка. Ты так печально поешь, а причина грусти неизвестна. Может быть, ты играешь эту мелодию уже несколько лет? И никто ничего о ней не знает. Если мой вопрос не причинит тебе боли, раскрой мне тайну твоей печали.

- Ах, нет, сынок мой, нет, – досадливо воскликнул старик. – Это не выйдет!

- Получи то, о чем просил, – вырвалось у меня.

- И все же я не могу тебе ответить. Эту тайну я храню уже семьдесят семь лет, с семнадцатой весны своей жизни. Я не смею раскрыть тайну напева никому, пока мучоль не обернется вокруг земли десять раз. Такую дал я клятву... Что делать? Пусть пропустит аллах эту клятву мимо себя: я страшусь мести мертвеца, не должен наносить я обиду и живому, – задумчиво промолвил старик.

Он вновь постучал чакчой о подошву расшитого сапога, высыпал насвай себе на ладонь и, угощая меня, сказал:

- Держи, сынок, руку. – Потом уставился взглядом в землю и несколько мгновений сидел молча.

Я сплюнул насвай, и старик приступил к рассказу.

- История моя на этом месте началась, на этом месте и кончилась, сынок. Это случилось в самую счастливую летнюю пору джайлоо, как раз вот в это время дня. Был я тогда ребенком. Всякий раз, когда жеребят спускали с привязи, я гнал их до самого родника. Постоянным моим конем была неоседланная каряя двухлетка. Никто не поручал мне гнать табун. То было детской забавой. Пригнав жеребят к водопою, я обычно не переправлялся на ту сторону источника, а ехал назад.

Однажды, когда я пригнал жеребят к источнику, спустился густой туман. Я довел табун до воды и поехал обратно, ничего не опасаясь. Вдруг передо мной появился рыжий могучий джигит верхом на белоснежном резвом скакуне и спросил:

- Чей это аил?

И не успел я ответить, как он схватил меня за шиворот, словно беркут куропатку, и сдернул с коня. Я не испугался – привык я к грубоватым шуткам друзей моего отца и подумал, что всадник – один из них. Но сильная рука могучей хваткой беркута так сжала меня, что кости мои заныли.

- Дядюшка, спине больно! – вскрикнул я. Он спокойно возразил:

- Ничего тебе не сделается!

Подняв полу чапана, он посадил меня сзади себя на свернутый халат, прикрепленный к седлу. Потом опять плотно запахнул полы своего чапана. Мне сдавило все внутренности, и сердце мое замерло от страха.

- Отец! – крикнул я, стараясь вырваться.

- Молчи! – приказал он, и еще плотнее запахнул чапан. – Если будешь плакать – убью! Замолчи, – повторил он.

Я умолк. Я понял, что стал пленником и спросил, всхлипывая:

- Байке, куда ты меня везешь?

- Ничего у меня не спрашивай. Если еще раз откроешь рот, то умрешь, – пригрозил он снова.

Больше я и не пытался заговаривать. И только всхлипывал время от времени.

Я не мог видеть ни всадника, ни дороги и не знал, куда меня везет похититель. Когда стемнело, сойдя с коня, он вынул из курджуна еду и накормил меня, по-прежнему не проронив ни слова.

И вот в тот час, когда народ отправляется на покой, мы прибыли в многолюдный аил, лежащий на возвышенности. Тут уж я не был закрыт чапаном и мог все видеть.

В самом центре аила выделялась большая юрта, белая, как скорлупа яйца. Джигит подъехал к небольшой кибитке с войлочным верхом, что была расположена несколько ниже центральной юрты, и кого-то позвал. Из кибитки отозвался чей-то голос, и на пороге появилась тень.

- Вот тебе обещанное. Прими, – вручил меня джигит, а сам поскакал дальше.

Юрта, куда меня ввели, стояла рядом с юртой именитого бая. Сморщенная, почерневшая старуха несколько минут испытующе рассматривала меня своими узкими прищуренными глазами и, наконец, ласково сказала:

- Сынок, ты, наверное, чей-то любимый ребенок. Не бойся, садись. И у тебя, верно, есть мать? Мать всегда страдает страданиями своих детей, радуется их радостями. Видно, тяжело ей теперь, но что делать? Таков уж обычай, сколько я ни живу на свете! – Старуха погладила меня по голове, поцеловала в лоб и добавила: – Покушай, мой кулун, покушай!

С этого дня и началась для меня жизнь раба. Жители аила пришли посмотреть на меня, Хотя я забился в угол, сидел, как запуганный зайчонок, каждый задавал мне вопросы, заводил со мной разговор.

Аил начал засыпать. Меня уже не опасались. Я не мог никуда бежать, это для всех было ясно.

- Подложи себе верблюжье седло и укройся вон тем кементаем, сынок, – сказала старуха. В юрте другой постели не было: ничего не поделаешь – лег. Разве сон – позор? Сколько я ни погружался в реку разных раздумий, все же уснул!

- Ой, бала, вставай!

От этого окрика я раскрыл сонные глаза. Уже рассвело. Нарядная юная девушка, наклонившись, смотрела на меня. Заплетенные в косички – по десять с каждой стороны – черные, как уголь, волосы колыхались волнами, спускались до самой земли, почти касаясь моей головы.

Оттого ли, что я крепко спал, мысль о моем рабстве на мгновение покинула меня, и я проснулся очень радостным.

- Откуда тебя привезли? Из какого ты аила? – спросила девушка, улыбаясь.
- Не знаю!
- Сколько тебе лет?
- Десять.
- У тебя есть братья и сестры? –Нет, я один!
- Тогда пойдем со мной. Ты будешь жить в моей юрте, – сказала девушка. Две женщины, сопровождавшие ее, не проронили ни слова. Они поправляли на спине девушки косы и о чем– то шептались между собой.

Пока я одевался, старуха сказала:

- Доченька! Ты тоже одинока, не мучай его, будь с ним поласковей. Ведь еще материнское молоко не обсохло на его губах, он тоже единственный сын своих родителей. От ребенка можно всего ожидать. Ребенок все равно что яйцо... неизвестное. Из яйца может выйти и ворона и сокол. Если мальчик будет батыром, то это счастье для нашего аила. Сделай его своим младшим братом, ненаглядная ты моя.
- Матушка, – ответила девушка, смеясь, – я последую твоим словам, сделаю его младшим братом, и ты мне скажи, если он будет выглядеть плохо. Как твое имя? – обратилась она ко мне, взяв меня за подбородок, так как я стоял, понурив голову.
- Зарлык.
- Айланайын... Ты, оказывается, единственное дитя – предмет чьих-то забот и огорчений. Отец и мать, видно, и сейчас несут на себе груз печали и горя о своем Зарлыке. Живи, сынок, не умирай, – сказала старуха и, погладив по голове, поцеловала меня в висок.
- Иди, мой кулун. Иди со своей сестрой! – прибавила она.

Дойдя до этого места рассказа, старик погладил седые нависшие брови и рассеянно забренчал на комузе привычную мелодию.

- Карья, оставил бы ты комуз и кончил рассказ, – обратилась к нему старуха лет шестидесяти.
- Ладно! Видно, и тебе захотелось послушать, – старик чуть улыбнулся и оставил свой комуз, прислонив его к неразгибающимся коленям.
- Если б не наш гость, твой рассказ ушел бы в могилу вместе с тобой, говори же! – настаивала байбиче.
- Уж ладно, старуха! Правду ты говоришь, – сказал он и, как бы желая проверить, слушает ли другая жена, насупясь посмотрел на нее.
- Рассказывай же, карья! Ведь не только наши просьбы не имели успеха, но когда тебя просила даже твоя ненаглядная корер-кез, что моложе твоей внучки, и тогда ты не рассказывал, – нетерпеливо промолвила его вторая жена, женщина средних лет.

Корер-кез – молоденькая смуглая красавица. Она слушала рассказ старика без особого интереса. Видно было, что маленькие тайны, о которых она время от времени шепталась со своими сверстницами, гораздо больше занимали ее.

Бывалый старик понимал это. И хотя страсти и волнения покинули уже дряхлое тело – душа его была задета таким безразличием, ревность была последним жалким отблеском прежних желаний.

- Думы корер-кез сейчас далеки от моего рассказа. Да ей он и не нужен, – сказал старик с горечью.

Корер-кез пропустила упрек старика мимо ушей. Старик продолжал свое повествование.

- Так вот! Шесть долгих лет провел я в услужении у девушки. Отец ее, именитый человек аила, был окружен особым почетом. У его дочери была отдельная юрта. Девушке прислуживал работник-малай и его семья. Я стал чайным прислужником девушки.

Жена работника – милая молоденькая келин – была искусна в словах, ловка в работе, как вихрь проворна. Мы подружились с ней. Но спал я не в юрте малая, а у порога шатра девушки.

То, что у порога ее юрты спал раб, считалось в то время особенно почетным. Этот обычай сейчас уже исчезает, сынок.

Кто и зачем меня сюда привез, – об этом я узнал от этой келин.

- Ты – раб, который вошел в калым этой девушки. Привез тебя сюда ее жених – могучий батыр. У него есть быстроногий скакун белой масти и меткое ружье – акчагыр. Отец девушки сказал джигиту: «Отдай мне одно из этих двух или приведи трех рабов». Джигит не дал ни коня, ни ружья, а привел ему трех рабов. Третий из них – ты, тех двух, что он привел раньше тебя, подарили двум именитым людям. Ты же, видно, под счастливой звездой родился: если б отдали тебя в подарок другим, ты погиб бы.

Иногда девушка, одевшись по-мужски, вместе с джигитами отправлялась верхом в степь. Из поездок привозили убитых оленей, архаров, волков, иногда и снежных барсов. Трудно было в пути разобрать – кому какая добыча принадлежит. Дележ происходил обычно по возвращении, в центральной юрте. Но я туда редко ходил. Меня туда не тянуло. Кроме того, эта сдержанность считалась добрым признаком скромности, а скромность раба всегда вызывала уважение в аиле. Говорили: «Он хоть и раб, но с достоинством, глаза у него не завистливые». Я радовался таким словам и всеми силами старался поддержать такое мнение о себе. Все, что происходило в большой юрте, чаще всего я узнавал от самой девушки. Для забавы ли, для легкого ли хвастовства или от жалости, когда ей не хотелось спать, она, лежа на своей постели, рассказывала мне разные вещи.

Я называл ее «ласковой тетей», а весь народ аила звал се «ласковой девушкой».

Жених девушки со своими друзьями время от времени приезжал и проводил несколько дней в ее аиле. Однажды, в самый разгар лета, джигит приехал опять. На этот раз он был один. Но, по старинному обычаю, ему, как гостю, отвели особую юрту.

По обыкновению, днем тетушки приводили девушку к жениху в юрту, а с наступлением вечера уводили ее обратно.

Тогдашние дети, сын мой, мужали раньше. До всего они доходили гораздо скорее. Я в эту ночь не спал. Когда аил начал засыпать, джигит пришел к своей невесте. Я не мог равнодушно видеть его, хотя весь народ называл его «батыром» и хвалил. Но в чем заключалось его богатырство, я до сих пор не знаю. Затаив дыхание, я прислушивался к их словам. Вскоре их разговор перешел в размолвку.

Каждый раз, когда девушка противоречила ему, моя душа радовалась: «Хоть бы она поссорилась с этим джигитом», – думал я про себя.

Их разговор до сих пор сохранился в моей памяти! – сказал старик и умолк.

Один из слушателей время от времени одобрительно покачивал головой и иногда вскрикивал: «Ну и чудеса!»

И на этот раз он закачал головой:

-Вот интересно!

Старик медленно тронул струны комуза, несколько раз провел по ним пальцами и продолжал рассказ:

- Эрке моя! Теперь калым уже весь выплачен. А отец твой опять выискивает препятствия. Не согласишься ли ты бежать? – сказал девушке джигит.

- Нет, мырза мой! Я единственная дочь моего отца, и пока не будет свадьбы, я не переступлю порога твоей юрты. А что еще затеял отец? – спросила девушка.

- Опять говорит: пока не отдашь коня или акчагыр, не отдам я тебе дочь.

- Умиротвори моего отца, отдай что-либо из двух. Отец мой никогда не отступит от своих слов.

- Нет! Ценой коня или оружия я никогда не возьму себе жены, – резко возразил джигит.

- Пока мой отец не получит того или другого, я не стану твоей, – оборвала джигита девушка. Разговор их продолжался недолго.

- Если я отдам коня или ружье, пусть лучше я возьму не тебя, а собственную мать. Гордость девушки была глубоко задета.

- Если ты не отдашь что-нибудь из двух, пусть лучше я достанусь собственному отцу, – сказала она. – Сам знаешь: у киргизов сильнее этой клятвы ничего нет.

Спор девушки и джигита все разгорался. Джигит, поднявшись, промолвил:

- Я заставлю тебя состариться в доме твоего отца: сам не возьму, и другому в жены ты не достанешься. Если вздумают тебя кому-либо отдать, то я разграблю твой аил вплоть до красных кереге. Тебя же посажу на лошадь без седла и сделаю своей рабыней.

Девушка не испугалась угроз:

- Если ты в течение трех месяцев не отдашь отцу ружья или коня и не придешь за мной, то я сама, по своей воле, выйду замуж хоть за раба. Если ты действительно мужчина, то мсти мне, а не аилу, ведь аил ни в чем не виновен.

– Если ты в течение трех месяцев не выйдешь за меня по доброй воле, то я увезу тебя, как вечную рабыню. Пока у тебя есть рассудок, опусти свой подол, – сказал гневно джигит.

- Если ты не сможешь сделать меня рабыней, пусть проклянет тебя мохнатая грудь земли.

- Если ты не выйдешь замуж, пусть тебя проклянет бездонное небо!

Они больше ни о чем не говорили. Джигит не стал дожидаться рассвета. В знак обиды и угрозы он уехал из аила в середине ночи.

После отъезда джигита девушка несколько дней ходила совсем безмолвная. Радость переполняла мою грудь. «Девушка не достанется ему!» – ликовал я. Но в то же время я думал: «Чьей же она станет женой?»

Однажды девушка приготовлялась ко сну, взбила подушки, встряхнула шелковые одеяла и тюфяки и сказала мне с улыбкой:

- Малютка мой! Ты ложись на средину, ближе ко мне. Постели этот джуурукан. – И она бросила мне стеганое одеяло.

- Возьми себе одну из подушек и взбей, – прибавила она

Я лег недалеко от ее постели. Внутри у меня что-то заклокотало. Но я не понимал – что? Девушка начала меня расспрашивать:

- Твой отец именитый человек? Ты знаешь, с какой стороны ты прибыл? Сколько дней пути отсюда до вас?

Мое сердце радостно забилось. Я начал преувеличивать знатность моего отца и на все вопросы отвечал: «знаю», если даже не знал.

- Ты не помнишь, во время тяжбы твой отец брал выкуп или сам платил? – спросила она.

- Знаю. Когда мне было восемь лет, вышла крупная ссора и драка, и на наш аил пал кун за убийство девяти человек. Мой отец ни за одного из этих убитых не заплатил. Народ нашего аила очень многочислен и силен. Он сам обвинил требующих уплату куна и угнал три

десятка голов скота и одну девушку. В другой раз тоже так получилось. У наших близких родственников была красавица-дочь. Отец ее жениха был очень богат, а жених – могучий батыр. Когда был выплачен калым, мой отец добавочно попросил у них знаменитого скакуна Керкунана. Но жених не дал его и пригрозил, что силой увезет девушку. Тогда отец рассердился, взял и отдал девушку другому человеку. Кончилось тем, что была крупная стычка, в которой погибло немало мужчин. Сторонники жениха были побеждены и примирились с отцом, отдав три девятки голов скота и одного раба, – так присочинил я.

Видно, девушка поняла мою ложь. Она звонко рассмеялась и спросила меня:

- Я хочу с тобой бежать. Ты любишь меня? Сумеешь меня спасти?

Оттого ли, что я вырос рабом, или по молодости, но я совершенно растерялся от ее слов. Однако я быстро оправился и, на миг вообразив себя свободным человеком, с достоинством ответил:

- Отчего ж не суметь? И я ведь джигит, и у меня есть род, хоть я и вырос, как дикий волчонок.

Я не хотел возвращаться в свой аил с пустыми руками, без богатства и славы. Девушка рассмеялась еще громче. Она прекрасно понимала и мою деланную храбрость, и непобедимое желание выбраться на свободу.

- Ты очень молод, но сердце у тебя мужественное. Ты будешь красивым и славным джигитом. Ты и умен. И все-таки, несмотря на это, ты сейчас немного торопишься, ничего не обдумывая. Правда ведь? – спросила девушка.

- Нет, я все обдумал, я правду говорю. Отчего не спасти девушку? – возразил я.

- Ладно уж, ты неправду говоришь, – промолвила она, высунула руку из-под одеяла и потрепала меня по подбородку. Я не выдержал: быстро схватил ее за локоть и лег рядом с ней. Девушка крепко-крепко прижала меня к себе.

Несмотря на юный возраст, я был рослым, как двадцатилетний джигит, сердце у меня было мужественное.

- Говорят, если раб разгорячится, то он и в колодец забросит удочку. Не подражай ему и не гордись пока. Иди теперь, ложись на свое место, – сказала девушка, отстраняя меня. Но я, не говоря ни слова, сильными руками продолжал прижимать девушку к своей груди. Случайная прихоть девушки сразу улетучилась. Может быть, заговорила девичья стыдливость.

- Я непременно буду твоей. Но лягу в твои объятья только тогда, когда приедем в твой аил, когда голова моя будет в безопасности. Теперь же твое желание не может исполниться. Наутро встань, поезжай к стадам и под этим предлогом осмотри дорогу, по которой тебя привезли. В табунах есть быстроходная верблюдица с медным кольцом в носу. Вот ее ты поймай и объезди, – сказала она.

- Которую? Не ту ли, что твой отец привязывает к своей юрте?

- Именно эту. Она самая быстрая из всех верблюдов – не копыта, а ветер. Мой отец боится, что ее привязывает ее к своей юрте и все время прислушивается к ее жеванию. Ты три дня тайком ее объезжай. На третью ночь, в самую середину, тихонько поднимись, пройди к юрте отца и отвяжи ее. Но повод запутай, будто она сама отвязалась.

Я не спрашивал, зачем все это нужно, но начал действовать по ее указаниям. В первую ночь, когда я отвязал верблюдицу и она недалеко отошла от юрты, вышел отец девушки и вновь привязал ее к юрте.

Когда я отвязал ее во второй раз, верблюдица отошла дальше. Отец девушки опять вышел, посмотрел и вернулся в юрту. Когда я отвязал верблюдицу в третью ночь, отец не выходил совсем из юрты, но наутро сказал:

- Как бы я ни привязывал Желмаяну, ничего не получается, она все время отвязывается и уходит. Видно, ее уводит покровитель Ойсулаты.

Я услышал его слова и замер.

- Что бы ни сказал отец о верблюдице, непременно все говори мне, – предупредила девушка.

Поэтому я немедленно передал ей слова отца.

- Это чудесно! Отец мой уже введен в обман, – сказала она. – Теперь, как только в аиле начнут засыпать, уведи верблюдицу в ложбину, навьючь на нее вот эти кошмы, а джуурканы привяжи сверху.

Мне казалось, что вечер тянулся целый месяц. Чудилось, что наша сокровенная тайна стала известна всему аилу.

В главной юрте были гости, поэтому улеглись там довольно поздно. Гости расположились у дверей. Это показалось мне счастливым предзнаменованием.

Месяц клонился к закату. Сытые гости быстро захрапели. Я взял верблюдицу и двинулся в лощину. Быстро спутав ей ноги, я вернулся в юрту девушки. Она торопливо собирала свои вещи.

- Скорее, как бы не наступил рассвет! – Она была одета по-мужски и подпоясана кушаком. Я отнес кошмы и джуурканы, навьючил верблюдицу и снова вернулся. Девушка с усилием тянула два больших курджуна и никак не могла перетащить их через порог. Я хотел поднять один, но не смог сдвинуть с места. Девушка засмеялась. Мы потащили вдвоем и кое-как снесли к лощине. Тут она тревожно воскликнула:

- О, кокуй! Ты плохо навьючил верблюдицу. Скорее все отвязывай.

Я быстро отвязал кошмы. Девушка переседлала верблюдицу, плотно привязала курджуны и сказала:

- Если ты не обидишься, я сяду впереди. Ты не умеешь управлять верблюдом, – и, не дожидаясь моего ответа, села на спину животного. Овцы, фыркая, начали подыматься и расправлять спины и ноги. Это было признаком близкого рассвета.

- Садись быстрее! – И девушка указала мне на петли аркана, сделанные наподобие стремян.

- Устроился ли ты? – спросила она.

- Устроился.

Сердце мое стремительно рванулось. Тогда мне думалось, что нас поймают прежде, чем мы выедем из аила. И я не в силах был ничего произнести, кроме: «Устроился».

- Крепко сиди, не бойся! – ободрила она меня и ударами камчи подняла верблюдицу. От толчка я чуть не выпал из седла. Было трудно понять – касаются ли ноги верблюдицы земли или она просто летит. Земля как будто переворачивалась. Внезапно, неизвестно откуда, налетел ветер, и из глаз моих полились слезы. Вдруг послышался резкий свистящий звук, подобный тому, который возникает при стремительном полете беркута, преследующего лисицу. Сначала я не понял, откуда он идет.

- Хорошо тебе ехать? – послышался голос моей спутницы.

- Да! – ответил я и тут понял, что свистящий звук происходит от нашего стремительного бега.

Совсем рассветало. Вокруг не было видно не только аилов, но даже скота. Я не узнавал мест, по которым мы ехали. Когда солнце поднялось на расстояние выстрела, девушка натянула повод верблюдицы. Но та продолжала нестись вперед, рассыпая во все стороны белую пену, и лишь потом замедлила бег. Пока солнце не достигло зенита, мы

ехали медленно. Затем снова понеслись как на крыльях. Когда же вечер начал спускаться на землю, мы прибыли на берег реки, связали верблюдице ноги и расположились поесть и отдохнуть.

- Если батыр погонится за нами, то настигнет нас не раньше завтрашнего утра. Кроме него, нас никто не сможет догнать. Если сумеем скрыться от батыра, то будем спасены. Но нужно довести клятву до конца. И если он настигнет нас – мы не должны бежать. Так ведь? – спросила она.

Я не смог произнести ни слова в ответ и только кивнул головой. Девушка улыбнулась, заметив мое волнение.

- Он ведь тоже человек, его искусство есть и у нас. Ты не бойся, если умрем, – умрем вместе! Хотя она сама затеяла все, что мне и в голову не приходило, и сама распалила во мне огонь любви, но и моя любовь обрела силу. Меня нисколько не страшила смерть, лишь бы погибнуть вместе. Я крепко ее обнял и поцеловал.

Наутро, по холодку, когда тени были длиннее, чем отбрасывающие их предметы, сзади показался высокий столб пыли.

- Эту пыль поднял батыр. Теперь наберись мужества, – остановила девушка верблюда и, взяв лук, сделанный из рога теке, начала натягивать его. В мгновенье ока батыр оказался рядом и крикнул:

- Бесстыдная! Теперь ты стала пленницей. Девушка повернула верблюда боком и ответила:

- Я исполнила свое обещание. Поворачивай коня, иначе погибнешь. И она начала прицеливаться, опершись на шею верблюда.

Когда он приблизился на расстояние выстрела, то взял в руки акчагыр и, остановившись, крикнул:

- Пока ты еще жива, иди ко мне! И придешь – сделаю рабыней, и убежишь – сделаю рабыней. Слышишь ты это?

- Послушай моего совета: вернись назад. Моя рука не поднимается на тебя. Я не хочу твоей гибели. Я только спасла свою честь, – сказала девушка.

Гордость не позволила джигиту подъехать ближе, и он резко приказал девушке:

- Подойди ко мне, поклонись! Я тебе сохраню жизнь, но сделаю вечной рабыней! Девушка как будто родилась для спора:

- Если ты не сможешь сделать меня рабыней, возьми свою мать вторично! – крикнула она и вновь погнала верблюдицу вперед.

Джигит взревел, как лев, раненный выстрелом:

- Погибни! Пусть твой грех падет на тебя! Погибни!

Зияющее дуло его ружья было устремлено на нас. Пока он целился, девушка остановила верблюдицу, поставила ее в прежнее положение и повторила еще раз:

- Возвращайся пока не поздно, моя рука не поднимается на тебя.

- Иди, когда я зову, или ты – моя вечная рабыня. Покоряешься или нет? Отвечай, собака!

И он, наведя ружье, ждал ответа девушки.

Вместо ответа она спустила стрелу. Правая рука джигита безвольно упала, как подрубленная.

- Прощай, ты не внял моему совету. Это будет тебе памятью навсегда. – И девушка вывела верблюдицу на дорогу.

Мы опять быстро помчались вперед. Джигит не долго мешкал из-за перебитой руки. Схватив в левую руку меч, раскрыв рот, он, как волк, помчался в погоню. Копыта его скаку-

на едва касались земли. Джигит мчался, ударяя коня тупой стороной меча. Девушка опять выпустила стрелу, оперенную, как горная ласточка. У летящего скакуна подкосилась передняя нога. Но разгоряченный конь не замедлил бега, и только приблизившись к нам, он споткнулся и упал.

Но джигит, успев соскочить с коня, побежал к нам. Его правая рука бессильно болталась.

Девушка, держа в руке лук, проговорила:

– Я выполнила одну мою клятву. Другую же прощаю из-за твоего мужества. Помни до самой могилы, что честь одинаково дорога и мужчине и женщине.

И мы снова двинулись в путь, – заключил рассказчик.

Когда старик дошел до этого места, ярко вспыхнула змейка молнии. Стало видно на миг, как старик рукой погладил свою бороду.

- Карыя, похоже, что ты открыл крышку сокровищницы слова. Мы и про грозу совсем забыли. До рассвета осталось немного, но ты уж, пожалуйста, доведи девушку и жениха до их аила, – попросил я.

Один из спутников прибавил:

- Эх, джигит, ну и мужчина! Да и девушка несравненная, чудесная! Если услышал эту повесть из уст очевидца, разве ее забудешь.

- Да и ты ведешь рассказ так, будто сам там участвовал, – сказал другой.

- Э, сынок. Те люди были особого рода. Мой рассказ и вполовину не так интересен, как его. Когда он рассказывал, весь народ сидел, раскрыв рты, а люди, о которых говорили, казалось, стояли перед глазами! – И старик снова принялся за свою историю.

- Джигит, обняв левой рукой шею своего коня, остался неподвижен посреди пустынной степи. Не замедляя шага верблюда, девушка сняла стрелу со своего лука, разломила ее и выбросила, не произнеся ни слова. Только тогда я понял, как непреклонна ее гордость.

Налетевший ветер, понемногу усиливаясь, покрыл широкую степь завесою пыли. Кто знает, может быть, эта пыль была смутным очертанием горя джигита?.. После трех дней пути девушка спросила:

- Посмотри-ка, Зарлык-джан! Вот эти горы не похожи на ваши?

- Мне эта местность кажется очень знакомой, и все же я ее не совсем узнаю. Немного погодя девушка сказала:

- Как бы нам не сбиться с пути. Должно быть, вот те туманные горы и есть ваши. – И она повернула верблюда в ту сторону.

С утра и до полудня мы ехали безостановочно и добрались до перевала. Я воскликнул:

- Эрке моя! Это наше джайлоо! Видишь, в начале вон того перевала густой лес, еще ниже – заросли камыша. На самой опушке леса расположен наш аил. Вот на том месте я стал пленником. Может быть, и сейчас аил стоит по-прежнему?

- В суюнчи я отдала себя. Теперь я до самой смерти в твоей власти, – отвечала девушка. Когда мы достигли вершины, нашим глазам открылись белые юрты, разбросанные на зеленом бархате лугов, как опрокинутые пиалы. От радости я закричал: –Вот наш аил!

- А ты не ошибся? –Нет!

Все мое существо затрепетало. Она посмотрела на меня в упор, сверкнув глазами, и сказала:

- Не спеши, джаным. Давай придем в аил, когда стемнеет.

Я согласился. Скоро мы достигли знакомого источника. Опустив верблюда на колени, мы начали умываться. Из аила слышались веселые крики играющих детей. Козлята, отбившись

от матерей, блеянием нарушали дремотный покой спускавшегося вечера. Мое сердце взволнованно билось, к горлу подступали слезы, радость не вмещалась в груди.

- Вот теперь я совсем твоя, милый! – Она поправила свои волосы, дала мне приготовленные ею одежды и начала одеваться в свои наряды. В молочно-туманном свете луны ее смутно белевшее нежное тело показалось мне особенно красивым.

Я оделся раньше и поцеловал ее в щеку. Ее запах, подобный гвоздике, до сих пор памятен мне... Маленькие упругие губы, нежные, как у грудного ребенка, заставляли трепетать все мое тело.

Средняя жена старика в этот миг раздраженно сморщила нос, досадливо втянула губу и сказала:

- Не отклоняйся от рассказа!

Но старик не слышал ее слов и продолжал:

- Пока мы приводили себя в порядок, смолкло блеянье козлят, затихли крики ребятишек.

- Теперь, милый, отправляйся в аил и узнавай – здоровы ли твои. Если отец и мать живы, то насыть их радостью. Потом возвращайся за мной. Если мы появимся вдвоем, это будет против обычая, – сказала она.

Когда я бегом достиг аила, на меня с лаем напали собаки, послышались окрики чабанов, и несколько человек вышли мне навстречу.

- Ты кто? –Я – путник!

- Куда идешь?

- К Чоро. Жив ли он, здоров ли еще?

- Сам-то Чоро здоров, но глаза его ослепли, – молвил один.

- Старуха его жива ли?

- Жива-то – жива, да не встает с постели. Она потеряла силы с горя после пропажи единственного сына, – сказал второй.

- Тогда, друзья, поведите меня к ним, я – их пропавший сын.

- Суюнчи, Чоро! Суюнчи! Твой Зарлык вернулся! – И койчи, перебрасываясь взволнованными словами, потащили меня по направлению к дому. Оттуда выскочили какие-то люди, с радостными возгласами окружили меня и ввели в юрту...

Мой отец стоял посреди юрты и весь дрожал, опираясь на палку. Я крепко обнял его. Вся родня сгрудилась вокруг и чуть не задушила меня в своих объятьях.

- О мой кулун! – послышался бессильный голос матери, и ее изможденное лицо медленно повернулось ко мне.

Когда я молящим голосом произнес: «Анаке!», её худая рука протянулась ко мне. Но не дотянулась, бессильно упала на постель... Больше она не пошевелилась, не произнесла ни слова. Я смочил горячими слезами холодную грудь моей матери...

Мой отец взволнованно сказал:

- Твоя мать была рада... Она слышала твой голос, дитя моё!

В суматохе и радости я забыл обо всем. Когда луна поднялась к средине неба, отец мой спросил:

- Ну, сынок, как ты прибыл? Где ты был? Только тогда я вспомнил про девушку.

- Атаке, я расскажу про это потом. Я привел вам сноху. Она ждет меня у источника. Весь народ окружил меня, и, оглашая тишину звонкими криками, мы двинулись к источнику. По пути древняя старуха обрызгала меня водой и, наполнив чашку снова, пошла с нами вместе. Но у источника не оказалось ни девушки, ни верблюда...

- Как же так? – удивился один.

- Верно, она испугалась и пошла поближе к аилу, – сказал другой, смотря на меня.

- Что это там лежит? – крикнул третий, указывая на какую-то шевелящуюся в темноте массу. Старики остались, а мы все побежали туда.

Тот, что добежал быстрее всех, крикнул:

- О, кокуй! Кажется, тут неладно! – Помолчав минуту, он вновь воскликнул: – Беда! Ее растерзал джол-барс...

Девушка лежала, защищая голову рукой, без признаков жизни. Верблюдица, еще полуживая, терлась шеей о землю, дергая ногами. Я упал, обняв девушку...

...Вот, сынок, с тех пор этот печальный напев и стал моим постоянным спутником. Этот мотив живет только во мне и исчезнет вместе с моей смертью. Вот тайна моей мелодии, сынок! – заключил он.

Наутро старик повел меня с собой и показал могилу девушки.

- Вот, сынок! Девушка покоится здесь. Я не дал раскрыть ее курджуны и похоронил их вместе с нею. Что в них было, не знает никто, кроме могилы. Посмотри, сынок! Никто не догадывается, что это могила. Так себе, невысокий холмик, покрытый зеленым дерном. А скоро и совсем с землею сравняется... Мне теперь 108 лет. Вскоре и я туда отправлюсь.

И он с каким-то радостным волнением сел на холме.

До сих пор образ этого старика, как живой, стоит перед моими глазами. Кажется, что он уже отправился вслед за девушкой... Да и жених-батыр, верно, давно уже повстречался со своей несговорчивой невестой! – так закончил старик свой рассказ.

Гроза утихла. Наступил рассвет... Мы расстелили наши мокрые одежды на солнце и сели, приготовившись слушать другой рассказ старика.

О ВРЕМЕНИ, О СЕБЕ

Биография поэта – его стихи. Они плод глубокого размышления о времени, в котором творит и живет поэт, о мире, его окружающем. Поэтому в большой поэзии, мало случайных слов, ибо каждое пропущено через сердце, готовится исподволь, всей жизнью.

Удивительное свойство человеческой памяти. Ее можно сравнить с полетом беркута, что, распластав широкие крылья, кружит неторопливо, поднимаясь в восходящем потоке. Так и с высот памяти четче видится прошлое и настоящее выглядит рельефнее.

...Далекий 1916 год. Тысячи киргизов, спасаясь от притеснений царских сатрапов, подались через горы за рубеж. Многие, так и не обретя там приюта, погибли от голода и болезней. На далекой чужбине, одолев высокие перевалы, и нашла нас весть, что в России нет больше царя. В год Великого Октября вместе с обездоленными соплеменниками возвращался я на родину. Домой!

... В семнадцать лет я впервые взял в руки карандаш и начал выводить корявые буквы. И когда научился писать, излагать мысли на бумаге, захотелось выразить главное чувство, захватившее мой народ, меня самого – чувство огромной благодарности и любви к народу великой России.

Благодатные долины раскинулись у высоких хребтов Тянь-Шаня. Но щедрым был этот край не для бедняка-киргиза. Веками жизнь его, быт оставались кочевыми. Свою историю киргизы вложили в великий эпос «Манас», передавая эту устную «память народа» из поколения в поколение.

Не раз задумывался: народ создал эпос, но не нашлось человека, который записал бы его прекрасные строки на лоскут пергамента или на лист бумаги. И по тому «порядку», который существовал тогда, не нашлось бы, наверное, еще долго. Всего три десятых процента киргизов были в то время грамотны.

С таким багажом вступили мы в новую жизнь. А уже через семь лет после Великого Октября, когда страна восстанавливалась после разрухи, вышла первая газета на киргизском языке.

Редакция газеты «Ак жол» («Светлый путь»), которая издавалась на казахском языке, поделилась с новой сестрой имуществом, передала ей все материалы о киргизах, что не успела опубликовать. Среди них было и мое стихотворение, его одобрил Осмонкул Алиев, первый редактор газеты.

7 ноября 1924 года мы, студенты Среднеазиатского коммунистического университета в Ташкенте, вышли на праздничную демонстрацию. Город бурлил. Разносчики газет выкрикивали заголовки (тогда еще не было киосков «Союзпечати»). И вдруг звонкий мальчишеский голос: «Покупайте! Новая газета на каракиргизском языке «Эркин-Тоо!». Мы с Тыным Уголбаевым, моим другом, ныне персональным пенсионером, купили свежий номер первой газеты на родном языке. Там было и мое стихотворение. Надо ли описывать нашу радость! Ведь нам было по двадцать лет. Это ощущение чуда храню в памяти до сих пор.

К страницам прошлого обращаюсь не случайно. Без письменности и грамотности нет и не может быть гражданина, хозяина страны. Одной из главных задач моего поколения было освоение, изучение великого русского языка. Он стал языком интернационального братства, помог нам увидеть мир, а миру – увидеть и узнать нас, киргизов. С ним в национальную киргизскую литературу пришли несравненный лиризм и простота Пушкина, яростный темперамент и новаторский дух Маяковского. С ним наша литература включилась в общий процесс развития советской литературы.

В этой связи не могу не вспомнить первый Всесоюзный съезд советских писателей. Нас от Киргизии было шесть делегатов: Джусуп Турусбеков, Мукай Элебаев, Кубанычбек Маликов, Джоомарт Боконбаев Касымалы Баялинов и я. Открытие съезда – своеобразное открытие мира. Вот они перед нами: Демьян Бедный, Алексей Толстой, Самуил Маршак и, конечно же, наш кумир Алексей Максимович Горький.

Обычно поэту, писателю нелегко так сразу указать ориентиры своего творчества. Как правило, их не один и не два. И все же человеком, авторитет, талант которого безоговорочно и навсегда покорил, стал для меня Горький. Все эти годы я думал о нем, учился у него. Не изгладятся в памяти несколько встреч с ним. И как бы далеко ни ушло время, обаяние личности, сила творчества Горького, постоянно греют меня. *Как счастлив я, Что мне дала судьба, Соприкоснуться с пламенем высоким. И с той вершины жизнь судить, Как Сокол, И не стыдиться смертного себя.*

Это строчки из поэмы «Красный мундштук», законченной мной недавно. Она посвящена М. Горькому, моему великому учителю в литературе.

Мне везло на встречи с умными, мудрыми людьми. Наверное, так может сказать каждый. Поэтому герои моих произведений – люди, что живут рядом, чьи судьбы, деятельность коснулись меня...

...Шел 1943 год. Далеко еще было до победы, но в Киргизии открывается филиал Академии Наук СССР. Один из его организаторов академик К.И. Скрябин сказал тогда, что филиал вступает в жизнь не в младенческом, а в юношеском возрасте, поскольку ученые Кир-

гизии разных специальностей проделали солидную, исследовательскую работу. А одной из наиболее важных задач он назвал создание в кратчайший срок местных научных кадров...

Духовная атмосфера братства животворным соком питает корни нашей литературы. Широко известны миру имена народного писателя Киргизии Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственных премий Чингиза Айтматова и детского писателя лауреата Государственной премии имени Токтогула и международной премии Андерсена Шукурбека Бейшеналиева. Любимы читателями народные поэты республики С. Эралиев, Т. Уметалиев, А. Токтомушев, К. Маликов, С. Джусуев, Т. Адышева, М. Абылкасымова и другие. Все мои коллеги, собратья по перу, стремятся своим трудом, своим творчеством достойно отметить день рождения республики.

Мне тоже бы хотелось внести свой посильный вклад. Сейчас работаю над пьесой. Она посвящена моим современникам, и, думается, будет актуальной. Черновой вариант уже готов. Но впереди еще много работы...

ДИАЛОГ О НЕСТАРЕЮЩЕЙ МОЛОДОСТИ

Интервью

... Человек страдает не от того, что происходит,
а от того, как он оценивает то, что происходит.
Монтень

Владимир Коркин – Известно, Аалы Токомбаевич, что поиск поэтом своей темы – одна из главнейших проблем творчества в целом, дело, на которое даже весьма одарённым в литературном творчестве людям порой не хватает жизни. Как Вы обрели свою тему?

Аалы Токомбаев – Тема – это судьба. А судьба – это голос, которым поёшь. Каждая певчая птица имеет свой голос и свою песню. Только скворец способен на все: петь и под соловья, под кенара, и под пишущую машинку... Конечно, аналогия эта несколько натянута, неприменима к человеку в полной мере, ибо он сам выбирает свою песню, а через песню – судьбу. Вот в этом именно, может быть, и заключена сложная простота творчества.

Что же касается поэтов моего поколения и меня лично, мы не выбирали, не мучились, не томились в поисках темы. Её нам диктовало время – время революции, духовного возрождения народа, ранее обречённого на вымирание, физическое и культурное истребление. Мы дышали воздухом свободы, пили его, как кумыс высокогорных джайлоо. Мы были счастливы. Счастливы впервые за сотни лет. И всё это рождало ощущение не только сопричастности к великой эпохе, но и чёткое осознание, что мы являемся строителями нового мира. А это, в свою очередь, наполняло нас чувством ответственности, жаждой борьбы и труда.

Что касается поэтического выражения этой темы, то она требовала поиска новых форм, языка, изобразительной пластики, потому что, оказалось, её нельзя было поднять с помощью средств только акынской поэзии: её традиционная поэтика словно бы распалась под высоким напряжением эпохи. Оглядываясь назад, сегодня видишь, что нечто подобное происходит и с поэтикой 20-30-х годов, которая в совокупности своей превращается в своеобразный «эпос», который служит материалом для сегодняшних поэтов. Грустно ли мне от

этого? Не знаю. Но знаю, что в своё время эти стихи «отработали» честно. А лучшие из них стали фундаментом современной киргизской поэзии.

В.К. – Тема, однажды обретённая поэтом, не есть, надо думать, нечто застывшее, если она –судьба. Стало быть, она направляла Вашу жизнь, вела не только через радость, но и сомнения, и трагедию. И всё-таки каждый настоящий поэт остаётся верен ей: отказаться, даже помыслить отказаться, – значит, думаю, обречь себя на безысходную тоску, творческое бесплодие. Как преображается эта тема в Вашем сегодняшнем творчестве, как влияет на его характер?

А.Т. – Последнее дело таить обиду на судьбу. Что бы ни было в моей жизни, я считаю себя счастливым человеком, который на взлёте своей жизни, в пору юности, обязан был стать взрослым, нести на своих плечах груз понимания смысла происходящих на наших глазах событий, чтобы иметь моральное право говорить о небывалом времени, жизни, человеке. Да, конечно, и тогда хватало мальчишеского максимализма, резкости в решениях. Но, смею думать, что наш характер сформировался под высоким давлением... как алмаз.

А порой странно и удивительно, что в некоторых своих произведениях тех лет я кажусь себе куда взрослее, чем даже сейчас. Что это – парадокс времени?

В. К. – В самом деле, удивительно: по общему впечатлению, Вы, Аалы Токомбаевич, как бы обрели новое дыхание в поэзии; оказалось – Вы тонкий и оригинальный лирик. Почему я называю это удивительным? Во многих исследованиях Вашего творчества, даже в последних, эта сторона Вашей поэзии не замечается. Вероятно, действует сила инерции, когда Вы воспринимались только как поэт-публицист. Между тем, как мне известно, многие Ваши лирические стихи поются как народные песни. Песни о любви. В чём тут, на Ваш взгляд, причина?

А.Т. – В молодости я стеснялся своей лирики. Это казалось не только мне, а всему моему поколению киргизских поэтов как бы и неуместным, даже вредным, уводящем в сторону от магистральной классовой борьбы. Нам казалось, что писать подобные стихи не менее стыдно, чем, например, носить галстук. Теперь мы можем улыбаться своим ошибкам, но молодость всё-таки и тогда брала своё: втайне мы изливали переполнявшие нас чувства на бумагу. И не моя вина, а большая беда, что огромное количество рукописей пропало. И счастье, что некоторыми моими песнями молодые люди и сейчас объясняются в любви. Наверное, поэт не уйдёт до тех пор, пока он не всё скажет. И, наверное, я не случайно пишу сейчас о любви, потому что переживаю в своих снах и фантазиях те чувства, которые мы не успели пережить: нам было некогда – строительство, война, непрекращающаяся борьба... Кажется, я объясняюсь в любви своему ушедшему времени, тем, кто не услышал самых необходимых слов.

В.К. – Не значит ли это, что Вы откладывали, так сказать, все эти чувства на потом, когда будет время и досуг? И всё-таки... риск был очень велик: можно не успеть, можно забыть.

А.Т. – Я не думал, что снова смогу стать молодым; оказывается, молодость иногда, как перелётная птица, возвращается в своё старое гнездо. И тогда мы боимся её спугнуть и очень нежно относимся к ней.

В.К. – Вероятно, это чувство продиктовало Вам такие стихи:

Не зови меня, старость, не надо,
Не стреножь моего скакуна,
Это отблеск цветущего сада
На висках у меня седина ...

– Значит, сад все-таки цветёт?

А.Т. – И в нём ещё, к счастью, живут птицы...

В.К. – Чем Вы платите за такое поразительное ощущение вернувшихся молодых сил?

А.Т. – Все мы по-своему Фаусты. Но если он волей волшебного таланта Гёте мог вернуть себе молодость и пережить её со всей полнотой и страстью, то мы сжигаем сейчас свои мудрые годы на костре своей юности...

В.К – А Вас, Аалы Токомбаевич, не пугает, что этот «костёр» Ваша жизнь? И чем ярче пламя...

А.Т. – ...тем я счастливей! Да, именно так. Не страшно пылать, потому что в этот момент ощущаешь вкус жизни, её остроту, её вечную молодость, любовь. Страшно другое: а вдруг бы не огонь, а чад, пытайся я заговорить языком поэзии?

Ну, а вообще я иногда позволяю себе думать, что моё сердце моложе меня лет на тридцать.

В.К. – Не думаете ли Вы, что «возраст поэта» – это особое неповторимое мироощущение, которое он сам готовит, надеясь жить долго?

А.Т. – Наверное, так; но мне кажется, коль скоро речь зашла о мироощущении, эта проблема имеет отношение не только к поэтам, а к людям вообще, ибо что иное – мироощущение, как не духовно-нравственное содержание личности человека, суть его восприятия жизни, времени и пространства? Сегодняшний человек, я уверен, иначе воспринимает всё это, чем даже его недавние предки. Разве это не естественно, если учесть, что человек – модель Вселенной, что в нём, стало быть, не просто отражаются, но и совершаются те поразительные процессы, о которых мы вчера не подозревали?! Революции – социальные, научно-технические; культурные – они ведь происходят не вне человеческой души, а именно в ней. Возможно, биологи знают, что ритм эпохи и кровообращение взаимосвязаны, что организм, реагируя на небывалые явления в духовной сфере общества, каким-то образом перестраивается, чтобы выдержать напряжение, напор жизни, её впечатлений, её новейших и будущих открытий.

В.К. – Если попытаться подключиться к Вашей мысли, мне кажется, что современный человек должен быть поэтом больше, нежели вчера. Почему я так считаю? Поэт – тот, думается, кто способен не просто принять к сведению новые явления действительности, но перевести их в особую форму духовного бытия, «приручить» их, так сказать, то есть одушевить, одухотворить; иначе они навсегда останутся чем-то чужеродным его сознанию и... даже могут представить в будущем опасность.

А.Т. – Вот-вот... Не этим ли объясняется, что мы сегодня столь напряжённо ищем своё место в мире, ищем себя? А искать себя – это, в первую очередь, не бояться выйти в неизведанное, вызвать, может быть, огонь на себя и, кроме того, быть готовым к встрече с чем-то, что никак не укладывается в прежние наши представления.

В.К. – В чём опасность таких встреч, что мы, люди, должны всё-таки предвидеть заранее?

А. Т. – В том, по-моему, чтобы не испугаться: от страха можно невзначай натворить много глупостей, за которые придется расплачиваться нашим потомкам.

В.К. – Что Вы, Аалы Токомбаевич, имеете в виду – может быть, то, что тревожит некоторых фантастов, программирующих встречу с инопланетными мыслящими существами, которые могут предстать перед нами в необычном облике и формах?

А.Т. – Нет, встречу с самим собой. Порой мне кажется, что всё пережитое было вовсе и не со мной, а с каким-то другим человеком! Неужели я был юным?..

В.К. – Не этот ли вопрос – причина Вашей сегодняшней поэзии?

А.Т. – И ещё другой: где она, куда уходит, как продолжается во мне моя молодость? Я хочу, услышав её эхо, пойти за ней, вернуть заново то потрясающее ощущение новизны мира, которое владело мной когда-то.

В.К. – То есть, я понимаю, вернуться в юность, в прошлое Вам необходимо, чтобы осмыслить и утвердить себя, сегодняшнего, не как песчинку, затерянную – в пространстве, но как мыслящую личность, слитую с историей, со всем человечеством в его многотрудном и прекрасном пути к звёздам, к будущему?

А.Т. – Я убеждён, что самая большая драма или даже трагедия, которую переживает отдельный человек, да и всё человечество в целом, – одиночество, отчуждённость от всеобъемлющей, всепроникающей сущности бытия. Смысл человеческого существования – он, смею думать, в стремлении к единству, к объединению в общем порыве познания братьев по разуму.

В.К. – В чём это, по-Вашему, выражается конкретно?

А.Т. – В историческом мироощущении современного человека, который хочет знать свою духовную биографию. И тем самым расширить своё нравственно-поэтическое пространство личности, пережить таким образом, я бы сказал, миг бессмертия. Чем иначе объяснить наш интерес к прошлому, к истокам, к затерянным в глубине времён мифам, легендам, преданиям? Вероятно, мы, люди XX столетия, сознаём (пусть чаще инстинктивно) себя продолжателями великой человеческой традиции, эволюции, благодаря которой и в процессе которой развивалась духовная культура.

В.К. – Я бы добавил к сказанному Вами относительно исторического мироощущения и чувство оптимизма, без чего человек едва ли будет способен на такой образ жизни, мышления и чувств, благодаря которому он решится смело взять на себя ответственность за будущее.

А.Т. – Вы правы. Испытание будущим – одна из главнейших нравственно-философских проблем нашего времени...

В.К. – Как она отражается или, вернее, должна бы отражаться в современной поэзии?

А.Т. – Если не ошибаюсь, Горький выразился в том смысле, что поэт – эхо мира, а не нянька собственной души.

Советская поэзия, и прежде всего в лице Маяковского, с огромной энергией и страстью выразила подлинно революционное возрождение Человека, одухотворенного великими идеями социальной справедливости и гуманизма. Образ нового человека, человека-творца, человека-художника, созданный советской многонациональной литературой, и поэзией в том числе, тем более впечатляющ, что в нём нашли конкретное воплощение черты подлинного героя, героя народного эпоса. Самое поразительное здесь, на мой взгляд, в том, что советские поэты открыли в простом, обыкновенном, как принято говорить, человеке такой необыкновенный мир чувств и мыслей, который прежде являлся привилегией идеального, что ли, героя.

В.К. – Чем Вы объясняете это?

А.Т. – Тем, конечно, что такие люди стали живой реальностью, обнаружились в самой жизни, как бы стряхнувшие с себя пелену уныния и безысходности.

Чтобы, например, возвести Магнитку, воздвигнуть Днепрогэс, нужно было прежде, чтобы в человеческой душе родились небывалые чувства, человек должен был пробудиться к подвигу, к творчеству. А творчество – это результат революции духа. Создавать новое могут только очень счастливые люди...

В.К. – ...и влюблённые.

А.Т. – Да, именно так. Потому что человек, истинно влюблённый в жизнь, в мечту, в труд, бессмертен: он забывает себя ради всеобщей жизни, прошлое и будущее пересекаются в его сердце, способном в эту минуту вместить весь мир, всё бытие.

В.К. – Не противоречит ли такой Ваш взгляд форме поэзии, которую Вы обрели, – лирике?

А.Т. – Ничуть. Напротив, мне кажется, что именно лирика сегодня, как никогда, олицетворяет главное направление движения поэзии. И потому, прежде всего, что мы, люди, стремясь к объединению, постигли одну величайшую истину: ценность и неповторимость человека как личности.

Победить эгоизм, тоску, отчаяние – это значит, по-моему, ощущать всеми силами души неизбежную потребность пережить, испытать драму человечества, устремлённого к торжеству высших идеалов. И ради этого, если хотите, вступить в поединок со смертью.

В.К. – Эту, по-моему, мысль Вы выразили в поэме «Старый беркут» – о могучей птице, поднявшейся в свой последний полет:

Но радость владения миром
Печали развеяла в пыль...
И дальше:
Глаза мои старые зорки.
Но нет тебя, смерть, в небесах.
Не ты ли трусливым мышонком
Мелькнула в далёких кустах?
Прими аке обличие птицы –
Начало сраженью пою!
Неужто же смерть побоится
Погибнуть в свободном бою?!..

А.Т. – Кроме того, я думаю, что смысл поэзии ещё и в том, чтобы утвердить для будущего такой уровень и накал чувств, который поможет завтрашним людям легче преодолеть любые препятствия на их пути.

В.К. – Как Вы представляете свою Музу? У Джамбула, например, Муза мужского рода – тигр. Когда тигр ушёл и не вернулся...

А.Т. – ...поэт умер. Да, это поразительно. Что ж, если моя птица не вернётся... *В.К.* – Кажется, мы увлеклись грустной темой.

А.Т. – Почему грустной? Смотреть правде в глаза – это и есть счастье. В счастье – радость, за которую я благодарен судьбе. В конце концов, становишься философом, перестаешь бояться... жизни, подарившей тебе самый прекрасный дар природы – способность видеть душу вещей и явлений, свою дорогу, ощутить себя птицей или рекой...

Чего же мне грустить? Жизнь продолжается. Жизнь вечна...

Беседу вел Владимир Коркин

ÑËÎÂÎ ÎÁ ÀÂÒÎÐÅ

***

В его творчестве слились глубокое значение многовековой киргизской культуры и острое восприятие современности. Произведения поэта народны и национальны: животворящий родной фольклор, классическая и советская русская литература помогли формированию его творчества.

М. Богданова

***

Киргизские литераторы справедливо называют своим аксакалом, старейшиной Аалы Токомбаева. Его заслуга перед родной словесностью трудно переоценить. Поэт философских раздумий, тонкий, проникновенный мастер стиха, он является также одним из зачинателей драматургии, прозы, литературоведения на родном языке.

С. Липкин и К. Рахматуллин

***

...Стихи Токомбаева интересны и значимы...решительно преодолевает старые и осваивает новые формы Токомбаев, о чем говорит и цикл стихотворений «В Ленинской библиотеке» и также превосходные стихи, как «Юрта».

Н. Грибачев

***

Аалы Токомбаев – поэт мужественный и нежный, мудрый и простой. Силу его поэзии, как и любого подлинного поэта, я вижу в ее верности жизни.

К.Кулиев

***

Аалы Токомбаев – поэт опытный, с богатым языковым багажом, постоянно ищущий творец, наш почетный аксакал.

Т. Абдумомунов

***

Поэзия Аалы Токомбаева глубоко самобытна и проникнута горячей любовью к родному краю. В Кыргызстане много озер, но среди них самое красивое и глубокое Иссык-Куль. В Кыргызстане много рек, но самая большая среди них Нарын. А среди произведений Токомбаева таким мне кажется его роман в стихах «Перед зарей». Этому роману поэт посвятил тридцать лет своей литературной жизни. Большой жизненный опыт, зрелое мастерство привели его к этому монументальному творению.

К. Маликов

***

Аалы Токомбаеву выпала миссия нести особый груз на всех значительных этапах национальной литературы на стадии ее профессионального рождения, становления и в процессе дальнейшего ее развития и расцвета.

К. Асаналиев

ПРИМЕЧАНИЕ

СЛОВО – ДУША НАРОДА

Пословицы, поговорки, изречения.
Печатается по: Пословицы и поговорки кыргызского народа. – Б., 1997.
Народные приметы.
Печатается по: *Иманалиев К.* Кыргызстан (Слово о Родине). – Б., 2002.
Песни любви. Перевод А. Глобы
Печатается по: Антология киргизской поэзии. – М., 1957.
Качели. Перевод А. Глобы
Печатается по: Антология киргизской поэзии.– М, 1957.
Колыбельные песни.
Печатается по: *Иманалиев К.* Кыргызстан (Слово о Родине). – Б., 2002.
Песни-заклинания.
Печатается по: *Иманалиев К.* Кыргызстан (Слово о Родине). – Б., 2002.
Алас, алас.
Печатается по: Кыргызстан: Энциклопедия.– Б., 2001.
Проводы невесты. Перевод А. Глобы
Печатается по: Антология киргизской поэзии.– М., 1957.
Кошоки (песни-плачи).
Печатается по: Кыргызстан: Энциклопедия.– Б., 2001.
Ак-Бата (молитвенное напутствие).
Печатается по: Кыргызстан: Энциклопедия.– Б., 2001.
Шырылдан.
Печатается по: *Иманалиев К.* Кыргызстан (Слово о Родине). – Б., 2002.
Баба-дыпкан.
Печатается по: *Иманалиев К.* Кыргызстан (Слово о Родине). – Б., 2002.
Помол. Посев.
Печатается по: Антология киргизской поэзии.– М., 1957.

Андрей Глоба (1888–1964)

Автор предисловия к итоговому, посмертному сборнику Глобы «Песни и поэмы» (М., 1969). Сергей Наровчатов – сам человек одаренный, но творчески советской эпохой почти погубленный – писал: «Судя по всему, А. Глоба задавался целью составить нечто вроде песенной антологии всех народов и всех веков». Среди его переложений песен встречаются «Весенняя песня» и «Песня шута» «из Шекспира», баллады Гете и «песенки» Карла Михаэля Бельмана, без «песенок» которого переводчик-«песенник, безусловно, обойтись не мог». Переводы – более чем вольные, почти нигде не сохраняет Глоба сложнейшую строфику Бельмана, рассчитанную на повторение определенной оригинальной мелодии, ни одно, насколько удалось проследить, стихотворение не переведено целиком. Помимо Бельмана, по меньшей мере, еще один перевод Глобы по сей день известен очень широко:

Постой!
Выпьем, ей-богу!
Еще,
Бетси, нам грогу

Стакан
Последний в дорогу!
Бездельник, кто с нами не пьет!..
За друга готов я хоть в воду, –
Да жаль, что с воды меня рвет!

Это бетховенская «Шотландская застольная». И хотя текст Глобы не перевод в точном смысле слова, новый русский текст бетховенской музыке потребуется не скоро. Во время лигачевско-горбачевского «полусухого» закона песня Бетховена, кстати, попала под полный запрет вместе с переводом Глобы. (Алфавитный указатель переводчиков. – По: http://www. vekperevoda. com/alphabet, htm).

Киргизские народные сказки. *Перевод М. Богдановой*

Богданова Медина Искандеровна (1908–1962)

Тюрколог широкого профиля и один из видных советских фольклористов, переводчик, кандидат филологических наук.

Печатается с 1930 г. Является автором более двухсот научных статей, литературоведческих и тюркологических монографий и очерков, среди которых ряд ценных исследований, посвященных проблемам взаимосвязи и взаимовлияний национальных литератур, роли фольклора в развитии младописьменных литератур и др. Таковы, например, исследования: «О некоторых вопросах истории киргизской литературы XIX–XX в.», «О принципах построения курса истории литератур народов СССР», «К вопросу о взаимоотношении фольклора и литературы», статьи об эпосе «Манас». (Известия АН СССР, Серия литературы и языка. Т. XXI, вып. 6. – М., 1962. – С. 569.)

Сказки печатаются по: Киргизские народные сказки. – Ф., 1987.

ЭПОС «МАНАС»

«Манас» – киргизский героический эпос, уникальное произведение, не имеющее аналогов в Центральноазиатской литературе. Вобрал предания о происхождении киргизов и их переселении с Алтая на Тянь-Шань, о подвигах богатыря Манаса и его дружины. Эпос состоит из трех частей: «Манас», «Семетей», «Сейтек».

Манас. Рождение богатыря. *Перевод С. Липкина*

Липкин Семен Израилевич (6(19). 09. 1911–31. 03.2003)

Переводчик, военный журналист, поэт.

Печатает стихи в газетах и журналах с 1929 г., но известность приобрел прежде всего как переводчик: калмыцкий эпос «Джангар» (1940), «Манас» (1941), «Манас Великодушный» (1947), кабардинский эпос «Нарты» (1951) и др. Один из наиболее известных переводов Липкина – киргизский эпос «Манас», по поводу которого старый сказитель наказывал Липкину: «Нельзя манасчи грязную душу иметь. Даже если ты русский манасчи, ты должен чистую душу иметь. Нельзя манасчи грязную душу иметь. Манас накажет». Завет старого сказителя Липкин выполнил, и не хотелось бы, чтобы его переводные труды забылись. Кстати, свидетельствую, что, по меньшей мере, один восточный язык Липкин неплохо выучил –фарси. *(Чупринин С.И.* Новая Россия: мир литературы: Энциклопедический словарь-справочник: В 2 т. – Т. I. – М., 2002. – С. 794.)

Эпизод из эпоса «Манас» печатается по: Антология киргизской поэзии. – М., 1957.

О киргизском эпосе «Манас». Печатается по: Кыргызстан – 1995: Дни. Люди. События: Календарь чтения. – Б., 1995.

ИЗРЕЧЕНИЯ МУДРЕЦОВ

Калыгул (1785–1855)

Калыгул Бай уулу – киргизский акын первой половины XIX в., выходец из зажиточной семьи. Его творчество принадлежит к религиозно-мистическому литературному направлению заманистов. Многие годы имя Калыгула предавали забвению. На нем было поставлено клеймо мистика, реакционера, выразителя бай-манапской идеологии. Сто с лишним лет назад Калыгула почитали как провидца, прорицателя, передавали его предсказания из уст в уста, записывали, пользуясь арабскими буквами. Так, несмотря на все препоны, его сочинения, хотя и в далеко неполном объеме, дошли до нашего времени. (Кыргызстан–2000: Дни. Люди. События: Календарь чтения. – Б., 2000.)

Предсказания и изречения Калыгула. *Перевод М. Рудова*

Назидательные стихи Калыгула – меткие суждения, которые превратились в пословицы и поговорки, составив народный кодекс нравственности. Нравоучения и назидания Калыгула оформлены как традиционные для акынской поэзии жанры «санат – насыят», «терме – санат», «месел» – собрание различных примеров, поучений, советов, метких изречений.

Первым по значению можно назвать призыв Калыгула к единению народа. Также в его наставлениях речь идет о родственных отношениях, об уважении старших, о труде, о стремлении к знанию, о приличиях в быту и о многом другом.

Стихотворения и примечание печатаются по: Калыгул Бай уулу. Избранное,– Б., 2004.

Впервые на русском языке стихи Калыгула в переводе М. Рудова опубликованы в газете «Советская Киргизия» 26 июня 1990 г.

Рудов Михаил Александрович (р. 19. 06. 1929)

Литературовед, критик, переводчик.

Кандидат филологических наук, профессор. Автор книг: Звенья открытий. Литературно-критические очерки. – Фрунзе, 1970; Жанр басни в русской литературе. – Фрунзе, 1974. Выпустил книгу басен: Ослы и Волки. – Бишкек, 1998. Составил сборник: Киргизская повесть. – М, 1981. Произведения М. Рудова переведены на киргизский язык.

Член СП СССР (1971), СП Кыргызстана (1992).

Заслуженный учитель Киргизской ССР (1979). *(Чупринин С.И.* Новая Россия: мир литературы: Энциклопедический словарь-справочник: В 2 т. – Т. II. – М., 2002. – С. 323.)

Токтогул Сатылганов

Нравоучительные стихи. *Перевод Ю. Гордиенко*

Из репертуара акынской поэзии в жанре терме – собрании строф, связанных между собой приемом изложения и речитацией.

Опубликовано по материалам Калыка Акиева в сб. Токтогул (1938). Впервые на русском языке в переводе Ю. Гордиенко опубликовано в 1964.

Стихотворение и примечание печатаются по: Токтогул. Избранное. – Ф., 1989.

Гордиенко Юрий Петрович (р. 22. 06. 1922)

Переводил поэзию с армянского, казахского, киргизского, корейского, молдавского, туркменского и др. языков.

Член СП СССР. *(Чупринин С.И.* Новая Россия: мир литературы: Энциклопедический словарь-справочник: В 2 т. Т. I. – М, 2002. – С. 356.)

Курманджан-датка Маматбай кызы (1811–1907)

Курманджан-датка – царица Алая, первая и единственная женщина-правительница. Курманджан была не только уникальной исторической личностью, но и поэтессой, писавшей стихи под псевдонимом Зыйнат. Следуя восточной традиции, Зыйнат писала на фарси. Современники ставили её в один ряд с произведениями признанных поэтесс Средней Азии, таких, как Надира, Дильшот, Махзура и др. В своих газелях Зыйнат разрабатывала сложные проблемы человеческих взаимоотношений, отражала высокие страсти, идеи верности. миролюбия, пела о «киргизских горах», о «чистых родниках» и «быстрых скакунах». Её произведения отличаются поэтическим совершенством и высокой художественной формой. (Кыргызстан–2001: Дни. Люди. События: Календарь чтения. – Б., 2001.)

Солнце взойдет – зной такой... *Перевод М. Рудова.*

Сорока летит в Кары-Ой... *Перевод М. Рудова.*

Из дивана стихов Зыйнат. *Перевод М. Рудова.*

Состязание алайской царицы в айтыше с поэтом Амирбеком. *Перевод М. Рудова.*

Айтыш – это поэтическое состязание двух акынов в присутствии аудитории, часть которой болеет за одного акына, часть – за другого. Обычно айтыш исполняется под аккомпанемент комуза и длится долго, порой часами. Мастеров айтыша в народе звали *кара джаак ырчылар* – неутомимыми певцами. Айтыш – очень трудное поэтическое состязание, для победы в котором акын должен помимо дара импровизации обладать умом, находчивостью, остроумием, знанием сильных и слабых сторон своего противника.

Имеются упоминания о поэтическом состязании Курманджан-датки с узбекскими и киргизскими поэтами на различных торжествах. В частности, в Коканде на свадьбе сына Худояр-хана Урман-бека Курманджан «семь дней читала стихи, и на устных поэтических состязаниях и в стихосочинительстве была выше всех и получила самый главный приз». *(Бобулов К.* Поэзия киргизского народа // Поэты Киргизии.– Л., 1980. – С. 13 – 14. Курманджан-датка – царица Алая. – Б., 2002.)

Плач «кошок» царицы Курманджан в час казни младшего сына Кымчыбека. *Перевод М. Рудова.*

Стихотворения печатаются по: Курманджан-датка – царица Алая. – Б., 2002.

Слово об авторе. Печатается по: Горная царица Курманджан и ее время. – Б., 2002.

Токтогул Сатылганов (1864–1933)

Токтогул Сатылганов – киргизский акын, певец-импровизатор, виртуоз-комузист конца XIX – начала XX века, основоположник киргизской советской литературы. Алымкан. *Перевод Ю. Гордиенко (1967).*

В середине 80-х годов Токтогул создает лирические песни «Насылкан», «Суйумкан», «Алымкан» и др., ставшие классическими образцами киргизской любовной лирики.

Песня «Алымкан» запечатлела личную трагедию молодого акына. В ней заключены страдания влюбленного поэта, который по воле судьбы не смог соединиться со своей любимой. Несбывшаяся мечта легла в основу мелодии «Жаш кыял» («Мечта юности»), в которой Токтогул прощается с первой любовью.

Текст записан Дж. Боконбаевым в 1938 г. от ученика Токтогула акына Коргола Досуева (1890–1962).

Здравствуй, мать! *Перевод М. Ватагина.*

Стихотворение записано Калыком Акиевым в 1939 г. Повествует о встрече Токтогула с матерью Бурмой после возвращения из ссылки. В песне использованы приемы кошока.

Ватагин Марк

Литературовед, переводчик.

Назидания. *Перевод Ю. Нейман*

Назидательные стихи традиционного жанра «санат» широко распространены в акынской поэзии. Санаты Токтогула широко распространены среди народа. Афористические четверостишия и двустишия вошли в разговорную речь и стали пословицами и народными поговорками.

Текст записан от Калыка Акиева в 1938 г. Стихи на русском языке в переводе М. Тарловского под названием «Санат» впервые опубликованы в 1948 г.

Нейман Юлия Моисеевна (22. 07. 1907–1994)

В конце 20-х годов в Москве сложилась небольшая группа молодых поэтов, более или менее ровесников – А. Тарковский, А. Штейнберг, С. Липкин, М. Петровых и еще троечетверо, – которых называли то группой «поэтическая правда», то «неореалистами». Время для создания какого-либо объединения, кроме государством инсценированного, было на редкость неподходящим, случись такое двумя-тремя годами позже – всех бы посадили и выслали сразу, как обериутов. Однако «приезжие москвичи», они же «неореалисты», были зазваны все вместе в ГИХЛ к Шенгели, который приспособил молодежь к поэтическому переводу, чем и спас от голодной смерти; кроме неукротимого Штейнберга, никто из них даже в отсидку не загремел. К этой же группе принадлежала Юлия Нейман, с юных лет переводившая для себя Рильке, а для прокорма – всё остальное. Нейман всю жизнь честно трудилась, не чая увидеть в печати ни собственные стихи, ни своего Рильке, хотя первые стихи напечатала еще в «Красной нови» в 1930 году, первый поэтический сборник у нее вышел лишь в 1974 году, в те же годы просочился в печать и десяток переводов из Рильке.

Больше известна как переводчик поэзии народов СССР. Избранные переводы собраны в сб.: Горы и степи. – М., 1986 («Мастера художественного перевода»).

Член СП СССР (1963).

Награждена орденом Дружбы народов (1987), медалями. *(Чупринин С.И.* Новая Россия: мир литературы: Энциклопедический словарь-справочник: В 2 т. – Т. II. – М, 2002. – С. 122.)

Бренный мир. *Перевод М. Рудова*

Поэтическое размышление о жизни и смерти, изложенное в традициях философской лирики Востока. Впервые на русском языке опубликовано в переводе В. Винникова под заглавием «Жизнь» в «Литературной газете», 1939, 10 января, затем в его же переводе «О жизни» – в сб. Токтогул, 1958. В переводе Е. Орловской «Жизнь» – в сб. Токтогул, 1950, «Жизнь и смерть» – в сб. Токтогул, 1954.

Текст перевода печатается в сокращении.

Стихотворения печатаются по: Поэты Киргизии. – Л., 1980. Токтогул. Избранное. – Ф., 1989.

Слово об авторе. Печатается по: Кыргызстан – 99: Дни. Люди. События: Календарь чтения. – Б., 1998.

Тоголок Молдо (1860–1942)

Тоголок Молдо (Баиымбет Абдрахманов) – великий акын – письменник. С 14 лет начал писать стихи, сказания, хорошо знал эпос «Манас» и слыл в народе неплохим манасчи. Истинный гуманист, баснописец, и не случайно его называли «киргизским Крыловым». Его оружие – мощная сатира.

Детская песенка. *Перевод Т. Стрешневой*

Стрешнева (Смелякова) Татьяна Валерьевна

Переводчик, поэт.

Плач женщины о павшей корове. *Перевод А. Вознесенского*

Песня написана по фольклорным мотивам в форме армана (песни – жалобы).

Стихотворение печатается по: Тоголок Молдо. Избранное: Стихи. – М., 1958.

Вознесенский Андрей Андреевич (р. 12. 05. 1933)

Русский поэт, переводчик, академик РАО (1993). Печатается с 1958 г. С 1961 г. Вознесенский постоянно переводит на иностранные языки. Писал тексты к песням М. Таривердиева, А. Бабаджаняна, Р. Паулса, А. Шнитке; на его тексты созданы «Поэтория» Р. Щедрина, спектакль Московского театра драмы на Таганке «Антимиры» и рок-опера «“Юнона” и “Авось”» в театре «Ленкома».

Член СП СССР (1960). Почетный член Американской академии искусств и литературы, Национального института искусств и литературы в г. Нью-Йорке, Баварской академии изящных искусств (Мюнхен), член-корреспондент Французской академии им. С. Малларме, академик Европейской академии (1990), Российской академии образования (1993), АН Латвии (1995), почетный доктор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов (1998). Председатель комиссий по литературному наследию Б. Пастернака (1987), И. Андроникова (1991). *(Чупринин С.И.* Новая Россия: мир литературы: Энциклопедический словарь-справочник: В 2 т. – Т. I. – М., 2002. – С. 278.)

О собаке, которая хотела сшить себе халат – доолдай. *Перевод А. Вознесенского*

Это и следующие стихотворения – обработки народных басен. Тоголок Молдо первый в киргизской литературе обратился к басне. В основном он обрабатывал фольклорные сюжеты, но есть и басни, написанные по литературным источникам. Акын читал по-татарски Габдуллу Тукая, который пересказал в стихах и прозе басни Крылова (по-русски Тоголок Молдо в то время не читал).

Басня печатается по: Тоголок Молдо. Избранное: Стихи.– М., 1958.

Волк и Лиса. *Перевод М. Ватагина*

Басня печатается по: Акыны: Стихотворения, поэмы. – Б., 1991.

Лиса и Журавль. *Перевод В. Микушевич*

Басня печатается по: Тоголок Молдо. Избранное: Стихи. – М., 1958.

Микушевич Владимир Борисович (р. 5. 06. 1936)

Известен как переводчик с немецкого языка. Печатается как поэт, прозаик и литературовед. Выпустил книгу духовных стихов.

Член СП СССР (1972), Независимой академии эстетики и свободных искусств (с 1995), редколлегий журнала «Академические тетради» (с 1995), газеты «Литературная ярмарка» (2000). Участник объединения духовных поэтов «Имени Твоему» (с 1988). Президент Средиземноморской академии (Керчь, 1994). *(Чупринин С.И.* Новая Россия: мир литературы: Энциклопедический словарь-справочник: В 2 т. –Т. II. – М., 2002. – С. 61.)

Осёл и соловей. *Перевод А. Вознесенского*

Басня печатается по: Тоголок Молдо. Избранное: Стихи.– М, 1958.

Я был его учеником. Воспоминание о Токтогуле. *Перевод Р. Кыдырбаевой.*

Кыдырбаева Раиса Заитовна (р. 1930)

Исследователь эпоса «Манас», переводчик, доктор филологических наук, член-корреспондент АН КР, лауреат Госпремии КР, заслуженный деятель науки КР.

Опубликовала свыше 100 статей по изучению киргизского фольклора и литературоведению. Автор 9 монографий: Генезис эпоса «Манас», Краткий киргизский словарь литературоведческих терминов, Народно-поэтические традиции в эпосе «Жаныл-Мырза» и др.

Воспоминание печатается по: Венок Токтогулу. – Ф., 1964.

Слово об авторе. Печатается по: Кыргызстан – 2000: Дни. Люди. События: Календарь чтения. –Б., 2000.

Алымкул Усенбаев (1894–1963)

Алымкул Усенбаев – акын-импровизатор, ученик Токтогула. Акын был большим знатоком фольклора, от него записан целый ряд шедевров киргизской народной поэзии, среди них эпические поэмы «Кожожаш» (1938), «Сарынджи-Бокой» (1938), «Олджобай и Кышимджан» (1940). Велика заслуга Алымкула в собирании наследия Токтогула.

Человек и тигр. *Легенда. Перевод М. Ронкина*

Впервые на русском языке легенда была опубликована в 1958.

Легенда печатается по: *Усенбаев А.* Человек и тигр. – Ф., 1984.

Воробей. Басня. *Перевод Г. Фере.*

Сорока-зазнайка. Басня. *Перевод Г. Фере*

Фере Георгий Владимирович

Поэт, музыкант, переводчик, сын композитора Владимира Георгиевича Фере.

Басни печатаются по: *Усенбаев А.* Комуз. – Ф., 1958.

Мой великий учитель. Воспоминание о Токтогуле. *Перевод* Р. *Кыдырбаевой.* Воспоминание печатается по: Венок Токтогулу. – Ф., 1964.

Слово об авторе. Печатается по: Алымкул Усенбаев. 1894–1963: Библиогр. памятка. – Ф., 1974.

Калык Акиев (1883–1953) – акын-импровизатор, сказитель народного эпоса, ученик Токтогула Сатылганова.

Голодный волк. Сказка. *Перевод М. Ронкина*

Сказка печатается по: *Акиев К.* Голодный волк. – Ф.: Мектеп, 1983.

Детство мое. Воспоминания. *Перевод В. Вакуленко.*

Как рождаются песни. Воспоминания. *Перевод В. Вакуленко*

Вакуленко Валерий Яковлевич (р. 23.10.1945)

Переводчик, доктор филологических наук, профессор.

Печатается с 1965 г. В. Вакуленко является автором четырех сборников литературно-критических статей, заметок, очерков. Значительное место в творчестве писателя занимает переводческая работа. Им переведены на русский язык произведения К. Акиева, С. Сасыкбекова, К. Баялинова, К. Джапарова и др.

Член СЖ СССР (1977), СП СССР (1981). (Писатели Советского Киргизстана. – Ф., 1989. – С. 193.)

Воспоминания печатаются по: *Акиев К.* Пройденный путь: Страницы жизни. – Ф, 1978.

Слово об авторе. Печатается по: Кыргызстан-2003: Дни. Люди. События: Календарь чтения. – Б., 2003.

Касым Тыныстанов (1901–1938)

Касым Тыныстанов – филолог, поэт, первый киргизский профессор. Один из энтузиастов, создавших систему образования и первых практических руководств, самоучителей и

словарей в республике, а также первый переводчик с русского языка на киргизский. К. Тыныстанов свободно владел русской грамотой, писал стихи на узбекском, уйгурском, азербайджанском языках.

Тыныстанов – основоположник киргизского языкознания. Его лингвистические труды и сегодня имеют неоценимое практическое значение. Учебники: «Киргиз тилинин морфологиясы» («Морфология киргизского языка») и «Киргиз тилинин синтаксиси» («Синтаксис киргизского языка») – стали основой национальной письменности в киргизских школах. *(Иманалиев К.* Кыргызстан: (Слово о Родине).– Б., 2002.)

Той, с кем разлучен. *Перевод Вяч. Шаповалова (1991).*

Разлука. *Перевод Вяч. Шаповалова (1990).*

Зима. *Перевод М. Рудова (1990).*

Перу. *Перевод Вяч. Шаповалова (1988).*

Гробница Манаса. *Перевод М. Рудова (1990).*

Спроси-ка, друг мой, спроси! *Перевод М. Рудова (1990).*

Шаповалов Вячеслав Иванович (р. 28. 10.1947)

Поэт, переводчик, литературовед.

Печатается с 1964 г. Первый поэтический сборник «Купол неба» издан в 1976 г. Как литературовед занимается исследованиями в области взаимовлияния киргизской и русской литератур. Им осуществлен перевод на русский язык произведений киргизских поэтов А. Токомбаева, Т. Уметалиева, С. Эралиева, А. Токтомушева, А. Осмонова и др.

Член СП СССР (1984). (Писатели Советского Киргизстана. – Ф., 1989. – С. 601.)

Стихи печатаются по: Касым Тыныстанов и отечественная культурная история XX века. – Б., 2001.

Джаныл Мырза. Поэма. *Перевод Вяч. Шаповалова (1991)*

Поэма «Джаныл Мырза» печатается по: *Тыныстанов К.* Джаныл Мырза // RESPUBLICA.- 1993. – 26 ноября. Десять лет борьбы за новый алфавит в Киргизии. Сжатый исторический очерк.

Очерк печатается по: *Тыныстанов К.* Десять лет борьбы за новый алфавит в Киргизии// Лит. Киргизстан.– 1991. – № 9–10.

Слово об авторе. Печатается по: *Тыныстанов Б.* Касым, Боталы, Дилил. – Тыныстанов. – Б., 2005.

Касымалы Баялинов (1902–1979)

Касымалы Баялинов – основоположник киргизской советской прозы. Литературная деятельность началась в 1922 г. с публикаций его стихотворений на казахском и татарском языках. Его перу принадлежат повесть «Аджар» (1926) – первая ласточка киргизской прозы, трехтомный роман «Братство», повесть «На берегах Иссык-Куля» и др. Касымалы Баялинов широко известен как переводчик, видный общественный деятель. Писатель перевел на родной язык произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.И. Крылова, М. Горького и других писателей. А произведения самого Баялинова выходили на русском, узбекском, азербайджанском, татарском, французском, английском, немецком и других языках.

За большие заслуги в развитии киргизской литературы Касымалы Баялинов удостоился звания народного писателя Киргизии (1968). (Касымалы Баялинов: Рек. библиогр. указ. – Б., 2002.)

Ажар. Повесть. *Перевод Г. Шариповой*

Первое издание на русском языке: Аджар / Пер. Г. Шариповой. – М.: Журн.-газ. объединение, 1932. – /Б-ка «Огонек»/.

Повесть «Ажар» печатается по: *Баялинов К.* Ажар: Рассказ // Счастье: Повести и рассказы. – Ф., 1948.

Интернационализм великого поэта. Статья

Статья печатается по: *Баялинов К.* Интернационализм великого поэта // Лит. Киргизстан. – 1998. – № 2.

Слово об авторе. Печатается по: Касымалы Баялинов: Рек. библиогр. указ. – Б., 2002.

Аалы Токомбаев (1904–1988)

Аалы Токомбаев (Балка) – поэт, прозаик, драматург. Один из основоположников киргизской профессиональной литературы. В начале 40-х годов писатель заявил о себе как о мастере лиро-романтической прозы. Его перу принадлежат повести «Раненое сердце», «Тайна мелодии», роман «Перед зарей», пьесы «Клятва», «Гордость», «Хозяева леса» и др.

Большинство произведений А. Токомбаева изданы на русском языке, отдельные издания выпущены на украинском, казахском, таджикском, узбекском, литовском языках, некоторые переведены за рубежом.

Писатель активно работал и в области поэтического перевода. Им переведены на киргизский язык произведения С. Маршака, А. Кунанбаева, Дж. Джабаева.

Народный поэт Киргизии (1945). Член СП СССР (1934). (Писатели Советского Киргизстана. – Ф., 1989. – С. 517.)

Тайна мелодии. Рассказ. *Перевод А. Валитовой*

Валитова Айсулуу

Востоковед, кандидат филологических наук, переводчик. Живет в Москве. Рассказ печатается по: *Токомбаев А.* Тайна мелодии: Рассказ // Время летит: Рассказы и повести. – Ф., 1958.

О времени, о себе. Статья.

Статья печатается по: *Токомбаев А.* О времени, о себе // Сов. Киргизия. – 1984. – 18 мая.

Диалог о нестареющей молодости. Интервью. *Беседовал В. Коркин*

Интервью печатается: *Токомбаев А., Коркин В.* Диалог о нестареющей молодости // Лит. Кыргызстан. – 2000. – №1.

Слово об авторе. Печатается по: *Токомбаева Т.* Аалы Токомбаев: Документальная повесть. – Б.: Изд-во «ЖЗЛК», 2004.

Составители: *А.С. Кацев, Н.Л. Слободянюк*

ПОД БЕЗДОННЫМ КУПОЛОМ АЗИИ

Книга для чтения с удовольствием

Часть 1

Редакторы: *Л.В. Тарасова,*
И.С. Волоскова, Т.П. Вязьмина

Компьютерная верстка *Г.Н. Кирпа*

Подписано в печать 20.10.09. Формат 60×84 1/8
Офсетная печать. Объем 24,75 п.л.
Тираж 50 экз. Заказ 171

Издательство Кыргызско-Российского
Славянского университета
г. Бишкек, ул. Киевская 44

Отпечатано в типографии КРСУ
710048, г. Бишкек, ул. Горького, 2